





ЕПИСКОП ГРИГОРИЙ (ЛЕБЕДЕВ)

ТОЛКОВАНИЕ  
НА ЕВАНГЕЛИЕ  
(ОТ МАРКА И ЛУКИ)



Даниловский благовестник  
2006

ББК 86 372

Л 33

*По благословению  
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси  
Алексия II*

Л 33      Епископ Григорий (Лебедев). ТОЛКОВАНИЕ НА  
ЕВАНГЕЛИЕ (от Марка и Луки). – М.: Даниловский  
благовестник. 2006. – 264 с.

Святое Евангелие – самая важная книга в жизни каждого христианина. Относиться к чтению его нужно как к серьезной работе: терпеливо, последовательно, не торопясь изучать его, вдумываясь в каждое слово. Мы пытаемся открыть для себя Истину, но подчас чего-то не понимаем, порой неправильно толкуем. Сложно обойтись нам без мудрого наставника. И здесь неоценимую помощь оказывают толкования на эту священную книгу людей с богатым духовным опытом. Одним из них был священномученик Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский (1878–1937). В годы гонений, обращаясь к своим духовным чадам, он советовал им ежедневно читать по одной главе Евангелия: «Вы интересовались смыслом некоторых евангельских текстов. Пишу пояснение».

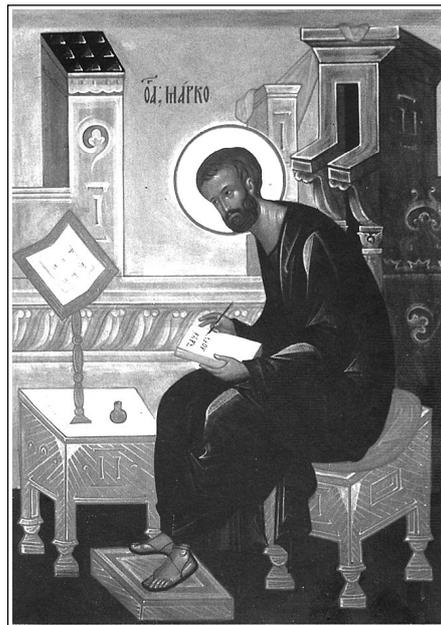
Тем интересны и близки эти «Духовные размышления» современному читателю, что адресованы они были конкретным людям – его духовным чадам. Яркий, образный, но в то же время простой и понятный язык позволяет считать эту книгу незаменимым помощником всем православным людям, которые стремятся полнее постичь слово Божие.

ISBN 5-89101-190-5

© «Даниловский благовестник», Жизнеописание,  
подготовка текста, верстка, оформление. 2006

«БЛАГОВЕСТИЕ  
СВЯТОГО ЕВАНГЕЛИСТА  
МАРКА»

(Духовные размышления)







*1* *Начало Евангелия Иисуса Христа... вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим... Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу... (Мк. 1, 1–3).*

Так в душе человека Христову благовестию предшествует внушение Ангела: «Приготовь путь Богу». Это зов совести. Он зовет и в бесплодной жизни. И лишь в открытой душе, когда сбиты преграды страстей, когда уравниены пропасти падений, лишь в подготовленной душе может звучать и будет слышен голос евангельского слова.

А за голосом Евангелия, когда он услышан, идет Христос. Иначе – закрыты у человека глаза, и закрыты уши, и ожесточено сердце, и ничего он не слышит.

*2* *Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса... (Мк. 1, 6).*

Голос совести строг, суров... Не пренебрегай им, как бы он ни был неприятен... Слушайся его.

*3* *Иоанн сказал им в ответ: ...стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви Его (Ин. 1, 26–27). Идет за мною Сильнейший меня... Он будет крестить вас Духом Святым (Мк. 1, 7–8) и огнем (Мф. 3, 11); лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу... (Мф. 3, 12).*

И в чистой совести естественного человека, не просвещенного христианством, стоит «Некто», Которого она не знает... Это – Бог. Человек чаще обращается к Нему после житейских впечатлений и влияний, но Он впереди всего... Он сильнейший... И когда душа потянется к Нему, тогда она поймет, что это Тот, у Которого она недостойна развязать ремень обуви... Это – Бог. Только Бог может в корне изменить человеческое ничтожество. И чистая душа понимает это. Только Бог может огнем истребить человеческий смрад и вдохнуть дыхание новой жизни веянием очистительно-творческой силы Святого Духа. Таково крещение души: смерть в огне, погребение и восстание в воде очищения и обновление в благодати Святого Духа.

*4* *И когда выходил [Иисус] из воды (Иордана), тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него (Мк. 1, 10). Когда... Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святый нисшел на Него... (Лк. 3, 21–22).*

Так Дух Святой благодатию посещает человека по очищении крещением покаяния. Когда в крещении покаяния будет погребен «ветхий», истлевающий человек, тогда и отверзнутся для человека небеса и ему даруется веяние благодатного Духа. А святой Лука боговдохновенно присоединяет упоминание о молитве Христа по выходе из воды и тем больше углубляет мысль о времени ниспослания Святого Духа: «Иисус, крестившись, молился: (тогда) отверзлось небо...». И для христианской души, прошедшей искушение очистительного покаяния, надо сейчас же вступать в духовный подвиг устремленности к Богу (подвиг молитвы), и тогда откроется ей небо...

Отсюда вывод: не нервничай, не впадай в малодушие, не торопи Бога открыть тебе Свои объятия. Дух Господень приходит не по первой твоей мысли: «Вот я пойду ко Христу»... Он обвеет тебя, когда ты в покаянии погребешь старого осужденного тобой человека и начнешь духовный подвиг устремленности к Богу.

**5** Немедленно после того [после крещения] Дух ведет Его [Христа] в пустыню. И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаню... (Мк. 1, 12–13).

Да, немедленно... Едва только душа встала на путь к Богу, сейчас же, как вихрь пустыни, набрасываются на нее искушения. Пустыня – это мир бесплодной жизни, это жизнь земли... Она немедленно обрушивается на душу, потому что нет между ними сродства... Между ними борьба. И христианин, лишь только объявил себя Божиим, немедленно вынужден начать эту борьбу с миром искушений. Она неминуема. Иначе он не сын Духа, а сын земли. И ты будь готов к искушениям сатаны. В спокойствии прими их, чтобы во всеоружии отразить.

Не расслабляйся и не унывай. Борьба с грехом неминуема для воина Бога; значит, если ты воин, то и воюй, а не складывай рук в малодушии.

И борьба будет долгой. Сорок дней (в Священном Писании) указываются как наивысший, предельный срок подвига. Значит, предстоит длительная борьба. Борьба на всю жизнь.

**6** ...И был [Господь в пустыне] со зверями; и Ангелы служили Ему (Мк. 1, 13).

Когда человек, пошедший к Богу, останется в пустыне жизни, на него набрасываются звери. Звери – это страсти человека. Они кругом обступают душу и грозят ей. Разве они не кровожадные звери? И разве не терзания они приносят христианской душе?.. Мужайся, борись... Так должно быть. А затем: ты не один! «Ангелы служили Ему». Вот твоя невидимая охрана... Божия рука теперь сопутствует тебе, и ограждение твое крепко. Только не изменяй Богу!

**7** Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков (Мк. 1, 16–17).

Люди живут у моря жизни, и все они рыболовы. Они кидают в море жизни сети души и ловят ими ценное или сор жизни.

Пойди к Начальнику лова – Богу и через Него закидывай сети... И прежде всего поймаешь свою душу, а то ведь она на стороне, на глубоком «сорном дне».

**8** *И они [Симон и Андрей] тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним (Мк. 1, 18). ...Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также в лодке починивающих сети; и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего... последовали за Ним (Мк. 1, 19–20).*

Люди – ловцы и закидывают сети души... А сети дырявые, и их пытаются починить. И всех зовет Господь... Как чутко откликнулись чистые души призванных Апостолов: «они тотчас» пошли... пошли, оставивши все: имущество (сети)... да что имущество? – они пошли, оставивши отца своего...

Пример нерадивой душе!

Сколько зовов пройдет через нее... А она тупа, глуха, бесчувственна... Господь же зовет и зовет... Гибель души приходит по ее нерадению.

**9** *В синагоге... был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал [когда Господь вошел в синагогу]: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! ...Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотряси его и вскричав громким голосом, вышел из него (Мк. 1, 23–26).*

Здесь образ столкновения мира Христа и мира земли. Мир земли не выносит мира Божия, и в душе, начавшей борьбу за добро, он ожесточенно выталкивает добро: «Оставь меня... это мне не годится... Это не для меня...». И в первых схватках добра со злом, когда в душе, поддерживаемой Божией силой, начинает побороть мир добра, зло оставляет насиженное гнездо, всячески потрясая душу... Запомни.

Такая же нетерпимость мира земли давит на христианскую душу и со стороны, совне, когда душа соприкасается с миром земли.

**10** *...Пришли [Христос с учениками] в дом Симона...  
Теща же Сиимонова лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им (Мк. 1, 29–31).*

Теща Симона, лежащая в горячке, – образ человека в миру. Каждую душу в миру трясет сатана, как в горячке. «Се сатана просит, дабы сеял вас, как пшеницу». Как трясется высеваемое зерно, так диавол трясет человеческие души.

Надо, чтобы Господь взял душу как бы за руку, и тогда «она стала служить Ему». В душе есть обращенность к Господу, есть желание работать Ему, а сил нет... мир теряет душу, и усилия души бесплодны. Ищи Божию руку, и тогда встанешь от болезни мира и станешь служить Христу.

**11** *При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных... (Мк. 1, 32).*

Зачем же люди идут ко Христу при наступлении вечера, когда уже заходит солнце их жизни и чувствуют они холод надвигающейся ночи? Зачем они откладывают путь ко Христу до времени, когда они уже бессильны идти, как больные и израненные? Зачем?

**12** *...[Господь] не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос (Мк. 1, 34).*

Конечно, бесы знают, где Христос, где Божие, где добро, где зло. Они намеренно держат человека в слепоте, в потемках, чтобы не заблестел для человека Божий свет истины. А по слепоте человека держится его рабство диаволу.

**13** *А утром, встав весьма рано, вышел [Господь] и удалился в пустынное место, и там молился (Мк. 1, 35).*

Образец для тебя, душа! Бодрствуй, заключись в себя, молись, молись без конца. Если молитва была нужна безгрешному Божию Сыну, то как же ты самонадеянно хочешь держаться в жизни без опоры на небо, на своего Небесного Отца? Ясно, что терпишь раны и падаешь часто.

*14* *Приходит к Нему [Христу] прокаженный и... говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, умиловшись над ним... сказал ему: хочь, очистишь. ...И он стал чист. И [Господь], посмотрев на него строго, тотчас отослал его... (Мк. 1, 40–43).*

Так в земной жизни. Приходит (ко Христу) человек, весь покрытый проказой грехов, а самонадеянность человека велика! Он все еще думает о себе, своих силах, силах мира... К Богу он обращает вопрос не то сомнения, не то экзамена: «Ведь Ты же существуешь, Господь... И Ты милосерд. Что же Ты мне не поможешь?» А Господь все прощает, и терпеливо ждет исправления, и подает Свою милость и по такой полувере...

«Я-то для всякого хочь, чтобы он был чист». Господь только строго посмотрит на такую больную душу, зная, что Его милость и на этот раз не обратит ее, и она не послушает Божия зова, и пойдет снова брести по своему грешному пути, как не послушал Господа исцеленный прокаженный.

*15* *И пришли к Нему [Христу] с расслабленным... и, прокопав ее [кровлю дома], спустили постель... Иисус, видя веру их... (совершает чудо) (Мк. 2, 3–5).*

Первое условие благодетельного вмешательства Божией силы в человеческую жизнь – наличие веры в среде, на которую простирается Божие вмешательство. Есть вера для достойного и целесообразного восприятия Божией силы – Господь совершает чудо, нет веры – нет чуда.

И так происходит не по недостатку Божия всемогущества, а потому, что Божия сила не действует механически. А ведь

если человек не имеет веры и, значит, не может воспринять Божией силы, то ее действие будет или механическим и как бы насилующим свободную волю человека, или же оно будет бесцельное и как бы растворится в пространстве. И то и другое совсем недостойно Божией силы как высшей разумной стихии. Потому и сказано: «Не мечите бисера», и другой раз: «Он (Господь) не сотворил (не мог сотворить?) там чуда за неверие их (окружающих)».

**16** *Иисус... говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои. ...Тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой (Мк. 2, 5, 11).*

Вот где причина физического расслабления – грехи! Вот где простой и вернейший диагноз физического вырождения людей – грехи! И совершенно понятно, потому что грех всегда есть прежде всего нарушение нормы, извращение природы и потому ведет за собой расстройство – болезнь.

**17** *Проходя, увидел Он [Христос] Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, встав, последовал за Ним (Мк. 2, 14).*

Как просто, как решительно! Грешник мытарь Левий, едва лишь услышал призыв Христа, бросает без раздумья все, чем он жил... Бросает обеспеченное положение и уходит за Господом, как добровольный нищий. И какая решительность! «Левий встал и пошел»...

А теперь наши души, грешнейшие грешнейших, будучи призываемы, торгуются: «Да как я устроюсь, как я буду жить... да что я получу?»... И, давши слово идти за Господом, уподобляются приточному сыну, который ответил Отцу, пославшему его на работу: «Иду, Господи», а сам не пошел (Мф. 21, 28–30).

**18** *...Не здоровые имеют нужду во врачах, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мк. 2, 17).*

Здесь беспредельность Господнего зова! Нет болезни, нет раны, нет язвы, нет греха, которые бы выключали грешников из этого зова! Неисцельных больных бросают врачи... От отъявленных злодеев отворачиваются люди... А Христос зовет всех: «Ведь для вас Я пришел, идите».

**19** *...Но придут дни, когда отнимется у них жених [Христос], и тогда будут поститься в те дни (Мк. 2, 20).*

Да, когда отнимается от души Бог, тогда наступает мрак, траур и слезы. Тогда должен начаться подвиг без конца, пост без счета чисел и дней, чтобы вернуть душе Бога.

**20** *Никто к ветхой одежде не приставляет заплатки из небеленой ткани: иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи... (Мк. 2, 21–22).*

Когда будешь рассматривать рваную одежду своей души, и будет тебе стыдно, и захочешь ее обновить, не рядись в яркие лоскутья заплат. Брось пеструю, крикливую ветошь и лучше оденься в одежду простую, но новую. У духовной жизни нельзя начинать постройки нового с подлаживанием к старому. «Новое» – Божие несоединимо с «ветхим» – человеческим. Новому вину Божией силой и тесно, и неуютно в старых мехах. Да оно и порвет негодную оболочку старого... И будет и крушение, и затяжная болезнь. Нет, решительнее, без саможаления кидай ветхую рвань и облакайся в одежду света... Трудно? Помощник Бог. Он – Совершитель жизни.

**21** *И сказал [Господь] им [ученикам]: суббота для человека... (Мк. 2, 27).*

Не ставьте человеческих обычаев выше Божиих требований. Человеческий обычай зовет в сторону от храма, к семейной и домашней жизни, он идет вразрез с Божиим законом. От-

киньте его деспотизм... Пусть обычай подчинится человеку ради Бога, а не господствует над человеком, отдаляя его от Христа.

**22** *...Имевшие язвы бросались к Нему [Христу], чтобы коснуться Его (Мк. 3, 10).*

Ко Христу надо «бросаться» и Его надо «коснуться»... И тогда будешь здоров и язвы зарубцуются... А ходить около Христа холодным умом и приближать Его к себе вялым чувством – тщетное дело... Вот почему и отходят такими, какими подошли!..

**23** *Потом взошел [Господь] на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставил из них двенадцать... (Мк. 3, 13–14).*

Не нанизывай подвигов, не кидайся в служения ради Бога... Господь Сам зовет нужных Ему рабов на вечное служение веры и любви... В служении будь тем, чем ты есть, на что ты уже призван... Имей чуткую совесть и слушай ее зова, когда Господь внушит новый долг служения и подвига... Всегда проверяй свои мысли опытным советом раба Господа.

**24** *...Как может сатана изгонять сатану? (Мк. 3, 23).*

Как ты можешь в хорошем деле опираться на плохое? Как ты можешь, борясь в себе с какой-либо скверной, заласкивать в себе же другую неправду? Разве эта последняя неправда, будучи укрепляемой, позволит тебе выгнать сродное себе?.. Разве сатана (зло) выгонит сатану (другое зло)?

**25** *Никто, войдя в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного, и тогда расхитит дом его (Мк. 3, 27).*

Так и в доме души. Если поселился в нем твой сильный враг, и привел туда своих друзей, и наставил своих вещей, и ты уже перестал быть хозяином своих желаний и поступков,

а стал рабом своего угнетателя, то ты можешь восстановить свои права, лишь ворвавшись в логовище своего угнетателя, связавши и выкинувши его. И, ворвавшись, хватай главного врага... Не ходи с опаской вокруг главного зла души, не зная и боясь, как приступить к нему, не отсекай мелкое, щадя большое, тем более не входи в компромисс с главным мучителем, а облекись во «вся оружия Божия», призови Божественную помощь и мужественно выступай на брань.

**26** *Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек...* (Мк. 3, 28–29).

Почему так? Разве Божие милосердие не всемогуще простить все? Святой Дух есть Божественная Сила, совершающая спасение человека. Значит, похуление Святого Духа есть отвержение спасения. Как же может быть спасен человек, отвергающий средства спасения? А потому непризнание и неприятие благодатных даров Святого Духа есть непрощаемый грех.

**27** *...Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мк. 3, 35).

Может ли быть ласка выше и обаятельнее?! Если ты исполняешь волю Отца Небесного, то ты в Отце Небесном делаешься братом Его Сына и, значит, делаешься сыном Божиим по благодати. Господи! Как человеку понести это? Твое Божественное слово захватывает дух... Оно ведет человека на несказанную высоту... Но в этой высоте и ответственная крутизна!.. «Невозможное от человека возможно для Бога».

**28** *...Вот, вышел сеятель сеять...* (Мк. 4, 3).

Семя есть слово Божие (Лк. 8, 11). А сеятель – Господь. Он вышел в мир сеять семена Своего Божественного слова, семена жизни, сеет до сих пор и будет сеять до скончания века.

Так незримый Господь ходит и ныне по вселенной... Он ходит по дорогам и распутьям, по городам и селениям и по

домам и бездомьям. Дни и ночи ходит Он, спасая человеческие души... И каждому человеку на тропе его жизни встречается Господь, и каждого обвеет Своим дыханием... Сладкий миг. И вместе – о, какой это страшный момент! Неужели не откликнется душа? Неужели не повернется к Божественному призыву? Неужели она лишь на миг всколыхнется, и разойдется со Христом, и опять поскользит по зыбкому распутью?

Веяние Божия зова слышится в голосе совести, в призывах Церкви, в обстоятельствах жизни... А бывают и особые призывы Божии, как явные встречи с Христом... Душе надо откликнуться... надо схватить этот славный миг и отдаться милующему Богу.

Какие условия отклика?

29 *...И, когда сеял [сеятель], случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то́. ...Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их (Мк. 4, 4, 15).*

Вот первое условие отклика: не держи душу при дороге, где ходят враги, где топчутся ноги тысяч людей, где дует ветер, где наметается мусор... Дорога это – «внешнее» жизни. Это – распутье земли. Ведь нашим господином является зло, дьявол... А за ним и с ним все дети зла: и разнообразные силы торжества греха (грубость, жестокость, насилие, развращенность и прочее, прочее без конца), и рассеянность сменяющихся жизненных влияний... Как в таких условиях Божие семя может дать рост?

Вот Божией волей семя попало в душу, и тяжелые ступни торжествующего зла потоптали его (семя «было потоптано». – Лк. 8, 5), а птицы – рассеянность – поклевали его... и опять душа осталась пустой, ветер дороги бьет ее, и холодно ей, и неудобно... Не держи душу при дороге. Держи ее за оградой, которую оградил ее Отец Небесный (Мф. 21, 33).

**30** *Иное [семя] упало на каменистое место, где не много было земли, и скоро возшло... когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло (потому что не имело влаги. – Лк. 8, 6). ...Посеянное на каменистом месте означает тех, которые... не имеют в себе корня и непостоянны... когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (Мк. 4, 5–6, 16–17). ...Временем веруют, а во время искушения отпадают (Лк. 8, 13).*

А вот и второе условие: позаботься о плодородности почвы для сада твоей души... позаботься, чтоб был в ней... чернозем (земля) – это среда, насыщенная силою для добрых произрастаний... Скапливай в душе такую силу. Она – результат доброй мысли и доброго дела... Так пусть осадки их будут глубже в твоей душе. Когда отслоение добра ничтожно, тогда Божию семени не за что в душе и зацепиться и не на чем укрепиться... И тогда растет Божие семя хилым и безжизненным, почти не имея корней в душе... Потому, когда приходит искушение, скорбь (а они неизбежны!), увядает чахлый росток и гибнет... Нет для него основы, закрепы в душе, и нет у него сильного корня... И зной жизни («возшло солнце»), тягота жизненных испытаний губят слабый побег добра. И нет для него поддерживающей влаги! Влага – это роса Божией благодатной помогающей силы... Конечно, из камня не появится влага... Роса благодати обильна там, где почва насыщена влагою добрых дел.

Итак, боритесь с каменистостью, бесплодностью души. Для ростков добра крепи в себе землю добрых дел. И роса благодати снизойдет на ниву души... И будут крепки побеги доброго сева, и нива заколосится полноценным зерном.

**31** *Иное [семя] упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. ...Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания (и наслаждения жи-*

*тейские. – см.: Лк. 8, 14), входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода (Мк. 4, 7, 18, 19).*

Третье условие доброго роста Божия семени – не давай усиливаться в своей душе сорнякам. Сорняки неизбежны. Человек живет в мире зла, и сам он немощен и склонен к греху... Плевелы не уничтожены Господом, а оставлены расти до жатвы (Мф. 13, 30). Значит, сорняки будут. Это – «заботы века сего, обольщения богатством, наслаждения житейские»... И если дать им волю, они заглушат все доброе... Разве ты не знаешь, как быстро растет дурная трава и как она размножается и забивает доброе семя?

Вот не нужно давать волю тернию души, которое обовьет и заглушит душу, и ей ничего не даст, и доброе не пустит к себе... Когда же терние заполнит душу и опустошит ее от добра, тогда и смерть души!

Останется пустота... одна пустота... бессмысленность целей, никчемность усилий и в результате... разбитая жизнь... Господство сорняка... и нечем жить, и нечем дышать!..

**32** *И иное упало на добрую землю и дало плод... А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод... (Мк. 4, 8, 20). Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен... (Мф. 13, 23). ...А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении (Лк. 8, 15).*

Здесь Господь указывает основные и положительные условия произрастания Божия семени. И среди них первое – добрая земля. Хорошая земля имеет в себе силы произращать посаженное в ней. И в душе, готовящейся стать доброй нивой для Божиих глаголов, нужна среда, имеющая силы принять и вырастить добро. Доброе усваивается добрым. Значит, это должна быть среда, насыщенная силою добра... Лишь она способна вырастить добро.

Второе условие Господь указывает в принятии и разумении Божия слова. Душе недостаточно слышать Божий зов. Надо с заботливой внимательностью ввести в душу («принять». – Мк.). Надо отдать этому делу всю человеческую способность восприятия истины, всю способность человеческого разума истины, чтоб Божие слово входило в душу как единый истинный свет и как единая истинная жизнь. Такое проникновение души в Божие слово святой Евангелист может обозначить термином «разумение»: «плодоносен бывает слышащий слово и разумеющий» (см.: Мф. 13, 23).

Господом указывается и третье условие доброго произрастания семени – «хранение Божия слова».

Как земледелец, бросив семя в добрую землю, оберегает пашню от засорения, от затаптывания скотом и потрав, так и возделыватель души должен охранять ниву души от засорения плевелами зла, от затаптывания дурными наслоениями и от всяческих потрав дьявола... Как постоянно бодрствующий глаз земледельца, человек должен поставить на ниве души неусыпного стража – чистую совесть, чистое сердце.

Чистое сердце, как ограда души, пусть не допускает засоряться душевной ниве, и тогда Божие семя растет правильно. «...Те, которые... хранят его (слово) в добром и чистом сердце... приносят плод...» (Лк. 8, 15). Но Господь и это условие не считает последним. После многого труда над обработкой земли души, чтобы была она доброй, после заделки семени («принятия слова»), после бодрственного оберегания нивы чистым сердцем надо проявить и еще одно свойство – терпение.

Земледелец кладет много труда, бросает семя и долго, долго ждет всходов и плодов.

Так тем более не ожидай на душевной ниве скороспелости семени истины и добра; семя жизни возвращается в терпении, в борениях, в потах, во многих, многих днях, месяцах, годах, в великой терпеливости.

Так говорит Господь: «...Приносят плод в терпении» (Лк. 8, 15). Таков путь отклика на Божий зов к доброму со-

зреванию о Христе. Встань на него со Христом и, поддерживаемый Его милующей рукой, пойдешь.

**33** *...Плод... взошел и вырос, и принесло иное [семя] тридцать, иное шестьдесят, и иное сто (Мк. 4, 8).*

Не подумай, что несправедлив, лицеприятен Господь и одному дает лучшее семя, другому худшее. Божие семя взращивается несчетно... Дело в тебе, в твоей душе... Насколько она подготовлена и способна принять и взрастить Божие семя, настолько она и плодоприносит... Отсюда и разница: одна душа плодоприносит тридцать, другая шестьдесят, а третья и сто крат.

**34** *И сказал им [ученикам]: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не разумеют, да не обратятся, и прощены будут им грехи (Мк. 4, 11–12).*

Вот слово большой радости, а вместе и трепета! В отношении ко Христу одни люди – слушатели... Послушали и ушли... Другие – ученики и последователи. Эти остались, чтобы наполниться словом Господним и следовать слову. Первые – «внешние», вторые, очевидно, «свои». Первые смотрят и не видят, слышат и не разумеют. Вторые проникают в невидимое, и им открыты тайны Царствия Божия.

Вникай, вникай! У настоящих учеников открыты глаза, и они видят тайны Божия Царства. Они, зрячие, знают, куда идут, и знают, что только один путь... Они, счастливые, бегут во свете к одной своей цели, потому что в сердце у них открытая им тайна. Она влечет их!..

Господи! Как же блаженны видящие! Как счастливы ходящие во свете! Им открыты Твои тайны. И Твое Царство влечет их.

И как жалки невидящие!.. Они бродят в потемках... И нудно ползут своими земными путями, «да не обратятся, и прощены будут грехи их».

Так и есть в жизни!

Один человек и в Бога верит, и в церковь ходит, а нет в нем жизни! И видно, что еще нет у него правды в пути. У него все заслоняет своя маленькая жизнь и свои заботы... И они впереди, а Христос к случаю, когда понадобится... И вот, такой человек топчется и ползет... И, конечно, ничего он не видит... Жизни своей не видит... И хоть он слушает слово жизни, но заткнуты у него уши и ничего не доходит до его души... И он по-прежнему без пользы и радости для себя топчется вокруг Христа и около стен церковных, и нудно тянется его жизнь.

Это – «внешний».

А другой, помотришь, загорелся... И поистине, как сказал Господь, как будто у человека открылись глаза... Да, воистину открываются у человека глаза, потому что он начинает видеть одну цель жизни, видит один путь, легко выбирает нужное в жизни, откидывает ненужное, и с душевным спокойствием, Богу содействующему, твердо, во свете и радости он пойдет по своей дороге.

Тогда же ему открываются «Божии тайны». Ведь он же идет к Божию Царству! И чем он ближе к своей цели, тем она доступнее, яснее, виднее.

*35 И сказал им [Христос ученикам]: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике? (Мк. 4, 21).*

Пошли ко Христу – значит зажгли свечу. «Я Свет миру» (Ин. 9, 5), от этого единственного Света мы зажгли огонь в своей душе. И зажгли мы затем, чтобы во свете идти за Светом.

Зачем же мы глушим свой светильник? Зажжем – погасим, зажжем – погасим. Как неразумные дети! И сами знаем, что это плохая игра! Ведь мы же страдаем и мучаемся, оставаясь во тьме!

Кто же, зажегши лампу, спрячет ее в сосуд? Или поставит ее под кровать? Всякий ставит ее на подставке! И ты подвесь лампу души – Божий свет – в высоту, чтобы не грязни-

лась она, чтобы свет ее освещал все пути сердца и было внутри тебя неугасимо светло, и чисто, и уютно.

И помни: пошел за Христом – значит зажег свечу. И закрывать ее – совершать бессмыслицу вроде той, как прятать зажженную лампу в шкафу, а самому сидеть в темной комнате.

Не закрывай же и не закрывайся от Божия света!

**36** *Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу (Мк. 4, 22).*

Если ты сознательно или бессознательно заглушаешь (гасишь) зажегшийся в твоей душе Божий свет и думаешь, что временно можно и без него прожить, что быть всегда под таким светом как будто тяжело и напряженно, то ты глубоко неправ.

Если ты укрываешь в своей душе глубокий тайник любимых желаний, укоренившихся привычек и думаешь, что можно временно и поберечь этот тайничок, и не сразу же обнажить его, то ты глубоко неправ. Как в человеческих делах на дневном свете открывается все старательно скрытое, как выходят наружу и делаются всем известны дела, совершенные очень потаенно, так тем более ничего невозможно укрыть от Божия света. Он пронизывает все тайники и просветит все извилины души. И чтобы тебе в свое время не стало очень, очень стыдно перед Господом, перед другими, да и пред собой, что ты укрыл в своей душе приласканную гниль, уж лучше обнажи все разом.

И с Божиим светом поступи так: повесь его повыше в душе. Пусть осветит все закоулки, чтоб обнажилась вся неубранность и засоренность души... Будь безжалостен к себе. Это выгоднее. Скорее во свете приберешься. Да и не туши свет и по временам... Уж какая приборка во тьме! Только размажешь грязь, разнесешь сор по углам, перетряхнешь его с места на место...

Это мы и делаем, когда ступим во свете шаг вперед и потом в потемках два шага назад.

А душа томится и болит от пустоты и неудовлетворенности.

**37** *И сказал им [Христос ученикам]: замечайте, что слышите: какую мерою мерите, такую отмерено будет вам и прибавлено будет вам, слушающим. Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет (Мк. 4, 24–25).*

Вопиющая несправедливость! Отнимется последнее у нуждающегося... Дается тому, кто и без того уже имеет!

Не волнуй кровь! Здесь мудрость. Не напрасно предупредил Христос: «Замечайте, что слышите».

Здесь незыблемый закон духа. Дух Господень есть жизнь и свет (Ин.). Жизнь от Божия Духа есть движение, рост. И свет брызжет свои лучи повсюду. Так и бывает в духовной жизни.

Если семя Божие попало в твою душу и ты не глушишь его, то оно будет наслаиваться, как снежный ком, и заполнит всю душу. И чем сильнее ком света в душе, тем стремительнее он все подчиняет себе, и все растет и растет, и проникает, и захватывает все поры души и стороны жизни.

В таком состоянии как будто раскрывается душа и делается, как губка. Как губка берет в себя влажность атмосферы и сама ширится и растет, так и душа, вкусившая Божией жизни и Божия света, без насыщения улавливает все невидимо разлитое Божие, и ширится, и выходит, и поднимается сама. И, конечно, в таком состоянии душе в обилии дается Божие не потому, что Бог несправедлив к другим, а потому, что эта душа становится способной воспринять Божие. И ей больше открывается Божиих тайн и подается Божией силы, потому что она больше усваивает Божию обращенность к людям и силу.

И получается закон: больше имеешь – больше получаешь. Вот почему: «кто имеет, тому дано будет». И по той же причине: «какою мерою мерите, такую и вам будет отмерено»!

Меришь жизнью и светом – получаешь жизнью и светом! Меришь богато – получаешь богато... Нет, не так: получаешь богаче, получаешь несчетно, потому что «...не мерою дает Бог Духа» (Ин. 3, 34). Потому и добавляет Христос: «и прибавлено будет вам, слушающим».

Если ты слушающий и слышащий, то, значит, у тебя открыты уши, значит, ты не «внешний», а «свой», и тебе открываются Божии тайны (Мк. 4, 11), и в них – свет и жизнь.

И, конечно, они даются не человеческою мерою. Словом «мера» по-человечески определяется твоя способность восприятия Духа и жизни, а Господь дает без цены и счета. Сравнительно с тем, что ты имеешь, конечно, Господь дает от Своего могущества обильно и преизобильно. Это и выражено по человеческому счету словами: «и прибавлено будет вам, слушающим».

А как же с неимущим?

Проследи Господню мысль, и тебе будет ясно. Как в отношении имущего Господь вовсе не несправедлив, а все дело в способности человеческой души к духовному росту, так же точно и в отношении неимущего.

Господь пришел спасти погибающего, и можно ли приписать Господу, что Он отнимает последнее у слабого?

Господь обильно расточает свет и жизнь. Кто крепко укоренил в себе первые зачатки Божия света и жизни, тот схватывает Божии лучи света и силы, и усваивает их, и растет под Господним воздействием. А кто духовно хил и не заботится о зачатках Божия, как фундамента души, тот, если и схватывает семена жизни, то они, не находя доброй почвы в душе человека и не имея корней, скоро чахнут и гибнут, как будто их не было... Вспомни притчу о сеятеле. И выходит, что у неимущего и отнимать-то нечего. Да и имел ли он что-нибудь?

Ведь недаром он называется «неимущим».

Хороша здесь славянская редакция текста; она читается так: у неимущего отнимается то, «еже мнится имети», т. е. отнимается то, что он думает, что имеет; в действительности же он ничего не имеет и отнимать у него нечего. Значит, Господне слово «отнимется» означает «исчезает», «бесследно пропадает», «рассеивается, как дым» то, что человек считал своим духовным богатством. Не изумляйся! «Мнится имети» бывает, и часто бывает. Так могут быть обозначены все те душевные состояния, которые святой апостол Павел

называет «образом благочестия», т. е. видимостью благочестия без его внутренней силы (см.: 2 Тим. 3, 5).

**38** *И сказал [Христос]: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе (Мк. 4, 26–28).*

«...Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21). А если ты в благоговейной вере захотел бы проникнуть в тайну открытия в душе Божия Царства, то Господь отвечает тебе приведенными словами. Господь говорит, что в постижении Царства Божия невозможно желать чувственной видимости, что если в земных, видимых вещах человеческому уму открыт лишь внешний процесс физического явления и закрыта от него внутренняя сущность наблюдаемого, то как же может быть осязаемо сокровеннейшее явление чистой духовности?

Вот, когда растет семя, ты знаешь все о химических соединениях, содействующих росту, а как идет самое формирование тканей, как эта творческая сила, заложенная в семени, через долгий и сложный процесс образует новую жизнь, это сокрыто в природе. Так же сокровенно открытие Божией силы в душе человека. Здесь действуют Господь и человек. Господь творческой силой Животворящего Духа творит обновленную природу человека от стихии Божия Царства. А как исподволь растет семя новой жизни, как идут побеги от Божией силы, как постепенно наливаются колос души, это остается сокрытым.

Нарождение Царства принимай как факт. Он – есть. А сам с величайшей заботливостью соблюдай, что требуется от тебя самого как соучастника этой сокровенной тайны.

Господь указывает, что, по аналогии с земледельцем, сеющим семя, от человека требуется неусыпающая бдительность к своей душе и к открытию в ней Божией силы.

Как земледелец, бросив семя, находится в постоянной заботе о нем: хорошо ли закрыто семя землей, достаточно ли влаги, не топчется ли пашня скотом, как земледелец в постоянной заботе пойдет на пашню днем, побеспокоится и ночью... проснется, и поглядит, и постережет, так и ты в стяжании Божией силы будь без усталости бодр! И ты, лелея в душе Божие семя, никогда не позабудь о нем... Храни бережно!..

Позаботься о нем днем... Побереги его ночью... Хороша ли земля в душе, достаточно ли влаги добрых дел, не прокрались ли враги, не топчут ли... Смотри же, бодрствуй неустанно... Береги днем... встань... охраняй душу ночью... Как бессменный сторож души, поставленный от Бога, как соучастник Божией тайны, стой без усталости, храни поле, когда Господь возделывает его... Будь достоин Призвавшего и Доверившего тебе охрану Божия дела! А в остальном отдайся великому Создателю и Совершителю – Богу...

Ты настороже – Он творит...

И колос души зреет и наливаются от Божией силы... Открывается Царство благодати!.. А совершитель новой жизни – Господь.

**39** *Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва (Мк. 4, 29).*

«Серп» посылается немедленно по созревании плода. Значит, покуда идет рост, идет и человеческая жизнь. Отсюда выводы (и запомни их).

Первый, что твое возделывание души должно идти всю жизнь. Потому не уставай, трудись, совершенствуй душу, без усталости беги к Зовущему. Если живешь, значит, мера твоего духовного возраста еще не исполнилась.

Второй: если Господь берет к Себе добрую христианскую душу, то, значит, эта душа пришла в ту меру совершенства, каковую она способна вместить. Исполнение этой меры может быть и в старом возрасте, и в зрелом, и в молодом.

А что способна вместить душа, ведомо только Господу. И вот почему Его суд о конце жизни человека только праведен.

И третий вывод: если Господь пресекает дурную жизнь, то это значит, что прошли года Божия ожидания плода от души, что безнадежно бесплодна смоковница и секира опускается на корень ее. «...Вот, я третий год прихожу искать плода... и не нахожу; сруби ее (смоковницу)... Господин! оставь ее и на этот год... не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее» (Лк. 13, 7–9).

И в другом месте: «Уже и секира (топор) при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубается и бросают в огонь» (Мф. 3, 10).

Как в жизни отдельного человека серп посылается, когда кончается его духовный рост и исполняется мера его духовного роста, так и в жизни вселенной жатва наступит, когда человечество исчерпает свои духовные силы («...Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» – Лк. 18, 8) и избранные определятся для наполнения Царства Славы. «...Доколе, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле?...» – спрашивают святые Господа. «...И сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока... братья их, которые (еще на земле)... дополнят число» (Откр. 6, 10–11).

**40** *И сказал [Христос]: чему уподобим Царствие Божие?.. Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные (Мк. 4, 30–32).*

Зародыш Божия Царства в душе человека всегда ничтожен, совсем ничтожен, мал, как горчичное семя. Это потому, что душа в миру обуреваемая стихией мира, отличной от стихии Божией, и вся она заполнена мирскими вещами, а Божие семя в ней теряется, и оно мало и ничтожно, как горчичное зерно. А когда это малое семя тобою будет укреплено, и ты станешь на сторожку его малого побега, и Господь Своей творческой

силой будет творить в тебе обновленного человека (ср.: Мк. 4, 26–28), тогда малое семя пойдет в бурный рост (ср.: Мк. 4, 24–25), и быстро, быстро раскинет ветви, и будет глушить сорные травы, и захватит все пространство, весь мир души.

И вот, когда душа заполнится обильными и сочными ветвями Божией благодати, на нее ложится тень рая. Зной страстей уже не сушит добра. В животворящей прохладе благодати задерживается и зреет все небесное, духовное, как птицы небесные охотно укрываются в тени древесных ветвей.

**41** *...И проповедывал [Господь] им [ученикам] слово, сколько они могли слышать (Мк. 4, 33).*

Уразуменье Божия слова дается по мере твоей внутренней способности воспринять это слово, а потому молись с Пророком: «Открой очи мои (глаза моей души), и увижу чудеса (уразумую всю чудесную глубину) закона Твоего» (Пс. 118, 18).

**42** *...Ученикам наедине [Господь] изъяснял всё (Мк. 4, 34).*

И тебе Господь откроет Свои тайны «наедине», когда ты душой уйдешь от шума мира, вырвешь душу из обволакивания земными делами, убежишь от поверхностной, легкомысленной толпы, убежишь от расслабляющего влияния человеческого порока и похоти и оборвешь путы, связывающие твои ноги.

Вот, когда ты придешь к Нему «наедине», придешь с чистой, свободной, несвязанной душой, оставив все сзади себя, тогда Господь и будет открываться тебе в уединенной глубокой молитве, в проникновенном чтении Писания, в святом размышлении о Божиих путях.

**43** *Вечером того дня сказал [Господь] им [ученикам]: переправимся на ту сторону (Галилейского моря) (Мк. 4, 35).*

Хорошо по вечерам уходить по ту сторону моря жизни. Уходить от колеблющихся волн и опасностей моря, чтобы под ногами не было бездны...

Хорошо в тишине стать на твердой земле Господнего закона... Там встретить Христа... Он переправился туда с учениками.

44 *И они [ученики]... взяли Его [Христа] с собою, как Он был в лодке... И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою. А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру... И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры? (Мк. 4, 36–40).*

На море обычно волнение... На море бывают и бури... На море случается и «великая буря». И, конечно, волны бьют в лодки! И когда по морю жизни плывет лодка человека, ей неминуемо подвергаться волнению... и для нее неустрашимы бури... а случается ей переживать и «великую бурю».

Тогда волны всяких напастей, бед, искушений, греха бьют без пощады человеческую душу, проникают внутрь, портят скопленное добро, лежащее в глубине души, захлестывают, поднимаются выше и выше, и ладья души в этой борьбе и сдает, и садится глубже, как бы опускаясь в пучину.

Сему надлежит быть...

Твоя жизнь – плывущая лодка, а кругом волнующееся море. Потому будь готов!.. В свое нелегкое плавание христианин идет со Христом: «они взяли Его»... И Он занял место на корме... Ведь Он же рулевой... Он Кормчий жизни. Но в жизненной беспечности человек всегда забывает о Начальнике жизни и забывает, что плывет он над бездной. Человек сам правит жизнью. Ведь он же все понимает, и свою-то пользу он не упустит.

И выходит, что Христос лишь присутствует при жизни человека, но не играет роли. Он не активен. Он не допускается управлять жизнью. Он как бы в бездействии. Святой Евангелист образно выражает эту мысль словами: «а Он спал на корме»...

А вот когда разразится с человеком несчастье, когда захлестывают искушения и человек видит свое бессилие, тогда он хватается за Бога и часто, часто обращает к Нему мольбу с оттенком упрека: «Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?».

А вы не будьте беспечны! И в бодрствовании, когда плывете с Ним, всегда отдавайте Ему рулевое весло... Ведь Он же Кормчий!.. А то в духовной сонливости слабеет вера... а в маловерии – растерянность, а в растерянности – боязливость.

Когда же кормило жизни в Его всемогущей руке, не будь боязлив! Если Он и попускает быть буре, то все же никогда не даст потонуть верной ладье. И потом: если на тебя и обрушилась буря мира, то, когда ты осяжешь, что у руля жизни Он, твой надежный Кормчий, когда ты осяжешь, что Он пришел, стоит, правит, в душе у тебя воцарится такая тишина, что шум бури мира будет слышаться только разве как отдаленный глухой рокот непокорной и злой стихии.

В тебе же и около тебя будет умиротворенность, покой Божия присутствия.

**45** *...Встретил Его [Христа] вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни... (Мк. 5, 2–5).*

Здесь образ человека, находящегося в плену зла, в руках сатаны. Такой человек живет, как в гробах, потому что его жизнь есть путь смерти. На высотах самовлюбленности, на крутизнах гордости, на утесах эгоистической самости (...я сам лучше других, умнее других... Кто авторитет для меня?), в ложбинах греха, в ущельях одной неправды, лжи, в пропастях смертных падений – вот тропинки его пути... «Он жил в гробах»... Он живет в скалистых стремнинах... Там нет жизни:

ни растения, ни зверя... Это путь смерти! На этом пути смерти человек уже не выносит ничего, что не подходит к этому пути, отрицает его и осуждает... Душа, порабощенная злом, как будто продалась своему хозяину и за совесть работает на него...

Отбрасывается, коверкается, уничтожается все, что пытаются выправить душу или только содержит намек на другой мир, отличный от мира зла.

Все это вызывает бешеную ненависть, и человек, как безумный, рвет все связи жизни добра. Он рвет связи чести, совести, долга, рвет семейные связи и наконец добирается до Бога, и хулит Его, и рвет святые веления, твердые, как оковы, веления Божия закона.

И кто может укротить его?

Его хозяин, которому он продался, – зло, диавол. И только он властен над ним, и только ему он работает.

Жалкое состояние, ужасное состояние!

Ты думаешь, что за рабство диаволу человек имеет счастье? Вот его счастье: «всегда, днем и ночью, он кричал и бился о камни».

Вечная тревога, вечное недовольство, вечная погоня за неуловимым «нужным для жизни»... Бесконечный круг недовольства, тупиков и какой-то нескончаемой пустоты кругом при всех усилиях наполнить жизнь... И, конечно, крик пустоты... Крик без устали, ночью и днем, как печать отверженности. И окружающее очень скоро обращается в то, что оно есть, человек зла живет в горах. И понятно, что кругом его голые камни зла... и он бьется о камни... бьет ноги до крови, бьет руки... Камни давят грудь. Он весь в ранах кругом от пути смерти.

**46** ...[Бесноватый], увидев же Иисуса издалика, прибежал и поклонился Ему... (Мк. 5, 6).

Удивительное дело! Бес – существо, отпадшее от Бога, – признает Бога и почитает Бога... Издалика он увидел Христа, прибежал поклониться Ему. Об этом же говорит святой апо-

стол Иаков: «...Бесы веруют, и трепещут» (2, 19). А вот грешник иной раз делается как будто ожесточеннее самого сатаны, и бежит от Христа, и хулит, и ненавидит Его.

Но здесь есть и другая мысль о том, что как в диаволе, так и в человеке грешнике, хотя бы в самой сокровенной глубине его души, все же есть сознание, что Свет и Добро существуют, что они выше зла и достойны познания.

**47** *...И, вскричав громким голосом, [бесноватый] сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека (Мк. 5, 7–8).*

Новое свидетельство, что тьма не выносит Света и зло не выносит добра. «Не мучь меня». Кто мучил его? Тьме невыносимо самое присутствие Света (ср.: Мк. 1, 23–24).

Так при соприкосновении с добром грешник впадает в раздраженное состояние («вскричал громким голосом») и шлет вызовы добру: «что Тебе до меня!». Когда Свет начинает побороть тьму, когда добро, усиливаясь, хочет вытеснить зло, тогда душевный перелом проходит с большой болезненностью.

Диавол с неохотой оставляет насиженное место. Для него болезненно сдавать позиции. «Не мучь меня». Он мучается и, уходя, мучает свою жертву. Помни это! А все-таки распорядитель души, пока она не закоsnела от зла, – Господь. И, конечно, Он одним дыханием уст выгонит сатану.

**48** *И много [бесы] просили Его [Христа], чтобы не высылал их вон из страны той. Паслось же там при горе большое стадо свиней. И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море» (Мк. 5, 10–13).*

Бесы просили не высылать их из той страны. Зло, как живая стихия, группируется; сродное притягивается сродным. Группирующаяся стихия крепнет...

Создается могучая среда, которая властвует, поглощает окружающее. Так наслаивается стихия зла. Понятно, что агентам зла невыгодно расслоять среду. В своей стихии они сильнее, их губительная работа идет легче и усиленнее. Вот почему бесы просят оставить их в той же среде. Так и бывает в человеческом обществе: зло, как зараза, ширится, оседает черными пятнами на человечестве и имеет тенденцию подчинить себе все окружающее.

Зло оседает в семьях... Бывают семьи лжи, семьи легкомыслия, семьи черствости, семьи гордости и пр. Зло захватывает совокупность семей (род), отпечатлевается на племени, бросает свою тень на целый народ. А то зло концентрируется по группам; люди обозначают группы названием «среда» и говорят: «Среда (т. е. окружающее общество) погубила».

Бывает, что зло концентрируется по районам. Бывают районы жестокости, черствости, замкнутости; бывают районы легкомыслия и разврата; бывают районы бесшабашия, удали, всяких обид и т. д. Так как в этом мире зло не истребляется Господом поголовно, то Господь снисходит к очагам зла и терпит их. Вот почему Он разрешает бесам остаться в том же районе. И бесы удаляются в свиней.

Свиньи – образ порочного человечества. Значит, бесы уходят в свою среду, в большую, сложившуюся, укоренившуюся среду («стадо большое»). Святой Евангелист дважды подчеркивает, что это среда зла. Свиньи паслись «при горе». Горы, где жил и бесноватый, – это пути смерти и зла. И в другом месте: «свиньи бросаются с крутизны» самости и пороков. На ней бился и бесноватый. Это среда зла. Итак, бесы уходят в свою среду.

Но конец их один – гибель. Свиньи тонут в море. Конец пути смерти – одна гибель, духовная смерть.

*49* *И жители [Гадаринской страны] вышли посмотреть, что случилось (Мк. 5, 14).*

Вот образ человеческой толпы. Как она поверхностна, обывательски мелочна и вся во внешнем! И ничем, ничем, кажется, не разбудить ее от духовного сна.

По стране ходит Великий Учитель. Он совершает знамения, обличает неправды жизни, зовет к возрождению. Волны Его обличения уже стучат в людские души, его знамения потрясают стены людских жилищ, а обыватель, сонливый, апатичный, вышел посмотреть, что случилось. Евангелист в коротком простом слове передает выразительную картину жизни: «Вышли посмотреть, что случилось». Эпическое спокойствие!

Ни волнения, ни стремления разобраться в окружающем, ни попыток подняться над мелочностью дня. Один захват внешностью. Одно мелочное всепоглощающее любопытство: «что случилось». Евангелист Лука (8, 35–37) отмечает только чувство страха гадаринян пред непонятным для них происшествием, причинившим материальный ущерб.

Так было всегда! Волны Божиих призывов набатом бьют в человеческие души. Знамения потрясают стены людских жилищ, а обыватель только кидается от мелочи к мелочи и с жадностью выкликается: «что случилось?».

*50* И начали [жители Гадаринской страны] просить  
Его [Христа], чтобы отошел от пределов их  
(Мк. 5, 17).

Стабилизация зла! Зло вошло в порядок жизни и имеет все права гражданства. Сложился свой мир жизни, со всем «своим» порабощением злу. Человек втянулся в эту атмосферу «своего» мира, и не мыслит, и не желает другого. Проникновение иного, чуждого «своему» миру вносит беспокойство, тревогу. «К чему новизна, хотя бы в ней была и правда? Так спокойнее!»

А когда подобной стабилизации и установившемуся равновесию (закостенению) в зле грозит потрясение со стороны, когда вмешательство добра связано с беспокойством (жители уstraшились, узнав о чуде с бесноватым. – ст. 15) или когда выход из стабилизации соединен еще и с материальными потерями («свиньи потонули в море»), тогда продавшийся

злу и вовсе отмахивается от всего нарушающего его земное благополучие. Он рассуждает так: «Приспособился и сию... А Бог... совесть... Еще, пожалуй, неприятности наживешь! Нет! Это дело нам неподходящее»...

«И просили Его, чтобы отошел от пределов их». И Господь оставляет людей.

*51* ...Бесновавшийся просил Его [Христа], чтобы быть с Ним. Но Иисус не дозволил ему, а сказал: иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя (Мк. 5, 18–19).

Почему Христос в другой раз указывает оставить дом, идти за Собой? «Приходи, следуй за Мною», – сказал юноше (Лк. 18, 22). И еще: «...Всякий, кто оставит дома... отца... мать... жену... ради имени Моего... наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29).

Есть заповедь о любви к Богу, и она первая и главнейшая.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... сия есть первая и наибольшая заповедь» (Мф. 22, 37–38). Есть заповедь о любви к ближнему, и она по своей важности подобна первой: «вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39).

Исполнение первой контролируется второй: «Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец» (1 Ин. 4, 20). Потому Господь, утверждая исцеленного бесноватого в любви к Себе, посылает его на дело любви к ближним: «иди домой к своим»...

Конечно, первое дело любви к своим, родным – открыть им истину жизни, если они пребывают во тьме. Исцеленному и заповедует пойти к неверующим и рассказать им о Господе и о чудных делах Его милосердия. Когда дело любви уже исполнено («все это сохранил я от юности моей». – Мф. 18, 21), тогда человеку указывается, как предел совершенства, всецелая отдача себя Богу. «Если хочешь быть совершенным... приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 21). Или когда при исполнении дела любви обнаружилось, что «ближние» принадлежат

к миру не Христа и не покинут его, тогда естественно, по слову Господа, разделение человека «с отцом его» (Мф. 10, 35), и человек ради Царства Христова оставляет дом, отца, мать, жену, чтобы наследовать жизнь вечную (см.: Мф. 19, 29).

Этими же словами Господа, обращенными к исцеленному, указывается обязанность верующего не скрывать Божией милости, явленной человеку, поведывать ее миру, особенно в тех случаях, когда окружающие нуждаются в утверждении в вере. Как Господь во имя долга любви направил исцеленного бесноватого к своим, чтобы открыть им истину, так же точно во имя любви наш святой долг – открыть своим, ходящим во тьме, истину Христа и своей жизни по Его правде.

**52** *И пошел [исцеленный бесноватый] и начал поведывать в Десятиградии, что сотворил с ним Иисус; и все дивились (Мк. 5, 20).*

Опять толпа – любопытная и равнодушная, падкая к новости и духовно сонная. «И все дивились»... Они схватывают новость, закидывают вопросами, переспрашивают, хотят подробностей, сообщают друг другу, пожимают плечами по необычности происходящего. Они оживлены, они целый день будут говорить об этом... и только. «И все дивились»!

А почему не вернули? Почему не поправили своей грубости? Ведь они выгнали Великого Человека, сделавшего добро! Почему не пали к ногам Учителя? Почему не вострепенились души? Почему нет раскаяния?! Даже нет понимания. Они беспокойны. Или свиньи дороже, и ближе душе человека стабилизация зла? В море внешности они только «дивились». А Он ушел... Он отвернулся, быть может, навсегда!

**53** *За Ним [Иисусом] следовало множество народа, и теснили Его. Одна женовица, которая страдала кровотечением двенадцать лет, много потерпела от многих врачей, истоцила всё, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние, – услышав об Иисусе,*

*подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его, ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни. В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде? Ученики сказали Ему: Ты видишь, что народ теснит Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко Мне? (Мк. 5, 24–31).*

*Но Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня (Лк. 8, 46).*

*Женщина в страхе и трепете, зная, что с нею произошло, подошла, пала пред Ним и сказала Ему всю истину. Он же сказал ей: дочь! вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей (Мк. 5, 33–34).*

Это один из изумительных евангельских рассказов. Он монолитен, и расчленить его нельзя. Его содержание просто и настолько известно, что уже почти не затрагивает внимания. Женщина страдает двенадцать лет. Человеческой помощи нет... С глубокой верой она прикасается к одежде Христа и получает исцеление. И все. Просто и ясно. Но есть в этом изумительном рассказе такие блестящие кристаллы света, которых не выдерживает зрение, очарование захватывает дух, глубина ставит в тупик.

Найдутся ли слова рассказать о них? Здесь главная мысль – обнаружение Божественной силы.

Бог есть Дух. Божественная сила есть высочайшая духовная сила. Значит, она не материальна и законы материальности неприменимы к ней. Говорить об этой силе применительно к материалистическим понятиям – значит кощунствовать. Однако не думай, что Божественная сила, по ее тончайшей духовности, для нас, материальных существ, есть чистая фикция, иллюзия, почти самообман.

И не думай, что обнаружение Божественной силы в материальных вещах – по ее несродности этим вещам – тоже иллюзия!

Нет! Поскольку человеческий дух (не душа) вдунут от Божественного Духа («и вдунул в лице его (Адама) дыхание жизни»), постольку есть в человеческом духе атом сродности Божественному Духу, и потому Божественная сила может быть осязаема духом человека.

Евангельский рассказ о кровоточивой свидетельствует эту мысль фактом жизни. Этот факт показывает, что Божественная сила – реальность. Она – такая же реальность, как любое наблюдаемое и видимое физическое явление.

Сам Христос Господь для удовлетворения человечества, имея в виду узость и ограниченность его мысли, привыкшей брести в мире ограниченности и измерять все ничтожной меркой земных вещей и условных понятий, Сам Господь в событии с больной женщиной материализирует обнаружение Божественной силы до осязаемости физического явления. Евангелие рассказывает: в момент прикосновения женщины «Иисус почувствовал Сам в Себе, что вышла из Него сила». И Он с настойчивостью вторично указывает на это: «...Прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня» (Лк. 8, 46).

И эта сила, как какой-то материализованный ток физической энергии, выходит под влиянием физического возбудителя – прикосновения.

Христос чувствует действие силы в момент прикосновения женщины. Это дважды и отмечается рассказом. «В то же время» (т. е. в миг прикосновения) Иисус почувствовал, и второй раз: «Прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал...». И, наконец, Божественная сила, вышедши, не неуловима, не исчезает бесследно, а, подобно материальной энергии, производит определенное физическое действие.

Больная женщина, читаем у Евангелиста, сейчас же, в миг прикосновения к Господней одежде, «ощутила» Божественную силу и ее действие: «И тотчас иссяк у ней (больной) источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни».

Подмечай, как снисходителен Господь к человеческой слабости. До какой отчетливости физического явления Он обнаруживает людям Свою Божественную силу. Смотри. Убеждайся. Знай, глубже веруй. Поклонись Христу!

Идем дальше в анализ изумительного, неповторяемого евангельского события.

Божественная сила, когда она направлена к людям, вся среди людей, вся обращена к ним, вся к их пользованию и спасению. Ведь Христос и явился на землю, чтобы открыть людям эту Божественную силу и ею спасти людские души.

Христос со Своей Божественной силой весь на земле, и Его сила открыта на служение человечеству. Приходи любой, бери, пользуйся! Святой Евангелист оттеняет именно эту мысль, когда особо подчеркивает, что Господь был в народе. «За Ним следовало множество народа, и теснили Его». И еще ученики сказали Ему: «Ты видишь, что народ теснит Тебя...». Значит, Божия сила в человечестве, она открыта, она доступна. Бери, пользуйся. Но требуется какой-то контакт, при условии которого человек включается в сферу Божественной силы. Требуется контакт со стороны, потому что Божественная сила не действует механически, сама входя в души.

Божественная сила – не слепая стихия, которая механически пронизывает всякого, внешне соприкасающегося с этой стихией. Ведь около Христа, когда Он шел (в дом Иаира), толпилось множество народа... И народ теснит Его, значит, без сомнения, десятки людей невольно прикасались к Нему... прикасались к Его одежде, и десятки людей, несомненно, Самого Христа невольно осязали, будучи теснимы толпой; ученики Христа на это и указывают. Когда Господь, как будто не зная о женщине, спрашивает: «Кто прикоснулся ко Мне?» – ученики с полуупреком возражают: «Наставник! народ окружает Тебя и теснит, – и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне?» (Лк. 8, 45), т. е. очевидно, что многие могли прикасаться ко Христу во время следования к Иаиру. И очевидно, что среди многих прикасались к Нему и больные, потому что за Христом, как прославленным чудотворцем, шла толпа, и

в ней, с несомненностью можно говорить, были и больные, и они также могли прикоснуться ко Христу. Итак, прикасались многие, исцелилась одна. Значит, исцелило не механическое соприкосновение с Божественной силой, а соприкосновение и плюс какой-то еще фактор со стороны, который включил прикоснувшуюся в сферу Божественной силы.

Какой же фактор? Откуда он?

Он не от Христа. И Сам Господь особенно оттеняет, что этот фактор идет не от Него. В рассказе о чуде подчеркивается как бы пассивная роль Христа.

Он не только не намеревался совершить исцеление женщины, но как будто даже не знает, кто прикоснулся к Нему... Он ищет прикоснувшегося... (А ведь, как Бог, знал же Он, конечно, кто касался Его!)

Мало того, вся обстановка чуда такова, что как будто действие Божественной силы произошло помимо ведения Бога и помимо воли Бога...

Божественная сила как будто была вынуждена излиться помимо воли Бога. В этой подробности одна лишь мысль, и большая мысль: контакт с человеком произошел вне влияния (в смысле воздействия, давления) Божественной силы. И Спаситель обстановкой чуда хочет особо оттенить это обстоятельство!

«Я в народе... Я в человечестве... ради него Я пришел, Моя сила готова излиться в любой момент. Но в Ее излиянии действую не только Я, а еще и иной, привходящий фактор...» Какой же?

Если этот фактор не в Господе, то, очевидно, в другой стороне из двух соединяющихся, т. е. в человеке.

Да, очевидно, этот фактор в женщине. Она сама как бы вынуждает излитие в нее Божественной силы. Теперь научимся от Господа последнему: чем же женщина вынудила Божественную силу открыться ей и исцелить ее, какой фактор со стороны человека устанавливает контакт Бога с человеком?

Женщина прикасается ко Христу... Через прикосновение в нее изливается Божественная сила. Но прикосновение – внешний акт. Это лишь видимое средство Божия посещения

человека. Одна внешность, одно прикосновение само по себе не обеспечивает открытие Божией силы. Мы видели, что прикоснулись многие, а исцелилась одна. Одновременно с внешним актом – прикосновением женщина выявляет и внутреннее – веру. «Дщерь! вера твоя спасла тебя».

Но мало сказать так, что женщина обнаруживает веру. Надо думать, что многие из больных, шедших за Христом, имели веру в Него и касались Его. Ведь не одно же простое любопытство побуждало больного человека тесниться за Христом и терпеть излишние страдания усталости, тесноты и давки.

Теснившиеся больные верили, что Господь может их исцелить. И, однако, внешнее соприкосновение и вера, как сознание, не обеспечивали Божественной помощи.

Женщина явила исключительную силу веры. Здесь была вера – воля, вера – душа, вера – жизнь. Здесь вера поглотила всего человека. Женщина в этот миг вся ушла в горение веры; и пламень веры, которым она была охвачена, она бросила в прикосновение, как будто бросила самое себя.

Вот фактор, со стороны человека нарождающий контакт с Богом, – огненная сила веры, когда человеческое, как бы сгорая, все поднимается к Отцу Небесному.

Да, да... Такая вера. Смотри, как Евангелист подробно описывает эту веру. И разве Божие слово, сообщая подробности о женщине, делает это для удовлетворения любопытства? Это сделано для научения нас. Вспомни описание женщины.

«Женщина... страдала... двенадцать лет, много потерпела от многих врачей, истощила всё, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние».

Такова жизненная обстановка пришедшей ко Христу. Страдала двенадцать лет... Двенадцать – число полноты. Значит, страдала долго и чрезмерно. И, страдая, по обычаю земных, цеплялась за землю...

Помощи не было... Получила новые раны («потерпела от врачей») и все-таки цеплялась за землю... «Много потерпела от многих врачей».

Наконец были использованы все земные средства...

Наконец на земное было убито все земное, т. е. убито и здоровье, убиты и все материальные средства – имущество, деньги... «Истошила всё, что было у ней». И в результате – ничего!.. Только хуже... «Пришла в худшее состояние»... Полное крушение жизни! Впереди осталась могила нищей. И вот широкая, свободная, обеспеченная, когда-то радостная жизнь сузилась до узкой щели. А стены могилы росли, приближались, и уже пахло землей!.. Свет жизни брезжил уже только в эту оставшуюся щель.

И вот через нее, через это ничтожное, дрожащее, последнее колебание жизни показался Небесный Учитель, дарящий туне, безвозмездно все дары жизни, воскрешающий к жизни... Что же, у женщины было колебание? Было сомнение? Было одно любопытство? Была холодная полувера? Для нее не было выбора. И вот вся сила оставшейся жизни была брошена в этот единственный просвет. Или смерть, или «это». Значит, для жизни осталось только «это», «прикосновение»... «И я спасена!»...

Здесь была вера – воля, вера – вся душа, вера – вся жизнь... Пламень веры она бросила в прикосновение, как будто бросила всю себя. «Сгорю, но спасусь»... И она спаслась. «Дщерь! вера твоя спасла тебя».

Что прибавить к сказанному?

Осмотришься, не много ли и ты потерпел от жизни? Не истощено ли богатство души? Не пришел ли и ты в результате цепляния за землю в «худшее состояние»?..

Молись Учителю, чтоб дал тебе дерзновение веры броситься к Нему без остатка... Привлечь на себя излитие Божественной силы и услышать ласковый голос Небесного Отца: «Спасла тебя вера... Иди с миром в душе и будь здоров от болезни твоей».

**54** *Но Иисус, услышав сии слова [о том, что дочь Иаира, которую Он шел исцелить от болезни, умерла и что не нужно утруждать Учителя идти в дом Иаира], тотчас говорит начальнику синагоги: не бойся, только веруй (Мк. 5, 36).*

Вера отлична от знания. Это две сферы, и каждая со своими законами. Знание – это земля, и законы знания – законы материальные – земные. Вера – это дух, и законы веры – это законы духа.

Как земля несоединима с духом, так знание несоединимо с верой. И как знание несоединимо с верой, так законы земли неприменимы к явлениям веры. Они будут стеснять веру, связывать ее, спутывать ее полеты. Вот почему свет веры ты не перемешивай с земным и для веры не ищи земных подпорок. Это – гнилые подпорки. Они только вяжут веру, а вера должна иметь свободный полет. Значит, не прикидывай земную мерку к делам веры и дела веры не ставь в зависимость от земных событий.

Например, ты знаешь, что твой больной ребенок не поправляется и что болезнь осложнилась. По человеческим соображениям, по медицинскому знанию ты видишь, что шансы ребенка убывают; появляется растерянность, боязнь... И если ты будешь молиться Христу, сам думая в то же время, что по-медицински ребенок должен умереть, то из-за серьезности положения ребенка помощь Христа будет казаться почти несбыточной. Твоя молитва будет, может быть, и глубокой молитвой человеческого бессилия, но вера твоя уже изранена. Ее подломило знание, факт жизни, от которого ты отравляешься. Ее надломила «боязнь», совершенно законная с человеческой точки зрения, с точки зрения земли.

А потому в деле веры откинь землю. Христос говорит Иаиру: «не бойся», т. е. выбрось из головы сообщение, что дочь умерла – это земля, и там у тебя дома по законам земли что-то совершилось. Пусть, это совсем неважно... Ведь тебя же привела ко Мне вера. Так и веруй! Вера же – дух. Это – другая сфера... Там свои законы и своя жизнь. Она совсем не зависит от совершающегося на земле. Не скажешь же ты, что если у тебя больной палец и ты помолишься Христу, то палец заживет и Христос исцелит тебя, а если случится серьезная болезнь, то еще надо подумать: придет ли к тебе Христос. Как будто акт Божией воли стоит в связи с твоим пальцем или твоими внутренностями...

Ясное дело, что акт Божией воли не зависит от малости или крупности земных вещей. Ясное дело, что для Господа одинаково свободно прийти к человеку и когда он порезал палец, и когда он стоит на краю могилы. Одинаково для Господа сделать чудо милосердия и в том и в другом случае. Не остановило же Господа совершить чудо милосердия даже разложение тела Лазаря? (см.: Ин. 11, 39). Значит, Господь приходит независимо от того, что совершается по законам земли.

Прийти Господу зависит не от земли и не от того, что совершается на земле, а зависит от духа человека и от того, что совершается в этом духе. Так пусть же земля не связывает духа, когда он уходит в сверхземное. И потом сверхземное для земли есть неизвестность, а неизвестность всегда угнетает ум человека. Неизвестность рождает в уме колебания, боязнь. А для духа сверхземное – Бог и радость, и уход в сверхземное только охраняет дух. Так пусть же земля, земное, ум не связывают дух уходит к Отцу и просить у Него потребное со всей простотой и силой веры. И придет Господь, что бы ни делалось с тобой на земле и как бы ни казалось невероятным, с человеческой точки зрения, Божие посещение.

«Не бойся... Только веруй...»

**55** *И не позволил [Господь] никому следовать за Собою, кроме Петра, Иакова и Иоанна, брата Иакова. Приходит в дом начальника синагоги и видит смятение и плачущих и вопиющих громко. И, войдя, говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит. И смеялись над Ним. Но Он, выслав всех [из помещения, где лежала умершая], берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним [трех учеников] и входит туда, где девица лежала (Мк. 5, 37–40).*

Божии дары не рассыпаются без разбора на всяком месте и для всяких глаз.

Разве слепой увидит разнообразие красот? И при плохом зрении разве не искажается восприятие цветов, как они есть?

Божии дары открываются по мере способности вместить их. Лишь «могущих вместить» Господь сподобляет быть свидетелями Своих тайн. Вот почему свидетелями воскресения дочери Иаира Господь делает только трех избранных учеников и отца и мать умершей, ради их веры и родственной близости к ней. А прочие, что будут «судить по плоти» (Ин. 8, 15), оставляются вне.

И если ты хочешь быть с избранными, имей веру и «больше сих узриши».

**56** *Приходит [Господь] в дом... и... говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит* (Мк. 5, 38–39).

Умершая спит. Раз в последний день этого мира, на грани перехода в вечное Царство Славы, Господь из восстанавливаемого (воскрешаемого) тела человека сотворит для бессмертной души новое тело Царства Славы, то, конечно, смерть тела есть сон.

Вот почему и в другой раз Господь сказал про Своего умершего друга Лазаря: «Лазарь, друг наш, уснул...» – и далее говорит: «Я иду разбудить его» (Ин. 11, 11).

Так же исповедует Христову Церковь.

Она называет умерших усопшими, т. е. уснувшими, и молится об их блаженном успении, т. е. мирном сне.

**57** *И смеялись над Ним [потому что сказал Господь, что спит девица, дочь Иаира]* (Мк. 5, 40).

Вот с какого времени идет насмешка над Христом. И понятно: «Я не от мира» и «они (христиане) не от мира». Христос и мир – два царства. Это – плоть и дух. Чем больше противоположность меж ними, тем непонятнее для мира Христос и тем больше недоумение для мира и злее его насмешки.

Христос и христианский дух. А мир «судит по плоти» (Ин. 8, 5).

**58** ...[Господь], *взяв девицу* [умершую дочь Иаира] *за руку, говорит ей: «талифа́ куми́», что значит: девица, тебе говорю, встань* (Мк. 5, 41).

Подмечай, с какой легкостью совершается величайшее чудо. Подходит к умершей, берет за руку и спокойно, властно говорит ей, как бы спящей: «Встань». И девица поднимается.

Для Господа, для Божественной силы одинаково свободно совершить и великое и малое. А забота человека должна быть о том, чтобы не препятствовать проявлению Божественной силы и безраздельной веры, всю ее привлечь на себя (ср.: Мк. 5, 25–29, 34, 36).

**59** ...[Совершив чудо воскрешения дочери Иаира, Господь] *строго приказал им* (присутствовавшим при чуде), *чтобы никто об этом не знал, и сказал, чтобы дали ей есть* (Мк. 5, 43).

Для чего? А почему же исцеленному бесноватому приказывает обратное: «...Иди... и расскажи им, что сотворил с тобою Господь...» (Мк. 5, 19)?

Божии слова и Божии дела открываются людям по мере их способности воспринять таковые (ср.: Мк. 4, 33 и 5, 37–40). Значит, когда в одном случае среда (домашние бесноватого) признается способной воспринять Божию тайну, тогда Господь указывает поведать ей о чуде. В другом случае среда явно обнаруживает закоснение сердца («смеялись над Ним»), и Господь замыкает тайну только среди избранных. Ради святости тайны Он не хочет метать бисер перед недостойными, чтобы они, кощунствуя, не стали «попирать» святых «ногами своими». Такое разграничение способных и неспособных вместить Божии тайны и разное отношение к ним вовсе не было излишней строгостью, как бы ригоризмом Господа, и уж совсем не говорит о том, что Господь благоволил к одним людям и отворачивается от других.

Разное отношение Христа к разным людям зависело только от самих людей. Такое отношение всегда оправдывалось, как показывает Евангелие, в деятельности Самого же Христа.

Вот верующая среда с сердцами, обращенными к Богу, и Господь открыто совершает чудо исцеления расслабленного, велит ему взять постель и среди народа идти в дом свой. Так делается потому, что будет воспринято. И сердца людей исполняются более верой. Действительно, Евангелие пишет: «...Все... прославляли Бога» (Мк. 2, 12; ср.: Лк. 7, 16).

Среди неверных, с ожесточенным сердцем, неспособных вместить чудо, Господь, «скорбя об ожесточении сердец их» и как бы для наглядного выявления этой порочной среды, совершает чудо исцеления больного с иссохшей рукой (см.: Мк. 3, 5). Что же в результате? Среда вразумилась? Спаслась? Нет. В ожесточении сердец среда подписывает себе полное осуждение: «Фарисеи [присутствовавшие при чуде], выйдя, немедленно составили с иродианами совещание против Него, как бы погубить Его» (Мк. 3, 6).

Не прав ли был Господь, скрывая (в двух случаях) чудо от такой среды? Для нее чудо было бесполезно: оно вело лишь к большему ожесточению людей. А люди всегда склонны к чуду и часто думают о заметном, показательном чуде, просят чуда, забывая, что может быть такое людское состояние окружающих, когда чудо – бесполезно. Люди забывают, что может быть, например, такое людское состояние, когда «если б кто и из мертвых воскрес», ничто не переменилось бы в жизни, а воскрешение объяснили бы по-своему, по-житейски, или мнимо научно.

**60** ...И сказал [Господь], чтобы дали ей [воскрешенной девочке] есть (Мк. 5, 43).

Какая трогательная заботливость о ребенке! Заботливость Господа даже о физической жизни его. А вместе, приказанием дать есть воскрешенной Господь хочет уверить нас, что то было действительное воскрешение, полное возвращение к жизни («возвратился дух ее». – Лк. 8, 55), а не какая-нибудь манипуляция с искусственным оживлением организма собаки, когда отделенная от туловища голова собаки открывает глаза, рот).

**61** *И соблазнялись о Нем (Мк. 6, 3).*

Во все века исполнялось предсказание Симеона Богоприимца, что «...лежит Сей [Христос] на падение и на восстание многих... и в предмет пререканий...» (Лк. 2, 34). И во все века «соблазнялись» о Нем. Предметом соблазна была обычность Его человеческой жизни... «Не плотник ли Он?» Как будто Отец Небесный в условиях земного порядка, Им же благословенного, должен был в Своем Сыне на земле проявить одно сплошное чудо, одну необычайность. Как будто обстановка одного сплошного чуда не оторвала бы Божия Сына от земли, от людей, ради которых Он и пришел! А потом соблазнялись о Нем через Церковь. Разве служители Его безгрешны?.. Как будто члены Церкви живут вне земных условий. И как будто Бог на земле должен был создать обстановку сплошного чуда.

**62** *Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем (Мк. 6, 4).*

Эти слова приложимы и к оценке людского отношения к христианству. И для людей в христианстве «несть пророка», нет чуда, нет Христа как Бога. Как у домашних нет горизонта в оценке своего человека, родного и близкого, и их глаза застилаются житейскими мелочами, которые движутся в их мысли на первом плане, так же точно в оценке христианства, Церкви людям мешает отсутствие горизонта и масштаба... Человеческая мысль путается в ближайших, видимых мелочах... Она пленена ими и не в силах из них выбраться... А надо смотреть шире... За людьми, за их суетливостью, за мелочами ничтожных интересов, за борьбой самолюбий и тщеславий надо находить всемогущую Божию руку, ведущую жизнь в целом и направляющую события к своему концу. Тогда поймешь текучесть событий, найдешь свое место в них и поймешь, что требует от тебя Господь. Только тогда может быть ясность в жизни и спокойствие в деятельности.

**63** *И не мог [Господь] совершить там [на Своей родине, среди своих] никакого чуда... (Мк. 6, 5) ...по неверию их (Мф. 13, 58).*

Какие слова! «Не мог совершить»! Не сказано: «не совершил», а «не мог совершить», как будто ограничено было Божественное всемогущество!.. Это новое и поразительное свидетельство того, что Божественная сила как бы связывается человеческой немощью (ср.: Мк. 5, 25–34). Бог бессилен спасти человека без человека. Божественная сила всегда готова излиться на человека... Но со стороны человека требуется порыв души и открытость души, чтобы воспринять Божественную силу. Употребим аналогию: как в материальных вещах, для того чтобы тот или иной аппарат уловил какие-либо атмосферные токи, надо, чтобы был открыт и действовал его приемник (как, например, в радиоаппаратах), так же точно для того, чтобы человеческой душе включиться в контакт с Божественной силой, надо, чтобы приемник души был открыт и действовал. Тогда он уловит токи благодатной силы.

Если же души закрыты, глухи, если они неспособны принять Божий дар, то не расточать же Господу Свою Божественную силу как бы в пространство! И Господь заключился в Себе. Это и обозначает Евангелие, когда говорит: «Не мог совершить там никакого чуда». Потому что закрыты были души. Никто не думал о Божественной силе, и никто не обращен был к ней. Понятно, что выражение «не мог совершить» не содержит в себе и тени намека на то, что Господь не имел силы совершить чудо, а равносильно мысли, что Господь, скорбя о закрытии людских сердец, сознательно не совершил на Своей родине многих чудес. Святой евангелист Матфей так и пишет: «Не совершил там многих чудес по неверию их» (13, 58).

**64** *И дивился [Господь] неверию их [окружающих]... (Мк. 6, 6).*

И как не дивиться! Чудеса кругом, чудеса на каждом шагу! И все видят их! А оценка чудесного – своя оценка недомыслия

и духовной слепоты: «Откуда у Него это?.. Не плотник ли Он?» (ст. 2 и 3)... Так всегда!.. Божии знамения есть в каждой жизни... Если быть внимательным, они на каждом шагу, они кругом... А оценка их – оценка недоумения и духовной слепоты: «Это все пустяки». И человек остается со своими «пустяками». И остаются закрытыми глаза и заткнутыми уши... А Господь уходит с его пути.

**65** *И сказал [Господь] им [ученикам]: ...если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу (Мк. 6, 10–11).*

Какая страшная участь! Пойми, что это участь не палестинских городов и домов времени Христа, которые отвернулись от учеников и от Христова учения, это – участь всех отвергающих евангельскую истину во все времена и во всех народах. Содому и Гоморре – городам, из-за безнравственности в наказание сожженным огнем, – отраднее будет в день суда, нежели городу тому, который отвергнет вас, вестников Божия слова.

Не об Апостолах заботится и не им обеспечивает радушный прием, а скорбит об ожесточенных сердцах, сознательно отвергающих истину, когда она известна, проповедуется. Как в другой раз записал Апостол: «Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!» (Мф. 11, 21). Такова страшная участь сознательно отвергавших истину. «Если бы Я не приходил и не говорил им, они не имели бы греха, а теперь они не имеют оправдания в грехе своем».

Теперь не имеют оправдания, потому что пренебречь истиной – значит сознательно обречь себя на власть тьмы. А для тьмы – участь тьмы. Здесь только справедливость. Что сеял, то пожнешь! Разве можно шутить словом Жизни? Разве можно безнаказанно пред Вечной Правдой пройти с усмешкой презрения мимо откровенного слова Божественной

Истины: «какая наивность, какая глупость!» Разве можно безнаказанно предпочесть слову Вечной Правды побасенки ограниченного человеческого ума?!

Вот и результат: предпочел умную тьму – оставайся во тьме. «Горе тебе, Хоразин! Содому и Гоморре будет отраднее в день суда», потому что Содом и Гоморра не слышали проповеди истины. «Если бы в Содоме были явлены силы [и значит, была проповедь истины], явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня» (Мф. 11, 23). Тебя не заинтересовало слово Правды? Ты отверг свет Истины? Ты остался глух к призывам спасения? Евангельские рассказы для тебя – наивная фантазия? Тебе дороже кичливое пустословие человеческого ума? Так получи свое – осуждение отвергнутой истины!

Истина – вечное Евангелие, отвергнутое тобой, твой немолчимый судья; «отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Ин. 12, 48). «И увидел я... Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие... и говорил он громким голосом: убойтесь Бога... ибо наступил час суда Его...» (Откр. 14, 6–7). И суд за отвергнутую истину будет только истинен: вся вселенная подтвердит это. «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы» (Мф. 12, 41).

Проповедь Пророка смягчила сердца грешнейших ниневитян, а ты глух и отвергаешь проповедь Самого Сына Божия. Ты – нераскаяннее грешнейших ниневитян! И они восстанут на суд и будут свидетельствовать против тебя! Тебя не смягчит призыв Самого Бога! «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона» (Мф. 12, 42).

Царица южная (Савская), ища истины, когда услышала о необычной мудрости Соломона, от пределов земли пришла за словом о жизни. Царица презрела все опасности дальнего

и неизвестного пути. Она презрела женскую слабость... и идет и ищет человеческой мудрости, чтобы научиться истине жизни. А к тебе пришел Сам Спаситель!

Он зовет, открывает небесные тайны и дает исцеление всей твоей немощности, а ты беспечно или горделиво отвернулся. Так какое же может быть оправдание тому, что остался ты во тьме и грехе? Никакого! Горе тебе! Отраднее будет Содому и Гоморре в день суда...

**66** *Он сказал им [Христос ученикам]: пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного...* (Мк. 6, 31).

Отдых души – в молитвенном одиночестве. Тогда душа отходит от расслабляющих влияний извне и устанавливает контроль над своим внутренним миром, чтоб ничто не посмело расхищать ее богатства. Тогда же она входит в соприкосновение с неисчерпаемым источником своей силы – Богом, и крепнет, и ширится, и зреет в совершенство!

**67** *Иисус... увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря; и начал учить их много* (Мк. 6, 34).

Пастырь Христос: «Аз есмь пастырь добрый» (Ин. 10, 11). И не послушались Пастыря, и разбрелись овцы!.. А так как были слепы, то заблудились и погибли... «И сжалился над ними», потому что «слепы овцы»! И начал открывать им души, чтобы прозрели у них очи сердец и чувственные глаза их стали видеть ясно! Начал открывать им души, чтобы познали они Свет Истины и правда жизни воссияла им. «И начал учить их много».

**68** *...Ученики Его [Христа], приступив к Нему, говорят: место здесь пустынное, а времени уже много, – отпусти их, чтобы они пошли в окрестные деревни и селения и купили себе хлеба, ибо им*

*нечего есть. Он сказал им в ответ: вы дайте им есть. И сказали Ему: разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть? Но Он спросил их: сколько у вас хлебов? пойдите, посмотрите. Они, узнав, сказали: пять хлебов и две рыбы. Тогда повелел им рассадить всех отделениями на зеленой траве. И сели рядами, по сто и по пятидесяти. Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали им; и две рыбы разделил на всех. И ели все, и насытились. И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов (Мк. 6, 35–43).*

«Отпусти их...» Это – голос мира. Он делит жизнь на две полосы: одна полоса – христианам пойти в церковь, послушать Святое Писание, повздыхать о благочестивой жизни святых; другая полоса – это собственно жить, т. е. хлопотать, заботиться, приобретать, радоваться, отдыхать, растить детей и пр. Потому, когда нужно жить, тогда мир говорит христианству: «Отпусти их», они послушали слово истины, и теперь пусть пойдут поживут. Они – люди, надо же им и о жизни подумать. И около христианства – место безжизненное, пустынное. Христианство – хорошая теория, а жить христианством не живут... Потому: «Отпусти их».

Христос не отпустил народа. То, что говорит мир, – заблуждение. «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6, 48). От Меня и около Меня питайтесь душами и телами. Когда вы уходили от Меня «жить» и насыщаться по-мирскому, что вы выгадали? Не умирали ли вы не только душами, но и телами? «Отцы ваши ели манну... и умерли» (Ин. 6, 49), а Я дам «хлеб... таков, что ядущий его не умрет» (Ин. 6, 50). Куда же Я отпущу от Себя? На смерть?

И Он оставил народ около Себя. Оставил для насыщения сначала душ, потом тел. Хотя души уже были насыщены. Он все же говорит ученикам: «вы дайте им есть». Конечно, Он через это внушал ученикам, чтобы насытили народ словом

истины, чтобы души их насытили, потому что знал Он, что ученики не имели вещественного хлеба и никак не могли накормить пять тысяч народа. Значит, словами «дайте им есть» напоминает, что посланные (Апостолы) и раздаватели славы прежде всего должны позаботиться о духовном насыщении алчущих правды, напоминая, что это – первая забота о душе. Она должна напитаться от Христа.

Вторая забота – о теле, о всей внешней жизни. Господь знает, что такая забота естественна, и указывает, что она должна быть удовлетворена около Него. Ради этой цели Господь совершает великое чудо насыщения пятью хлебами и двумя рыбами пяти тысяч человек, не считая женщин и детей (см.: Мф. 14, 21).

Смысл чуда насыщения тот, что и внешняя человеческая жизнь должна строиться Господом же, как и насыщение Им души; что человек во всей своей жизни, в заботах, в трудах, в отдыхе, в радости, в печали должен жить от Него, через Него и в Нем. Для наглядной передачи этой мысли Господь совершает чудо в обстановке полного земного порядка. Он хочет указать, что все естественные земные потребности ведомы Ему и Он удовлетворит их Своим могучим воздействием. Как добрый Домоправитель, Господь приказывает всем занять места в полном порядке, рядами, с промежутками через 50, 100 человек. Как добрый Домоправитель, Он приказывает после трапезы собрать остатки, чтобы Божий дар не валялся неприбранным.

Зачем нужны эти подробности в евангельском рассказе? Все подробности порядка насыщения приводятся затем, чтобы показать, что Господь и в земном устройении жизни все предусмотрит как мудрый Созидатель жизни и удовлетворит земное потребное как любящий Отец.

Как творится самое насыщение? Чем достигается насыщение? Умножением хлеба, т. е. иначе говоря: увеличением внешних земных вещей? Нисколько. Ни один Евангелист, рассказывая об этом чуде, не говорит, что Господь из пяти хлебов сделал 500 хлебов и ученики раздавали их, и из двух рыб сделал двести.

Насыщение дается благословением Бога: «воззрев на Небо, благословил и преломил». И стали делиться те же пять хлебов, и от отламываемых кусков этих пяти хлебов с избытком были сыты пять тысяч человек. Здесь развитие той же великой мысли, что устроение земного порядка идет от Христа и наилучше совершается Его благословением. Не бесконечная забота о вещах, не бесконечная череда приобретений, не умножение вещей, не этот обычный плен вещами обеспечивает удовлетворение жизненных потребностей, а благословение Бога.

Когда земная жизнь устроится под этим могучим благословением, тогда как бы повторяется чудо насыщения: всего хватает, малое удовлетворяет большое, не раздражает, и нет постыдного рабства вещей, ради «живота». Когда же жизнь строится без Божия благословения, по эгоистической самости, тогда она обращается в египетский плен вещами. Человек приобретает и не насыщается, заботится и не уменьшается ярмо забот. Весь свой век человек в хлопотах и тревоге, и конца нет делам, и не прибывает спокойствия и удовлетворения жизнью. Какое-то беличье колесо. Бег без достижения и радости... Плен, ярмо вещей... Так всегда, когда жизнь строится без Бога.

**69** *И, отпустив их [учеников], [Господь] пошел на гору помолиться (Мк. 6, 46).*

Уходит молиться «на гору». «На горе» ближе к Отцу. И Господь поднимается телом с долины как бы затем, чтобы быть над жизнью земли и оторваться от нее.

Здесь образ молитвы к Отцу. Такова должна быть молитва к Отцу Небесному. Пусть душа уходит «на гору», оторвется от земного, поднимется над ним, забудет о нем, чтобы не связывала ее тяжесть земных дум, забот, интересов, чтобы не влачилась молитва в жиге земных помыслов и не обескрывала в рассеянности, перебегая по земным вещам...

Никогда же не забывай уходить молиться «на гору».

**70** *Вечером лодка [с учениками] была посреди моря, а Он [Христос] один на земле. И увидел их бед-*

*ствующих в плавании, потому что ветер им был противный; около же четвертой стражи ночи подошел к ним, идя по морю, и хотел миновать их. Они, увидев Его идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали. Ибо все видели Его и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: ободритесь; это Я, не бойтесь. И вошел к ним в лодку, и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились, ибо не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено (Мк. 6, 47–52).*

Опять та же картина (ср.: Мк. 4, 36–38): лодка людской жизни – сама по себе; Господь, Правитель жизни, – Сам по Себе...

И, понятно, лодка над пучиной. Там были вечером, т. е. к закату жизни. К вечеру она изжила все иллюзии земли, и нет у нее гавани, нет опоры, нет твердых берегов. Отяжелевшая лодка жизни к вечеру жизни чаще всего носится «среди моря», и сгущается около нее мрак жизни, а под ней – бездонная пучина.

И, конечно, лодка в бедствии!.. Конечно, ветер был противный. Как же ей не быть в бедствии, когда она одна и беспомощна? И «противный ветер» жизни мира тоже неминуем.

Когда бедствия протянулись длинной полосой, когда должны бы быть изжиты иллюзии и оценена человеческая беспомощность, тогда Господь, вечно бодрствующий над миром, идет по путям бедствующих человеческих жизней. Он всегда ходит по путям жизни, но люди в безопасности не видят Его. Теперь, в дни бедствия, когда бедствие достигло вершин развития («в четвертую стражу ночи»), Он подходит так близко к бедствующим, чтобы быть заметным.

Но и милосердую о страдающем человеке, Господь, однако, не может спасти человека насильно, без его воли; и вот почему, когда со стороны бедствующих учеников не было обращения за помощью, Господь хочет миновать их. Об этом и упоминает евангелист Марк: «И хотел миновать их». Человек, чтобы получить Господню поддержку, должен обращаться

ко Христу. Надо, чтобы у человека была открыта душа и приняла Божественное воздействие.

Ученики увидели Христа, идущего по морю, но откликнулись не обращением за помощью, а смятением, растерянностью и испугом. Их испугала необычность хождения по воде, и они не уразумели, что это же живой Бог, для Которого все возможно, как Творца стихий, а подумали, что они видят призрак. Люди, переживая бедствие, чаще всего бывают подавлены им и прижаты к земле. Еще в первый период несчастья те из людей, кто не утратил веры в Бога, те обращаются к Нему с мольбой бедствующих учеников: «Учитель, неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?»

Так как Господь, испытывая мужество и укрепляя веру, приходит лишь в четвертую стражу бедствий ночи, то слабая вера успевает зачухнуть, а в душе разливаются растерянность и смятение, а вместе с ними и подавленность. Когда в таком состоянии подавленности и влачения по земле человеческая душа соприкасается с Божественным воздействием на нее, она, как застигнутая врасплох, совсем теряется. Соприкосновение с неизвестным и чрезвычайным усиливает страх; маловерие влачит мысль по земле...

И тогда веяние чудесного мира, который зовет к Богу, воспринимается как «призрак», как нереальное, как то, что «показалось». Когда пройдет первый невольный трепет души от осязания сверхземного и человек вернется к будничному «прочному и ясному» сознанию, тогда минувшее мгновение Божия веяния рассматривается как иллюзия, объясняется расстроенным воображением, нервозностью и вспоминается как проявленная болезненная слабость.

Господь, однако, и при обнаружившемся малодушии учеников проявляет Свое милосердие до конца. Так как в учениках теплилась вера, что их Учитель может спасти, и их сердце невольно тянулось к Нему («они хотели принять Его в лодку». – Ин. 6, 21), то Господь прекращает бедствие. Он успокаивает учеников, заверяя их, что это – Он Сам, живой их Учитель, чудеса Которого они видели много раз. И Господь входит в лодку...

Как только Кормчий жизни вошел в лодку жизни, тотчас наступила тишина... Противного ветра как не бывало, и жизненное плавание пошло устойчиво и спокойно. Так верно руководство, и так надежна охрана. Не «изумляйся», не «дивись», как ученики (ст. 51), что бодрствует Господь, и что милосердие Его велико, и что Он ходит по путям жизни и подает руку, хотя бы ты был на грани отчаяния!

Ты сам-то будь чуток, не «окаменей сердцем» (ст. 52), не похорони совесть в постоянных сделках, в приспособлениях в устраивании жизни по-понятному и земному, а сумей ощутить Господа и приход Его. Да не малодушествуй, робей и как бы стесняясь принять Божеское, пытаясь приспособить его проявления к земным естественным явлениям, а с внутренней теплотой, открытым сердцем прими Христа, со страхом и любовью поклонись Ему, возблагодари Его милосердие, что Он взыскивает тебя, грешного и забывшего Его, и тогда Господня рука выведет тебя из бедствия и с ее помощью ты пойдешь прямее и тверже.

***71** ...Жители [земли Геннисаретской], узнав Его [Христа], обежали всю окрестность ту и начали на постелях приносить больных... и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его; и которые прикасались к Нему, исцелялись (Мк. 6, 54–56).*

С такой ревностью ищут Его.

И ты, когда почувствуешь нужду в Боге, с ревностью ищи Его. Обегай всю человеческую «окрестность», осмотри человеческие пути жизни, облазай все закоулки человеческой мысли, и ты дойдешь до Христа, дойдешь, если будешь честно искать Его.

И когда придешь к Христовым путям, положи при них свою больную душу и моли Христа, чтобы влил в тебя силу «коснуться» Его... Потому что Христа надо «коснуться» и надо Его «осязать», чтобы принять Его Божественную поддержку (ср.: Мк. 3, 10).

**72** *И сказал [Господь] им [фарисеям и книжникам]: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? (Мк. 7, 9).*

В мирской жизни так бывает на каждом шагу, т. е. на каждом шагу отменяется Божия заповедь ради предания человеческого. Эта отмена стала таким законом, что люди даже не подмечают ее. Люди желают руководствоваться в жизни своим рассудком, а при следовании за рассудком происходит незаметная подмена Божия закона человеческим обычаем. Людям кажется, что они живут осмысленной, разумной жизнью и совсем свободны в выборе своих поступков. Пустое заблуждение, приглядитесь!

Люди во все века – рабы и попугаи. Они – рабы и попугаи не только в быту, где все делается, «как принято», они – рабы даже в своей мнимой идейности, когда под влиянием и под давлением модного течения мысли они сами перестраивают свою «идейность» под него, и начинается их танцевание под модные перепевы.

Христианство, эта высшая откровенная правда о жизни, запутывается модным установлением. Оно или совсем откидывается как негодная отжившая теория жизни, или же оно оставляется внешне пристегнутым к жизни как старая маложизненная традиция.

Выходит, что послушание высшей жизненной Истине, послушание Богу, заменено рабством перед тренькающими пустыми погремушками времени. Слепой, бедный человек не видит, что он скоморошно попугайствует под жалкую балалайку! Он спокоен, а иногда и горд. Он «свободен»... Он в первом ряду современности! Он носитель человеческого прогресса!

Так оковы современности, меняющиеся чуть не каждое поколение, носятся спокойно, и человек не видит их, а Божии веления о жизни, действительно выправляющие жизнь, не нужны. Они – рухлядь, они – цепи, мешающие жизни. Какое жалкое заблуждение!

Оковы ограниченного человеческого ума и человеческого кривляния предпочтены Вечной Правде, Свету жизни! Недомыслие!.. Почему так бывает?

Да потому, что Божие слово «вольно и невольно» беспокоит; оно беспокоит совесть; оно связывает в человеке стихию зла. Оно требует контроля над собой. Божий закон – как судья в человеке. А человеческой испорченности приятнее и приемлемее то, что развязывает стихию низшего порядка и потакает ей. Так получает деспотию человеческий обычай и обрывается Божий закон.

**73** *И, призвав весь народ, [Господь] говорил им: слушайте Меня все и разумеите: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека... Неужели не разумеете, что ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его? Потому что не в сердце его входит... Исходящее из человека оскверняет человека. Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, – всё это зло изнутри исходит и оскверняет человека (Мк. 7, 14, 15, 18–23).*

Сердце – центр физической жизни человека, и по связи душевной деятельности с физической оно же, как объединение душевных способностей, есть центр и душевной деятельности. И как сердце разносит кровь по организму и дает ему или здоровье, или дурные токи, так и в душевной жизни от сердца идут проводники сил добра или зла. А само сердце, таким образом, является резервуаром добра или зла, и из него или же как из чистого резервуара течет добро, или же как из зараженного – зло.

И так в сложившейся душевной жизни добро и зло идут от сердца, как объединения душевных способностей. Там,

в тайниках сердца человека, складывается порок человека или добро человека. Внешние влияния здесь играют второстепенную роль. Если они содержат в себе элементы добра или зла, то они будут лишь возбудителями добрых или злых стремлений, какие все же пойдут от человеческого сердца. А чаще внешнее впечатление само по себе не есть добро или зло, оно нейтрально. Его окрашивает встречная волна восприятия, которая идет от сердца. Если во встречной волне будет элемент зла, то и внешнее впечатление получит преобладающую окраску зла. Не будет элемента зла, впечатление воспринимается как нейтральное.

Вот пример. Всякому мужчине естественно встретить женщину и естественно смотреть на нее. А при взгляде на женщину образуется внешнее впечатление, которое и посылается уму и сердцу. Такое впечатление может быть совсем нейтральным, и в нем не будет греха. А грех будет тогда, когда порочное сердце мужчины воспримет впечатление с порочной окраской и такую окраску сообщит воспринятому. Так сказал и Господь, что согрешает не всякий посмотревший на женщину, а лишь тот, кто посмотрит «с вождением» (см.: Мф. 5, 28).

Итак, человеческое сердце есть сокровищница добра и зла. И «добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое...» (Лк. 6, 45). Сердце делается таким в процессе формирования личности человека, а когда душевная жизнь человека сложилась, тогда сердце, как центр сознательной душевной жизни, само делается регулятором добра и зла, и по отношению к нему внешнее добро или зло не имеет самостоятельной ведущей роли.

И тогда, в частности, никакое внешнее зло не может войти в человека и осквернить человека, если оно не будет попущено накопившейся внутренней скверной, и, следовательно, тогда сквернит человека его собственная сквернота, которая загнездилась внутри его.

Здесь указана основа душевной жизни человека. Здесь большая истина. Вот почему и сказал Господь: «Слушайте Меня все и разумеите» (ст. 14).

Отметь же истину о душе в твоей памяти. Отметь, что твое сердце есть ключ добра и зла в тебе и что, следовательно, ты полный ответчик за все твое внутреннее нечистое. А если ты полный ответчик за свое сердце, то надо тебе быть полным хозяином его, т. е. надо, чтобы сердце в твоих интересах было проводником только одного добра, но не зла и греха; надо, чтобы и внешние влияния, когда в них есть элемент греха, сердце пропускало через себя, как желудок пищу, не оскверняясь ими, а чтобы добро текло из сердца постоянной широкой и свободной струей.

Ты думаешь и ты говоришь о сторонних дурных влияниях на тебя и ими оправдываешь свою худость. Не много ли лицемерия в этих самооправданиях?

Когда человек не стоит на страже своей внутренней чистоты и в нем развязывается стихия низшего порядка, тогда человек охотно принимает все противное Божественному закону (ср.: Мк. 7, 9) и легко идет на сделки и компромиссы, а в успокоение хоть изредка будоражащей совести ссылается на неотвратимость внешнего дурного влияния, вынуждающего на зло и грех.

Здесь лукавство!

Правда такова, что стороннее влияние пусть останется влиянием и пусть даже в нем будет элемент греха... А что это стороннее влияние ты не пропустил через себя без вреда для себя, что ты приложил его зло к своему злу и маскируешь свою нечисть внешним злом, это уже твоя вина, за которую ты и несешь ответ.

Ничто входящее в человека само по себе не осквернит человека, а осквернит его собственная скверна, исходящая от испорченного сердца. «От сердца бо исходят помышления злая»... Господь дает перечень злых мыслей, идущих от сердца, и ставит их в порядке нарастания зла, в смысле охвата им (злом) души и углубления в душу до полного истребления там всего здорового и нормального.

Сначала Господь указывает зло, имеющее основанием греховное тело и направленное на тело и имущество человека:

прелюбодеяние, любоддеяние, убийство, кражи, лихоимство (ст. 21). Потом называет зло, покоящееся на душевных движениях: злоба, коварство, непотребство, завистливое око (ст. 22). И заканчивает обозначением зла, пронизавшего душу до ее основ и перевернувшего ее нормальную природу: богохульство, гордость, безумство (ст. 22).

Богохульство, или вероотступничество, есть первый этап истребления души, когда у нее порываются корни питания, связь с Богом как источником жизни. Тогда человек пытается подменить Божескую основу жизни самостью. Человек себя самого, свой ум, волю делает регулятором жизни и свой эгоизм ставит в центре жизни. Это – второй этап истребления.

Но так как извращенная человеческая самость – иллюзорная опора жизни, то, конечно, банкротство жизни на этом этапе неминуемо, и человек скатывается к третьему и последнему этапу – безумству.

«Безумством» кончает человек зла. Это – полюс истребления души, когда в ней не остается ничего здорового, когда «омрачается несмысленное сердце» человека (Рим. 1, 21) и на всю его деятельность, на всю жизнь ложится печать физического и морального помрачения, когда человек предается «в неискусен ум творити непотребная» (Рим. 1, 28).

*74* ...Пришел [Господь] в пределы Тирские и Сидонские; и, войдя в дом, не хотел, чтобы кто узнал, но не мог утаиться (Мк. 7, 24).

Господь не прибегает к внешнему давлению на человека, чтобы расположить его к Себе. Господь не прибегает к чуду как внешнему механическому доказательству Своей силы, чтобы подавить им человеческую ограниченность. И могущество Господа всегда на земле, но оно не изливается механически. Оно как бы скрыто.

Эту мысль Господь передает образно, когда, войдя в дом, не хочет, чтобы кто узнал о Нем. Для верующей же души, ищущей Его, Господь открыт и явен каждый миг: «не мог утаиться» для такой.

**75** *...Услышала о Нем [Христе] женщина, у которой дочь одержима была нечистым духом... а женщина та была язычница... и просила Его, чтобы изгнал беса из ее дочери. Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она же сказала Ему в ответ: так, Господи; но и псы под столом едят крохи у детей. И сказал ей: за это слово, пойдди; бес вышел из твоей дочери (Мк. 7, 25–29).*

Дети – это признающие Отца и тянущиеся к Отцу Небесному. Конечно, они насыщаются первыми уже потому, что они ищут пищи Отца и способны принять ее (ср.: Мк. 4, 25). Однако не отвергай и «не детей»: «дай прежде насытиться детям»... Пищу от Небесного Отца получают все.

«Не дети» обозначаются как будто жестоким словом... Так потому, что отвергающие Божественное слово попирают его, уподобляясь неразумным животным.

Оттого в другой раз и заповедует: «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими...» (Мф. 7, 6). А когда «не дети» захотят взять хотя бы «крохи» Божественной правды, крохи от пищи детей, тогда Отец открывает им всю любовь и за один миг, за одно обращение веры дарит им Свою благодать: «За это слово, пойдди...» дочь твоя здорова (ст. 29).

Здесь укор неразумной душе!

О тебе первая забота Отца... Тебе приготовлен первый стол... И такой стол, что даже крошки с него дают жизнь! А ты все черства и все небрежешь!

**76** *Привели к Нему [Христу] глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку. Иисус, отведя ему в сторону от народа, вложил пальцы Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, возрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа́», то есть: «отверзись». И тотчас*

*отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто (Мк. 7, 32–35).*

Это речь о душе. Она глухая и она косноязычная. Она глухая, потому что она бесчувственна и черства, как будто замкнуты у нее уши сердца и она не слышит Божиих зовов. И она косноязычная, потому что нет у нее языка говорить со своим Отцом, от Которого Свет, Премудрость и Жизнь... И говорить со своею Матерью и со своими братьями – нет у нее молитвы...

Надо привести душу ко Христу и молить Его возложить на нее Свою руку. Надо молить Христа, чтобы Его рука невидимо осенила нашу душу и повлекла ее к Отцу Небесному, сняв с нее глухоту и развязав язык сердца.

А привести душу ко Христу – значит прежде всего вывести ее из мира, в сторону от греха людей. Как Господь совершает исцеление глухого, отведя его «в сторону от народа», так и отвержение нашей души может совершиться только вне мира греха, когда душа будет свободна от связывающего и разлагающего влияния земли – греха и будет наедине с Богом.

Тогда она, свободная, легче устремится к небу, и Господь, как при чуде исцеления, коснется ее, «вздыхнув» Своим Божественным дыханием, и волеет в нее от Своей Божественной силы. Он невидимо вложит персты в уши сердца, коснется его языка, скажет: «отверзись», и откроется слух души, спадет ее черствость, бесчувствие, станет чуткой совесть. Божии зовы повлекут за собой... Открытое сердце наполнится живым, трепетным чувством к Отцу, и тогда молитва к Нему потечет легко, свободно, проникновенно.

Так разрешит Господь «узы» языка души, и она станет «говорить чисто» (ст. 35).

*77 ...Когда собралось [около Господа] весьма много народа и нечего было им есть, Иисус, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что... нечего им есть. Если неевшими отпущу их*

*в дома их, ослабеют в дороге, ибо некоторые из них пришли издалека. Ученики Его отвечали Ему: откуда мог бы кто взять здесь в пустыне хлебов, чтобы накормить их? И спросил Господь их [учеников]: сколько у вас хлебов? Они сказали: семь. Тогда велел народу возлечь на землю; и, взяв семь хлебов и воздав благодарение, преломил и дал ученикам Своим, чтобы они раздали; и они раздали народу. Было у них и немного рыбок: благословив, Он велел раздать и их. И ели, и насытились... Евших же было около четырех тысяч. И отпустил их (Мк. 8, 1–9).*

Снова чудо насыщения. Очевидно, так значительно и жизненно насыщение около Него душ и тел (см.: Мк. 6, 35–44), что Господь для большего запечатления в людских умах и сердцах мысли о Нем вторично совершает чудо и углубляет Свое слово и дело.

Опять около Христа много народа, и Он совершил насыщение их душ. Опять народ нуждается в физическом подкреплении, в пище. Опять трогательное внимание Учителя к тяжелым нуждам народа: «Жаль Мне народа, что... нечего им есть. ...Ослабеют в дороге...». Опять мысль, что Господь не может отпустить народ от Себя, тем более, что «некоторые пришли издалека», т. е. были далеки от Бога, и их надо поддержать и удовлетворить всем потребным... И еще тем более, что если отпустить их, то они «ослабеют» в дороге жизни без Бога... Опять заявление учеников, что около христианства место пустынное и негде взять хлеба.

И Господь не отпускает народа. Он, как и при первом чуде насыщения, спрашивает о количестве имеющихся хлебов, повелевает народу возлечь на землю, в «благодарении» Отцу низводит благословение неба на дары земли, преломляет хлебы и передает ученикам для раздачи народу.

И снова благословением Бога творится насыщение: «и ели, и насытились» (ст. 8). И только после насыщения, когда были удовлетворены и души и тела, «отпустил их» (ст. 9).

**78** ...Фарисеи, начали с Ним [Христом] спорить и требовали от Него знамения с неба, искушая Его. И Он, глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения? Истинно говорю вам, не дается роду сему знамение (Мк. 8, 11–12).

Фарисеи – олицетворение лукавой совести. Такая совесть делает одну работу: оправдывает скверную жизнь и оставляет руководителем жизни (вместо Бога) испорченное «я», развращенную самость.

Для оправдания такой жизни совесть идет на всякие ухищрения. Не отвергая Божия слова и Божиих заповедей, лукавая совесть изощряется в своих толкованиях, придумывает исключения и оправдывает сделки и компромиссы. Она (совесть) вертится без конца: то слово Божие слишком строго и ригористично, то Христос бесконечно милосерд, то Евангелие узко ограничивается временем и обстановкой, то лукавство утверждает, что оно само широко и универсально. Все в зависимости от того, что выгоднее... И без конца изощряется лукавая совесть, и перевертывает, и оспаривает очевидные истины, как спорили со Христом фарисеи (ст. 11).

Так происходит всегда в обыденной жизни – ежедневно и ежеминутно, и мы даже не замечаем лукавой работы постоянного самооправдания.

В этой работе самооправдания бывает один момент, когда лукавство, фальшиво прикрываясь верой, поднимается до высшей точки мнимого дерзновения в вере и просит у Бога чуда, а иногда требует чуда, опираясь якобы на ревность в вере.

Но и здесь обман, и здесь тоже лукавое самоприкрытие. Когда выдвигается требование чуда? Когда обстоятельствами жизни ухищрения совести разбрасываются, как карточный домик, и человек в упор стоит перед явными велениями Бога, а принять их и подчиниться им у него нет духовного мужества, то и тогда лукавство не сдаётся и не прекращает своей работы, и под видимостью подчинения Богу оно начинает как бы само желать Божия вмешательства в жизнь и под

видимостью принятия Бога ставит Богу свое требование об обязательности Его обнаружения, т. е. требование чуда.

Лукавая совесть тогда рассуждает так: «Господь воздействует на мою жизнь... Ну, конечно, я приму Господа, подчинюсь Ему и откажусь от моей “самости” (последнее вслух не говорится)... пусть только Господь явно обнаружит Себя».

Что же, требование чуда здесь является выражением веры? Нисколько. Это та же самая прикрытая самость... И выходит, что тут вынужденный отказ от эгоистической самости под давлением обстоятельств и фальшивое подчинение Богу с расчетом: «А может быть, Божии силы наглядно и не явятся, и, значит, моя самость останется хозяином жизни».

Нужны ли примеры? Да. Возьми, к примеру, хотя бы всю группу фактов жизненных вразумлений: всякого рода бедствий, потрясений, болезней и всяких случаев смертельных опасностей – таких вразумлений, при которых человек вынуждается к признанию необычности происходящего. Всегда ли в таком случае человеческое сердце сразу и охотно подчиняется Богу с отказом от самости? Не чаще ли бывает, что, когда пройдет период растерянности, человеческое лукавство объяснит происшедшее случайностью, исказит его, чтобы втиснуть в рамки естественного, и спокойно предаст его забвению, оставив самость хозяйкой жизни? А если мысль о необычном слишком настойчиво стучит в сознание, то лукавство сейчас же просит чуда: «Если бы Бог действительно захотел помочь мне, спасти меня, то почему же Он не сделал того-то и того-то...» – и высказывается желание большого чуда, а случившееся признается слишком ничтожным, чтобы жизненная самость уступила свое место Богу.

Такова работа жизненного фарисейства: постоянными ухищрениями и самооправданиями сглаживать несоответствие жизни велениям Бога, чтобы вместо смиренного, безоговорочного подчинения Богу с хождением пред Его лицом оставить в жизни самовольство с хождением по лукавым тропкам собственного ума и испорченного сердца. А когда Бог явно стучится в человеческую жизнь, лукавое

фарисейство спрашивает: «Да Ты ли, Господи? Ну, конечно, я подчинюсь Тебе...», только Ты «яви лице Твое», т. е. иначе: «Дай мне чудо».

И самость считает свои пути настолько правильными и значительными, что сойдет с них и уступит Богу только при явном чуде, которое пусть Бог явно сделает именно вот для нее и именно вот ради ее личного, иной раз маленького жизненного интереса.

Господь обличает лукавое самооправдание жизни и фарисейство. Он «глубоко вздохнул», когда фарисеи в споре с Ним требовали от Него знамения, искушая Его. «Глубоко вздохнул», потому что насквозь видел лукавство фарисеев и скорбел о развращенных сердцах, видел, что не истины ищут, а хотят забронировать ложь.

Вот почему и спорят, много спорят, как будто добиваются правды, в действительности же изощряясь в подыскании оправданий своего ложного пути. В самооправдании всегда бывает так, что сначала испорченное сердце толкает человека на неправду, а потом уже, задним числом, человек долго и упорно начинает изощряться в теоретическом обосновании своей неправды.

Вот в этой плоскости самоприкрытия фарисеи просят знамения с неба.

Кажется, для чего им нужно чудо? Неправда жизни стабилизирована. Фарисеи утвердились в ложном понимании Моисеева закона. Они хозяева тут. Они и не думают освободиться от неправды. А знамение с неба им нужно для того, чтобы прикрыть неправду фальшивым логическим построением и успокоить совесть. Тут расчеты на то, что, конечно, «никакого чуда не будет»... И, значит, самоутверждение жизни останется прежним, и неправда господствует как правда.

Что фарисеям совсем не дорога была истина, а нужно было самоутверждение в своей неправде, видно из того, что они, услышав от Господа отказ в новом знамении и указание, что знамение уже было дано пророком Ионой, не спрашива-

ют, какое это знамение и как понимать его, а молчаливо уходят, пристыженные раскрытым лукавством.

Итак, зачем же просится чудо? Для прикрытия лжи?

Господь именно так оценивает просьбу фарисеев и с укором обращает к ним свой вопрос: «Для чего род сей требует знамения?» А святой евангелист Матфей добавляет: «род лукавый и прелюбодейный» (16, 4), т. е. как раз добавляет указание, что фарисейская изощренность и развращенность и в просьбе чуда не могла выставить ничего другого, как прикрытие установленной ими неправды (понимания Моисеева закона).

Чем же является в таком случае требование чуда? Испытанием Бога. Как и говорит Евангелие: «Требовали от Него знамения с неба, искушая Его». Ведь фарисейское требование чуда покоится или на сомнении в возможности обнаружения чуда («Да еще будет ли чудо-то?»), или на признании, что являемого Богом недостаточно для человеческого уверения и требуется как бы большее знамение («Да Ты ли это, Господи?»). В обоих случаях требование чуда есть вызов Богу, или, что то же, есть испытание Бога.

Что требование чуда является испытанием (иногда и не признаваемым) Бога, а вовсе не обнаружением большой веры, отказом от самости и призывом Бога стать господином человеческого пути, видно из евангельского рассказа евангелиста Матфея. В нем подробно описана данная беседа Христа с фарисеями.

Фарисеи просят Христа показать им знамение с неба. Господь же, как передает евангелист Матфей, сказал им в ответ: «Вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете» (Мф. 16, 2–3).

Подробности беседы Христа с фарисеями, передаваемые евангелистом Матфеем, как раз раскрывают, что просьба о чуде вызывалась не смиренной верой, а лукавым желанием отгородиться от Божиих велений, прикинуться непонимающими

их и под маской нерушимости Моисеева закона оставить себе свою самость руководителем жизни.

«Вы не понимаете Божиих велений», – как бы так говорил Христос фарисеям... «Вы не понимаете Моих слов... Вы не хотите видеть чудес, творимых Мною на каждом шагу... Вы не замечаете проявлений Божией силы... Вы ничего не понимаете, как неразумные дети... И вы хотите, чтобы Отец Небесный дал вам новое знамение с неба...

Лицемеры, вижу все лукавство ваше... Небось, вы прекрасно разбираетесь в том, что вам нужно и что для вас выгодно... Тут вы знаете не только земное, окружающее вас... тут вы взошли на небо и знаете небесные явления... по характеру небесного свода вы гадаете о том, что будет на земле... Тут вам все понятно, потому что выгодно... Тут вы господа и хозяева положения.

А вот когда потребовалось от вас смиренно принять и подклониться под Божию волю, когда события жизни требуют бросить кичливое самоутверждение и искать в жизни то, чего хочет Бог, то вы ничего не понимаете, прикидываетесь неразумными и, прикрывая самость и безверие, лицемерно просите: “Дай нам знамение, чего Ты хочешь?..”

Что же, вы не видели Божиих чудес, какие Я творю на каждом шагу... вы не видели знамений?.. Вам не знамение нужно, а надо остаться в своей прежней самости, никуда не двинуться с нее, и вы требованием чуда маскируете свою духовную окаменелость. А ширма для вас – святость и нерушимость Моисеева закона».

Вот каков смысл ответа Господа. В ответе фарисеям не отказ утвердить веру, а обличение лукавства и разоблачение безверия.

Подмечай то же и в жизни.

Человек часто думает о чуде и любит просить чуда: «Ах, если бы Господь сотворил знамение! Почему Господь не явит Свою силу?» В таких вопросах как будто обращение веры, как будто ревность по вере и желание утвердить свою веру... А подумать хорошенько – и поймешь все лукавство их.

Человек задает такие вопросы в моменты жизни, когда он стоит перед проявлением Божией воли и когда от него требуется принять мужественное решение в согласии с Божественной волей, т. е. требуется осудить свою жизнь, переменить в корне свое поведение, отказаться от любимой страсти и т. п., словом, когда требуется понять Божий призыв и последовать ему.

Вот тогда человек проявляет наивное младенчество. Он теряется. Он становится в тупик. Он отказывается понимать совершающееся. Он не видит Божиих велений, не понимает «знамений времен»... Тогда – дать ему чудо!

Подозрительная ревность через чудо понять Божию волю и подчиниться ей!

Во всей своей жизни человек: «Я сам»... а тут вдруг у него непреодолимое желание: «Пусть распорядится Господь». Во всей жизни человек – полновластный хозяин и все великолепно понимает...

Попробуй-ка свернуть человека с пути его неправедности... Он забросает тебя десятками доказательств, что он все знает, все понимает и поступает правильно. Человек считает, что он изучил жизнь, и знает ее, и понимает все окружающее, и самостоятельно распорядится в нем...

Да и не только окружающее!

Человек также самостоятелен в громадных масштабах! Он вкопался в землю и строит ее законы. Он же распоряжается небом. И если человеческий ум путем долгих блужданий открыл законы движения планет и знает ход комет и явление затмений, то это дало ему право по-хозяйски распорядиться не только на земле и под землей, а на небе.

И человек устанавливает законы мироздания, законы жизни материков и океанов, законы жизни племен и народов, и совсем ему не нужна промыслительная воля Творца! Так во вселенной царствует ум и закон. Ум поймет и объяснит закон жизни, и все ясно!

И, кажется, зачем бы понадобилось человеку чудо? Да и где же место чуду при человеческой самости? Но вот, когда

происходит потрясение жизни, надуманной человеком, когда случается нагромождение жизненных обстоятельств, когда опрокидывается установившееся «законное» равновесие жизни, казавшееся таким устойчивым, тогда бы, кажется, всезнающему и самодовлеющему человеку и нужно проявить все свое знание, и разобраться в жизни, и исправить то, в чем была его личная погрешность...

Не тут-то было.

Так трудно человеку расстаться с нажитой самостью и так трудно пошевелить твердыню «законного», как он его создал, что он не желает или не способен палец о палец двинуть, чтобы пересмотреть все хилое здание своей самости и честно решить, чего же хочет от него Бог, какая же Божия воля о жизни.

И человек остается в моральном бесчувствии, маскируется полным непониманием совершающегося и, прикрывая свое нежелание двинуть пальцем, чтобы выполнить то, что от него лично требуется, поминает Бога, зовет Его и прячется за Божию волю: «Что же это такое совершается? Мне непонятна Божия воля! Господи! Да где же Ты? Яви лице Твое! Дай знамение! Прояви Твою силу!» Как будто Бог для того и существует, чтобы утверждать выдуманный самостью порядок со всей его греховностью!

Человек ищет Бога и ищет чуда, не желая понять простого Божия веления, которое уже развернулось пред самыми его глазами... Человек ищет Божией воли, а Божия воля открыта, ясна ребенку!..

Разве это не лукавство? Разве это не искушение Бога? Не лукавство ли быть ничего не понимающим, когда Божии веления ясны? Не лукавство ли – при таком наивном непонимании, при нежелании двинуть пальцем в смысле исправления жизни – спрашивать: «Господи! Что Ты хочешь? Яви чудо!»? Не искушение ли Бога такая лукавая просьба чуда?

А на эту просьбу ответ был и остается один – ответ, сказанный с глубоким вздохом, ответ Божия сокрушения: «Род сей лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему».

**79** *А Он [Господь] заповедал им [ученикам], говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой. И, рассуждая между собою, говорили [ученики]: это значит, что хлебов нет у нас. Иисус, уразумев, говорит им: «что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? ...И не помните? Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч человек, сколько полных коробов набрали вы кусков? Говорят Ему: двенадцать. А когда семь для четырех тысяч, сколько корзин набрали вы оставшихся кусков? Сказали: семь. И сказал им: как же не разумеете? (Мк. 8, 15–21).*

«Берегитесь закваски фарисейской», т. е. берегитесь жизненного лукавства... И берегитесь «Иродовой закваски», т. е. истребления в себе христианства. За первым идет второе, за лукавым самооправданием – опустошение христианской души и гибель Христа в душе.

Лукавое самооправдание начинается неприметно и как будто делает ничтожное дело. Ну что за важность, кажется, что человек иной раз и поступится какой-то мелочью ради всего установленного жизненного порядка или ради своего жизненного успеха? Ведь человек-то хороший! И по-прежнему он и в Бога верит, и в церковь ходит!

А разберись, и увидишь, что всякое, даже мелкое лукавство совести, даже малая жизненная сделка окажется делом важным, как гибельное дело. Не напрасно Христос привлекает особенное внимание учеников: «Смотрите, берегитесь...», и не напрасно Он укоряет непонимающих учеников: «...Не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце?».

Дело-то, выходит, немаловажное!

Задача самооправдания одна, как и сказано выше (ср.: Мк. 8, 11–12), – оправдать кривую совесть, успокоить ее и оставить собственное человеческое произволение

хозяином жизни; иначе говоря, задача лукавства – непри-  
метно подменить Бога самоудовлетворением.

Нет дела гибельнее этого!

Бог остается, но Он выключен из жизни... И человек со-  
знательно и бессознательно не «впутывает» Бога во все «ме-  
лочи». «Невпутывание» Бога и начинается с мелочей: «Ну при  
чем тут Бог?» И лукавство сначала прикрывает маленькие  
сделки. А потом оно уже пойдет по проторенной дорожке  
обходиться без Бога и не тревожить совесть при нарушении  
Божия закона...

Совесть тупеет... Властвование «я» ускоряется. Сделки (да  
они уже и не признаются как сделки) прикрыты разумными  
соображениями! Рассуждается так (сознательно и бессозна-  
тельно): «Ну конечно же, я сам хорошенько все обдумаю и  
все устрою... Разве на “авось” проживешь? Надо самому все  
предусмотреть и все устроить и тем гарантировать для себя  
успех в деле... На “авось” не проживешь... И пословица есть:  
“Бог-то Бог, сам не будь плох”».

Видишь, как все жизненно.

А в результате оправданы все зигзаги, все «кривые» пове-  
дения... а Бога-то в жизни и нет. То есть Он остается, но для  
особой жизни... Ну, и иконка висит для порядка (да и та ма-  
люсенькая!).

Так формируются две полосы жизни: одна полоса «жить»  
(вне Бога), а другая – «значиться христианином» и обходиться  
без Христа!

Началось с маленького, а кончается истреблением веры,  
закваской Иродовой.

И человек рассуждает, как ученики: «хлеба нет», т. е. надо  
же жизнь обеспечить! Кто же обо мне подумает? Кто гаран-  
тирует успех?

А Господь и укоряет: «Я подумаю... Неужели закрыты у  
вас глаза? Неужели заткнуты уши? (ст. 18). Неужели забыли,  
что Я Творец и материальной жизни (ср.: Мк. 6, 35–44)?  
Неужели забыли, как Я творческим актом накормил пятью  
и семью хлебами пять и четыре тысячи человек (“Отец Мой

доселе делает” – Ин. 5, 17)? Не помните? Каменное у вас сердце!».

Итак, берегись маленького, берегись лукавого самооправдания, берегись замазать и прикрыть расхождение между жизнью и Господним законом... берегись закваски фарисейской... Ею, этой закваской, ты заменишь в жизни Бога и Его святую волю о тебе своим маленьким барахтанием, и незаметно будет подниматься в тебе Иродова закваска – истребление живого Бога в твоём сердце.

Берегись же!

Рассмотри, не каменеет ли и твоё сердце? Разве не подумал о тебе Бог, когда ты верен Ему? Разве не было в твоей жизни творческих актов «насыщения», Божия делания? Не помнишь? «Неужели закрыты у вас глаза? Неужели заткнуты уши?»

**80** *Приходит [Господь] в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья. Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелел и стал видеть все ясно (Мк. 8, 22–25).*

Здесь образ прозрения духовно слепой человеческой души. Слепую душу ко Христу «приводят». Она сама так безнадежно потерялась в темноте, так сбита и спутана дорога ее жизни, так искривилась в зигзагах, засорена грязью, повреждена колеями неправды, рытвинами падений, что самой уже не выбраться! Не выбраться потому, что и сил уже нет: они растрочены в бездорожье.

Да и как выбраться слепым? и в темноте? и куда? И кругом – слепые... А слепой слепого только в яму приведет (см.: Мф. 15, 14).

Так в жизни и есть.

Итак, слепую душу «приводят» ко Христу. Ее «приводят» чаще всего обстоятельства жизни. Обстоятельствами жизни человек в своей слепоте то бывает загнан в тупик, и ему уже некуда податься... испытано банкротство всех путей, то эти обстоятельства остановят человека на полпути слепоты, бывают восприняты остатком здорового сознания человека как Божии зовы, и человек повлечется ими ко Христу.

Слепой душе, подведенной ко Христу, надо, чтобы Христос коснулся ее. Непременно надо, чтобы коснулся; значит, надо вплотную подойти, а не умеешь ходить, так подползти к стопам Спасителя и в трепете молить: «Не могу больше жить... исцели».

Значит, нужна не холодная вера сознания, не тусклое движение уставшего и равнодушного сердца, не вялое нащупывание просвета апатичной волей, а нужен бросок ко Христу, бросок, в котором, как в клубке, пусть сольются весь порыв ума и все напряжение воли.

Тогда откликнется Христос. Он берет человека «за руку». Это значит, что прозрение души сопровождается Божественной помощью и Божественной силой.

Но для проявления Божественной силы нужны условия, в которые должна быть поставлена душа. Какие же?

Господь выводит слепого «вон из селения». Здесь обозначение условий, при которых возможно воздействие на душу Божественной силы. Их два: первое – душа отводится в сторону от людей и остается наедине с Богом. Значит, тесное единение с Богом, когда душа остается один на один со своим Спасителем в молитве, в подвиге, в душевной обращенности, – вот первое условие прозрения от слепоты.

И есть второе условие: Господь выводит слепого вон из селения. Следовательно, недостаточно быть наедине с Богом. Надо уйти душой из мира греха, порвать пленяющие связи греха, чтобы не осталось на душе груза, тянущего в сторону и вниз, а чтобы душе, освобожденной от земли – греха, легче было принять и усвоить (сделать своим) небесное и Отцовское.

После того как порваны пути греха Божественной силой, совершается озарение души.

В чуде исцеления слепого Господь прежде всего «плюнул ему на глаза». Не без значения и этот акт Божией воли. Плюновение – знак презрения, поругания. Так как болезнь есть результат греха и человеческой нечистоты, то Господь сначала снимает человеческую нечистоту. Он снимает ее образно – плюновением на глаза слепого как выражением презрения к греху и осуждения греха и диавола, отца его. Так сначала устраняется источник зла и причина болезни.

Плюновение в данном чуде исцеления слепого отлично от плюновения на землю, сопутствовавшего чуду исцеления слепорожденного (см.: Ин. 9, 6), где оно не имело самостоятельного значения и было только частью творческого акта – смешения с землей, делания «брения» и помазания им глаза.

А почему при исцелении слепорожденного Господь не плюнул на глаза больного? Потому что не требовалось устранения греха и осуждения греха как причины слепоты. Слепой был слеп от рождения, и Господь Сам говорит, что не грех причина его болезни: «ни сей согрешил» (Ин. 9, 3).

Плюновение в чуде исцеления вифсаидского слепого аналогично плюновению при исцелении глухого косноязычного (см.: Мк. 7, 32–35), хотя в последнем чуде не указывается, куда плюнул Господь, и умалчивается о греховности больного как причине болезни, но в обоих случаях плюновение предшествует самому исцелению и выражает устранение человеческой нечистоты.

После того как поруган грех и подрезаны корни болезни, Господь исцеляет саму болезнь.

То же требуется и от слепой души. И ей, оставшейся наедине с Богом и порвавшей с миром зла, надо с презрением осудить мир диавола, жестоко осудить все свои кривые пути, без пощады возненавидеть свою темноту и с решительностью отвергнуться от слепых мыслей и дел.

Тогда придет Господь. Он придет и возложит Свои руки. Возложение рук означает, что прозрение души совершается

не собственными усилиями души, а Божественной силой, и означает, что Божественная сила подается сейчас же за обращением человека и что она возрождает человека от греха и закладывает фундамент спасения.

После возложения рук – новый глубокий по смыслу образ.

Исцеление совершается не сразу. Больной по первом возложении рук отвечает Христу, что он видит «проходящих людей, как деревья». И лишь по вторичном возложении Господом Своих рук на больного прозревающий «стал видеть все ясно».

Почему так? Разве Божественное могущество бессильно было совершить прозрение слепого в одно мгновение? Конечно, могло совершить, как совершались в одно мгновение большие чудеса, например воскрешение мертвого.

Здесь образ того, что восстановление души совершается не вдруг, не сразу. Такой акт был бы механическим пересозданием. Это – процесс спасения человека.. Этот процесс есть длительная, сознательная борьба, в которой непременно активен сам человек. Этот процесс открывает Бог Своим Божественным вмешательством, подавая человеку силы покинуть плен греха и успешно начать ратоборство со злом. Дальше человек сам вступает в состязание, чтобы сознательно переработать свои душевные силы и усвоить Божественное озарение. И еще долго, долго не исчезнет бесследно слепота.. И долго, долго человек еще будет видеть «проходящих людей, как деревья», т. е. еще долго в нем будет возобладать мир вещей и еще долго предметы духовного, разумного порядка он будет воспринимать под углом чувствования материальных вещей.. И не сразу человеку откроется очертание истинной жизни духа, а будет он еще долгое время пробавляться тенью истины.. И только слабые разрозненные блики ее будут скользить пред его душевными глазами, как неясные очертания бегущих деревьев (когда видишь их, например, из окна мчащегося поезда).

В этом процессе постепенного восстановления души, конечно, потребуются новые акты Божественной помощи. Их

будет много, они пойдут своей чередой, параллельно человеческой стойкости в борьбе.

Господь вторично возлагает руки на слепого. Теперь Он возлагает их на его глаза.

Здесь мысль о том, что Божественная помощь, а в результате ее – человеческое просветление сначала идет по линии общего подъема душевной жизни и ее очищения от грязи и порока, ее общего просветления, а потом уже под Божиим воздействием усваиваются отдельные способности, например способность духовного зрения.

И вот, когда спустится на душу Божественное озарение, когда Божий свет осияет внутреннее человека, тогда Божия правда в душе заблистает, как изумруд.

Пелен мира – греха, заволакивающих зрение или дающих кривое отражение восприятий, как не бывало... Пленительная Божия истина залегла в душе, как свет, и осветила самую душу... и весь свет брызжет вовне, и освещает, и гонит грех, и скидывает фальшивое убранство порока... И нет в жизни тьмы, и дорога пряма и освещена... И стала душа «видеть все ясно»...

**81** *Дорогою [в селения Кесарии Филипповой] Он [Господь] спрашивал учеников Своих: за кого почитают Меня люди? Они отвечали: за Иоанна Крестителя; другие же – за Илью; а иные – за одного из пророков (Мк. 8, 27–28).*

Так до сих пор остается жизненным этот вопрос Господа о Нем Самом: «За кого же почитают Меня люди?»

До сих пор – в течение двадцати веков – суждения о личности Христа пестры, как пестры были мнения о Нем современников. И это справедливо даже не столько в отношении научной критики, сколько в отношении «обывательского суждения».

Всякий, кто прочитал две-три книжки и считает, что он достаточно сильно мыслит и что ему стыдно опираться на авторитет, всякий привносит и в дело веры мнимо

критическую фантазию и о Христе мыслит, как ему представляется нужным. Тогда Христа воспринимают, как приемлемее для маленького человеческого ума и как удобнее для слабенькой жизни.

Такое обывательское отношение к величайшему предмету веры недопустимо.

Ты ищи Христа не для приспособления к своей испорченной жизни, ищи не Такого, какого тебе хочется, а каков Он был в действительности. Ищи Его честно. Доискивайся правды о Нем в Святом Писании. Господь Сам указывает этот источник знания о Нем: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5, 39). И доискивайся от честных запросов своей души... И ты обретешь, что Христос – Бог, Сын Божий. И ты поймешь, что Господь и нужен тебе, и бесценно дорог для тебя не как учитель, не как пророк, а как Бог, твой Спаситель, т. е. Спаситель твоей души и жизни.

**82** *И начал [Господь] учить их [учеников], что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть (Мк. 8, 31).*

Только последовало первое исповедание Христа Богом (см.: Мк. 8, 29–30), как Господь открывает истину непримиримости со Христом мира зла и греха. И эта истина во все века остается законом жизни.

«Начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать...»

Во все века, когда Сын Человеческий в лице Своих последователей сталкивался с миром зла, зло обрушивалось на Него всеми своими агентами... Агентами зла были и первосвященники, и книжники. И они побеждали: «Сыну Человеческому надлежит быть убиту», но, конечно, истина жизни неискоренима.

И Сыну Человеческому надлежит «в третий день воскреснуть».

**83** *И говорил [Господь] о сем [о Своем страдании] открыто. Но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему. Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих, воспретил Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (Мк. 8, 32–33).*

Вот опять великие из великих слова и глубокая из глубоких истина!

Пойми жестокость прещения! Изумись умом... Всколыхни сердце! Петра называет сатаной и гонит прочь от Себя! Избранного из избранных, первоверховного, только что исповедавшего Господа Христом, Божиим Сыном, эту скалу веры, основание Церкви, получившего ключи Царства, распорядителя неба, Петра, только что увенчанного названием «блаженного» (см.: Мф. 16, 17), называет дьяволом и гонит прочь от Себя!

Почему так?

Разбери порядок мыслей и дойдешь до истины.

Господь спрашивает учеников, что они думают о Нем, за кого Его принимают. Апостол Петр, отвечая за других Апостолов, исповедует Христа Божиим Сыном. Господь подтверждает верность исповедания, похваляя Петра. И вслед за тем указывает основной закон Своего дела, закон непримиримости христианства с миром зла и греха. Вот почему «Мне надлежит страдать и быть убитым».

Апостол Петр сейчас не понимает этого закона... Ему кажутся несообразными страдания и смерть от людей Христа Господня... И по любви и почитанию Христа он не принимает страданий Христа: «Будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф. 16, 22). Петр верит во Христа как Бога... любит Его и скоро будет говорить о своей готовности положить жизнь за Учителя и Господа, но Петр не принимает христианства страданий и хочет какого-то своего христианства... Может быть, в нем еще говорила еврейская надежда на Мессию как Царя и Устроителя славного земного царства.

И вот тогда Христос, отведенный было Петром в сторону, оглядывается на учеников – ядро Своей будущей Церкви и указывает ей ее будущий путь. «Уйди от Меня, – говорит Он Петру, – со своим христианством, со своим путем... Ты – диавол... Сатана – Мой враг, Мой противник, и он – враг Моего дела...

Так и ты со своим христианством – Мой враг, потому что твое христианство есть истребление истинного христианства, как его хочет истребить диавол. Ты хочешь истребить христианство, навязав ему несовместимое с ним радование миру... Тебе неприятны страдания, и ты готов к примиренности и ассимилированию со злом мира.

Вот это и есть истребление Моего дела борьбы с миром зла... Это есть истребление внутренней сущности христианства, всей его силы и всего его значения как религии освобождения от зла и возрождения в правду и святость...

А ты хочешь ползти по земле с ее радостями. Ты думаешь не о том, что Божеское, небесное, а о том, что человеческое, земное... Отойди от Меня... ты диавол...»

Он говорил это и смотрел на учеников – Свою будущую Церковь. То был завет ученикам и завет Церкви: «Не поддавайтесь и вы плену мира, не думайте о человеческом, думайте о Божием».

Почему же забыт этот завет? Почему страшное прещение Петру вышло из памяти? Разве не так?

Оглянись, посмотри на учеников и последователей. Среди них есть думающие и недумающие. Думающие – это большей частью люди, получившие образование и привыкшие мыслить. Привычку подходить к теориям с меркой своего разума они переносят на христианство и принимают христианство так, как благоволит господин-рассудок.

Вот тогда создаются «свои» христианства! И делается это совсем не злобно! А просто по пословице: «Всяк молодец на свой образец».

Человеку, совсем не искушенному в вере и христианской жизни, думается, что вот то или иное Христово слово надо

понять так-то, а не иначе... что так будет жизненное. И каждый, применительно к своему развитию и применительно... к уровню своей душевной жизни, строит свою христианскую теорию. А так как в громадном большинстве случаев душевная жизнь складывается по началам земного порядка, то, конечно, и христианство трактуется приспособительно к земному порядку.

Чего же «Божеского» искать в таких «своих» христианствах! Тут всё «от человека»... А христианство – христианство истреблено!

Недумающие поступают проще. Они просто-напросто спускают Божеское до себя! Может быть, это делается часто и по хорошему побуждению – понять христианство. Но, не имея христианского просвещения и лишённые духовного воспитания, а иные по развращённому сердцу, они сталкивают Божию истину до уровня земли и влачат ее по земле, привыкши все понимать только в земном преломлении. И здесь то же преобладание человеческого. Причем совмещение человеческого с Божеским бывает чудовищно. Потому в этой группе и встречаются представители христианства, в которых с непостижимой внутренней гармонией сочетается хождение в церковь и словесное благочестие с цинизмом извращённости, начиная с ужасающего пустословия, клеветы, сплошной лжи, фальшивости, обмана, себялюбия и прочего, и прочего, кончая незаконными сожительствами. И совесть спокойна! Многие из этой группы считают себя даже «хорошими христианами»: и вздыхают, и плачут, и принимают Святые Тайны.

Разве здесь у каждого и каждой не «свое» христианство? И разве здесь не циничное истребление христианства? А влачение христианства по земле, когда каждый приспособляет высокую Божию истину к себе и обволакивает ее грязью своего земного понимания и чувствования, разве не разрывает в клочья христианство Христа?

Да, здесь истребление христианства.

Вот почему и сказал многомилосердый Господь Свое

жестокое слово. Вот почему не пощадил избранного и любимого. «Уйди от Меня... Ты диавол... Ты хочешь диавольского дела – истребления Моего учения...»

Ты думаешь, что это Божие прещение потеряло свою силу? Нисколько. Только люди с закрытыми глазами проходят мимо него, потому что потеряли совесть, окаменели сердцем и душой и служат своей извращенности, подменяя Божеское человеческим. Они делают страшное дело, истребляя Христа и утверждая диавола под видом служения Христу. И они не слышат грозного слова, обращенного к ним: «Отойди от Меня... Ты диавол».

А лучше бы им уйти, потому что ради них имя Божие позорится в людях (см.: Рим. 2, 24). «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Пет. 2, 21). Лучше бы им уйти, потому что «открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1, 18).

**84** *И, подзвав народ с учениками Своими, [Господь] сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее [обретет ее. – Мф. 16, 25]. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? (Мк. 8, 34–37).*

Слушай! Это для всех... Это обязательно для всех, и этого не минешь! Подмечай, как это открываемое слово Господь делает общим законом и как нарочито подчеркивает его неминуемость.

Господь был отозван Петром в сторону от народа и даже учеников, и Петр прекословил Господу, не понимая предреченных Господом Его страданий (ст. 32). Господь отворачивается от Петра, и смотрит на учеников, и произносит Свое прещение Петру: «Отойди...» (ст. 33).

А теперь совсем покидает Петра и уже не только смотрит, а и зовет... зовет... не только учеников, но и народ. Не ясно ли, что говорится Божественное слово, обращенное ко всем, как для всех обязательное и неминуемое? Это во-первых. И во-вторых, не ясно ли, что говорится какое-то особенное слово, если Господу угодно было оборвать беседу с избранным учеником, резко, с прещением отстранить его, сейчас же позвать к Себе всех, стоявших поодаль, и к ним обратить Свое слово?

Да, это было особенное слово.

Почему же надо было ждать особенного слова? Да уже по одной связи речи.

Ведь ни много ни мало речь шла обо всем Господнем деле.

Апостол Петр исповедал Христа Божиим Сыном (ст. 29), и ученики услышали в ответ основной закон христианства – закон непримиримости его с миром зла и отсюда закон страданий, закон смерти и закон победы в воскресение (ст. 31). Петр не понимает и не принимает закона страданий и хочет примирения с миром зла: «Будь милостив к Себе, Господи!»

Петр хочет по-человечески повернуть христианство. Господь с резким прещением отстраняет от Себя избранного ученика, поворачивается ко всем и говорит.

О чем же? Ну конечно, Господь выправит грубую ошибку Петра, за которую назвал его «сатаною», и авторитетно еще раз утвердит истинную сущность Своего учения и дела, как они должны мыслиться – не по-человечески, а по-Божески.

Но сейчас Господь говорит уже не о Себе. О том, что закон непримиримости с миром зла, и отсюда закон страданий, Он утвердит Своим личным примером, Господь сказал уже Своим ученикам (ст. 31).

Сейчас Христос говорит и ученикам и народу, что это закон основной и потому общий и неминуемый, что каждому неминуемо пройти путем, по которому прошел Он, Спаситель, и что другого пути христианской жизни нет. Вот о каком важнейшем предмете будет Господня речь. Смотри Божие слово.

«Кто хочет идти за Мною...»

Так указывается путь всем, всем без изъятия: священнику, мирянину, а не только монаху, подвижнику и отшельнику. Всякий, кто хочет идти за Ним, т. е. называться и быть Его учеником, всякий неминуемо должен исполнить то, что дальше указал Господь, кем бы человек ни был, где бы ни стоял, чем бы ни занимался.

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя».

«Отвергнись себя»... Вот он, неминуемый путь: отвергнуть себя. Как это? Отвергнуть что-либо – значит осудить как негодное, с решительностью отказаться, пренебречь и отбросить. Вот так и надо поступить с собой. Всего себя осудить, как последнего, негодного, и без малейшей жалости к себе отказаться от себя, с негодованием от себя отвернуться, с презрением пренебречь и с гневом отбросить себя в мусорную яму.

Господи! Как же это?

А Господь продолжает: и не только этого Я требую от тебя. Я указываю тебе большее: погуби себя... как бы убей себя... Вот что нужно. Тогда ты Мой ученик. «Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю» (ст. 35).

Страшный закон! Великий закон!

Бросить себя в мусорную яму... погубить себя... Погубить всего себя, каков ты есть, целиком без остатка, а потом уже идти, и только тогда ты станешь Его учеником.

Так решительно водворяется для будущих учеников закон отречения от мира зла, от греха. Требуется возненавидеть себя, отказаться от себя и погубить себя старого, греховного, естественного, каков ты есть по Адаму, каков ты есть без Христа. Надо, чтобы ты, Адамов, стал как мертвый... Короче, надо, чтоб ты умер... Это закон смерти...

Его так и обозначил Христос в другом месте, когда сказал: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24). Значит, по слову Господа, если ты ищешь у Христа плода истины и плода жизни, то надо тебе, естественному человеку, человеку мира и греха,

надо тебе идти на собственное уничтожение, гибель, смерть, как гибнет пшеничное зерно, тогда ты принесешь плод.

А святой апостол Павел в Послании к Римлянам подробно излагает этот неминуемый закон смерти естественного человека, когда он пошел за Христом, чтобы получить плод. Он прямо так и пишет, что ветхий человек «умер», и не только умер, но и «погребен». «Неужели не знаете, что... ветхий наш человек распят с Ним (Христом), чтобы упразднено было (истреблено, уничтожено) тело греховное... (что) мы умерли со Христом...» (Рим. 6, 3, 6, 8). И вы, пишет Апостол христианам, вы «умершие». «Так и вы почитайте себя мертвыми для греха» (ст. 11). И вы погребены... «Мы погреблись с Ним (Христом) крещением в смерть» (ст. 4).

Так водружается закон смерти. В дальнейших словах ученикам и народу Господь объясняет, почему же водружается этот великий и страшный закон. Господь утверждает, что для человека, если он хочет жить, нет выбора: ему неминуемо уничтожить себя.

Как бы человек ни старался беречь себя и лелеять себя, как бы ни заботился о своем теле и как бы ни окружал всем вниманием свою душу, все равно конец его один – смерть, да не только физическая смерть, а – что ужаснее – духовная смерть, т. е. банкротство души еще при физической жизни. И никуда не укрыться от этого уничтожения смерти.

Смерть неминуема для естественного человека потому, что природа его есть природа греха, а грех есть болезнь и отравка души и тела. И чем же может кончиться это систематическое изо дня в день, из часа в час отравление жизни, как не смертью? Это тоже всеобщий закон. О нем, как непререкаемом, говорит и святой Апостол: с грехом вошла в мир смерть, и стала смерть неизбывным «оброком греха», которым платится бедный человек (см.: Рим. 5, 12; 6, 23).

И Апостол спрашивает естественного человека: «какой же плод (результат) вы имели» от своей естественной жизни? И отвечает: плодом вашим были дела, конец которых – смерть (см.: Рим. 6, 21).

Так стала незыблемым законом жизни потеря жизни, смерть: «Ибо кто хочет душу свою [жизнь свою] сберечь [поземному], тот потеряет [погубит] ее...» (Мк. 8, 35).

Это незыблемо во все дни до скончания века. Это закон. Проверь на примерах.

Присмотрись к жизням вне Христа. Все они кончают смертью, и громадное большинство – еще при физической жизни. Смерть наступает или в результате сужения жизни до животных процессов, при которых постепенно атрофируется и отмирает человеческое и человек движется до своей физической смерти, руководимый животным инстинктом и злом, или же в результате тяжело переживаемого и сознаваемого душевного банкротства, когда человек бесплодно мечется из стороны в сторону в поисках оправдания жизни, а оправдания нет, покоя нет, счастье и удовлетворение неуловимы. А зло наступает, и захлестывает, и душит все лучшее, что крохами еще теплится в естественном человеке.

Последний тип, конечно, морально выше первого, но и его конец – смерть души как ее банкротство, как невозможность построения жизни по правде без Христа.

Так властвует закон жизни, по которому «оброком» неминуемого греха является неминуемая смерть.

И некуда человеку податься. И нет у человека выбора... потому что кто же, не лишенный совсем рассудка, будет стараться приобретать и весь мир захватить приобретением, зная, что по существу-то дела копает могилу для себя и что чем больше он уходит в вещи мира, тем глубже его могила?

И нет выбора для человека, потому что не может подыскать человек уравнивающее гибель души. И чем же человек может компенсировать себя за смерть души? Какой выкуп даст человек за душу свою? Нет выбора!

Вот почему и водружает Господь великий закон добровольной смерти. Это выход. Почему?!

Закон неминуемой смерти, как расплата за грех, все равно властвует. И Господь напоминает об этой неминуемости... Он открыто объявляет людям ту крайнюю точку, тот

тупик, в который вгоняет их грех. И, показав всю безвыходность жалкого положения человека, преданного греху и смерти, на этих разлагающихся гнилушках жизни, имеющих только видимость живого, Господь водружает новый великий закон – закон добровольного уничтожения себя.

Зачем? Да затем, что на этом добровольном гробе сеется семя новой жизни. Устраняется ветхое – очищается почва для молодого; выкидывается больное – творится здоровое; погребается мертвое – встает обновленное и вечно живое.

И выходит, что теряющий приобретает и жертвующий собой находит себя. Пшеничное зерно, упавшее в землю и разложившееся, приносит плод.

«Кто потеряет (погубит) душу свою ради Меня, тот обретет (найдет) ее» (Мф. 16, 25). Эта мысль о новой, живой жизни, вместо гниющей старой, подробнее развита Спасителем в беседе с Никодимом (см.: Ин. 3, 1–12). Беседа эта является как бы продолжением речи о погублении души, и в ней раскрывается дальнейшая мысль о росте новой жизни, взамен отпавшей и погребенной.

Господь указывает Никодиму, что ему надо вновь родиться для новой жизни, и в ответ на недоумение Никодима, как же ему, старому человеку, вновь родиться, Спаситель снова утверждает: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (ст. 5). И продолжает дальше: «Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» (ст. 7), а затем объясняет, как происходит новое рождение от Духа (ст. 8).

Значит, там – погубление, здесь – обретение. Там – смерть, здесь – новое рождение и жизнь.

Видишь теперь, почему водружается Христом великий закон смерти: уничтожение ветхого Адама нужно для того, чтобы очистить место для нового человека, по второму Адаму – Христу... Погубление греховной души нужно потому, что на пепле мира греха и тления возрастает новая, вечная жизнь мира нетления и Царства славы.

И, наконец, Господь Спаситель в этом Своем слове ученикам и народу обозначает и путь, по которому неминуемо пойдет отвергшийся себя и возрождающийся в новую жизнь от Духа. Он обозначает его очень кратко, всего одним словом «крест». «...Отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (ст. 34).

Чем же будет этот путь креста? Очевидно, он будет противоположным тому, который погребен. Тот был путь мира зла и греха – этот будет путем отрицания мира греха, путем праведности во Христе. И, очевидно, этот путь обнимает собой всякую жизнь, все возрасты, все формы жизни, все роды людской деятельности, когда в них человек уже перестал быть рабом греха, а ведет борьбу с ним и хочет быть сыном Света, истинным сыном Небесного Отца. Тот, погребенный, был путь гибели, разложения и смерти – этот будет путем восстановления жизни и вечности.

А почему он путь креста?

Очевидно, Господь обозначает его по примеру Своего пути. Ведь Его путь также был путем борьбы с грехом и злом, и он был путем крестным, путем страданий, и он закончился крестом в собственном смысле. Так и путь Своего ученика Господь называет путем креста, потому что и он есть путь борьбы с грехом.

Вот почему и сказано: «следуй за Мною», т. е. безбоязненно, как Мой ученик, иди по пути, по которому Я прошел... Иди с крестом к своей Голгофе и через нее к своему воскресению.

Этот неминуемый путь (за Господом) был, есть и навеки останется «крестом», т. е. путем страданий, потому что, во-первых, борьба с грехом всегда останется подвигом, насилем, т. е. будет соединена со страданием; во-вторых, и потому, что в мире зла и греха человек, идущий путем праведности, всегда будет не своим, встретит враждебность и на каждом шагу и с каждым днем будет чувствовать несродность окружающего, переживать конфликты с ним, страдать, доколе не «разрешится» от тела и со «Христом будет», т. е. пока окончательно не освободится от соприкосновения с миром

зла, как желал того Апостол («Имею желание разрешиться и быть со Христом...»). – Флп. 1, 23). Так вот каков закон смерти и закон креста и восстания. Помни.

Это обязательный и непреложный закон. Смотри, не подмени его компромиссными суждениями «своего» христианства.

Этот закон и объявлен в устранение человеческого суждения Петра. Там было утверждение мира и отрицание страданий, борьбы со злом, здесь – отрицание мира и утверждение борьбы со злом. Так поправил Петра Сам Христос. Это незбылемо, как сама истина. Это свято.

А потому безжалостно осуди и похорони себя старого, греховного... Пойди путем креста, путем очистительных страданий за твоим Спасителем. Побори до конца грех Голгофой страданий, и ты, как победитель тленного, увенчаешься негением. И Первенец из мертвых Христос сделает тебя причастником Своего Воскресения. «Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его (через путь креста), то должны быть *соединены и подобием* воскресения» (Рим. 6, 5).

**85** *Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами* (Мк. 8, 38).

Не пройди без внимания мимо этого слова! Оно – строгое. В нем речь не о явном отступничестве от Христа, а как будто о малом, совсем безгрешном: о постыжении Христом и Христовым.

Господь только что изложил учение о непримиримости с миром греха и, как следствие его, учение о пути креста, и делает выводы из этого учения применительно к жизни. Вывод такой: у тебя, христианин, свой путь, и ты иди им. Иди прямо, открыто, без смущения! Что же стесняться жизни и света, к которым ты идешь?

Тебе будет очень трудно, потому что ты окружен миром греха. Если же ты для облегчения тяжести жизни среди зла,

как тебе думается, станешь на путь сглаживания пропасти между тобой и миром зла, то ты только потеряешь, потому что всякий компромисс есть путь истребления христианства (ср.: Мк. 8, 32–33). Незаметно для себя самого ты отвергаешься от Меня, и тогда Мое лицо должно отвернуться от тебя.

Вот почему всякое, даже, по-видимому, малое компромиссное отклонение от Христа, даже только «стыжение» Его перед лицом мира – греха так строго встречается Господом, что Он постыдится такого верующего («отвернет Свое лицо: не вем вас...»), когда придет во славе Отца с Ангелами Своими.

**86** *И сказал им [Господь ученикам и народу]: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе (Мк. 9, 1).*

Конечно, отвергнувшие себя, взявшие крест и ушедшие за Ним, за своим Спасителем, конечно, они «не вкусят смерти».

Ведь только что было сказано, что они «сберегут душу свою» (ср.: Мк. 8, 35) и станут причастниками неумирающей жизни. Они «перешли от смерти в жизнь» (см.: Ин. 5, 24).

И, конечно, они увидят Царствие Божие, которое «внутри нас», в наших сердцах и душах. Как только они родятся «от Духа», так и делаются причастниками Царства Духа, потому что «рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3, 6).

И Царствие Божие объявится в них «в силе»... Это будет не теория, не рассудочное знание, а огненная стихия, вдвинутая в их души... Это будет сила жизни... новая сила новой жизни... И совершенно понятно, что это будет «сила», потому что «Дух животворит». Вот плоть – та «не пользует (им) нимало», а «Дух животворит» (Ин. 6, 63). Он – сила. Эту силу и обретут причастники Божия Царства.

**87** *И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних (взошел на гору помолиться. И когда молился... – Лк. 9, 28–29), и преобразился*

*перед ними (и просияло лице Его, как солнце. – Мф. 17, 2). Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом (об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с ним отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его. – Лк. 9, 31–32). При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии. Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе. И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте. И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса (Мк. 9, 2–8).*

Господне Преображение на Фаворе – это образ преобразования души, пошедшей за Христом.

Как на Христовом пути были не только терния креста, но была и слава Фавора, так и на пути души, взявшей крест, будет свой Фавор и сладость Фаворского Света.

Идут к Фавору после «шести дней». Шесть дней – это трудовая неделя, указанная Господом: «шесть дней делай». Значит, на Фавор восходят после трудовой недели жизни, в конце крестного подвига жизни.

И восходят на Фавор только избранные. Господь берет с Собой лишь избранную троицу: Петра, Иакова и Иоанна, как будто указывая, что избранные души ведутся к Фавору тремя добродетелями: крепчайшей верой, непоколебимой надеждой и огненной любовью.

Итак, когда заканчивается путь подвижнической борьбы с грехом, когда сплелся венок добродетели, венчающий ратоборца, тогда Господь сподобляет душу Фавора.

Фавор – это прежде всего духовный подъем. Это – высокий подъем, как экстаз. Если для обычного, ежедневного молитвенного озарения Господь дает образ восхождения

на гору, удаления от земли, когда Сам уходит молиться на гору, то здесь, готовя избранных к Фаворскому Преображению, Он вводит их на «высокую» гору.

Значит, Фавор – это уже полная оторванность от земли... Это – взлет ввысь... Это – вдохновение, экстаз.

Стихия его та же, как и всякого духовного подъема, – молитва. Молитва же есть стихия ухода к Богу... И здесь она парит... Она дает крылья, и она отрывает от земли.

Евангелист Лука боговдохновенно упоминает об этой стихии, чтобы нам не забыть ее: «...Взошел Он [Христос] на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился...» (Лк. 9, 28–29).

В молитвенном восхищении низводится Свет Фавора. Свет Фавора есть Свет Божества, это – Господний, благодатный Свет. Вот почему Святая Церковь исповедует Христа как «Свет от Света» (Символ веры) и поет Ему: «Свет Твой присносущный» (тропарь Преображения), т. е. вечно сущий, как Ты, как Твоя природа; а Божие открытие людям Церковь называет поданием Света: Ты, Господи, «Светодавче».

Проследи: в Господних явлениях та же стихия Света.

Когда Божественный Свет осияет душу, она, вся воспламенная огнем Божества, сама загорится ярче солнца, и лицо, как зеркало души, засияет пленительным Божиим Светом. «И просияло лице Его, как солнце».

Даже материальная природа и та изменяется, пронизанная Божественным озарением. Она как бы истончается, теряет свою плотность, материальную грубость и преобразается, обволакивается Светом Фавора. (Отсюда – нетленность тел святых угодников и чудотворение предметов, бывших в их употреблении.)

«Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег».

И Божие слово добавляет, что это озарение телесной природы вовсе не является результатом каких-то земных причин, каких-то законов органической и неорганической жизни, но есть сверхземное явление.

Евангелист не без причины пишет о преображенных одеждах Христа, что они сделались такими блистающими, «как на земле белильщик не может выбелить», указывая этой подробностью, что не земная, не естественная причина изменила природу ткани, а это сделала стихия Фавора.

Какое же содержание Божественного озарения? Чем наполнена жизнь души в благодатном Фаворском Свете?

Она наполнена общением с миром неба. «И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом». Называются два представителя горнего мира: представитель закона и законной правды, как бы представитель веры – Моисей и представитель жизни, ревностных праведных дел – Илия. Но Илия, хотя и жил после Моисея, называется раньше его в обозначение мысли, что «вера без дел мертва» и что дела принимаются на небо, как взошел туда ревнитель жизни, «во плоти Ангел» – Илия.

Общение с миром неба имеет своим центром искупительное дело Христа, спасение человека. А центром искупительного дела, конечно, являются страдания, смерть и Воскресение Христа. В Христовом Кресте и Воскресении – все обаяние христианства. И в крестном следовании за Ним, и в воскресении с Ним, своим Спасителем, конечно, все устремление праведной души.

И она (душа) в горнем мире, в состоянии блаженного восторга вся уходит и вся обвеивается «искупительной тайной». И «беседовали [Илия с Моисеем]... об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме».

Вторая половина евангельского рассказа о Преображении передает о влиянии благодатного озарения на человеческую природу, когда последняя соприкасается со стихией Фавора. Тогда духовная сторона человека покоряется пленительностью видения и человеческий дух рвется в стихию неба, как в желанный отчий дом. И душа хотела бы навсегда потонуть в покоряющей атмосфере Господнего Царства! «Учитель, хорошо нам здесь быть», – говорил Петр за себя и учеников, покоренный Божественным видением.

А в то время телесная природа человека, как грубая, земная, отягчается от яркой пленительности несродной для нее стихии, которая подавляет и как бы вытесняет тело, как чуждое, и, кроме того, телесная природа устрашается необычностью видения. «Петр же и бывшие с ним отягчены были сном». «Они [ученики] были в страхе».

А общим результатом прикосновенности души к Божественному озарению, конечно, является покорность души и ее тяготение к небесному миру. Душа захватывается Господом и влечется, и ничто уже ей не мило, как только «со Христом быть». Ученики «никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса» (ст. 8).

Таково озарение души подвижника, взявшего крест и грядущего за Христом. Такова награда за подвиг. Таково блаженное приобщение к Фаворскому Свету.

«Да воссияет, Господи, и нам, грешным, Свет Твой присносущный!»

**88** *Придя [Господь] к ученикам, увидел много народа около них и книжников, спорящих с ними. ...Он спросил книжников: о чем спорите с ними? Один из народа сказал в ответ: Учитель! я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немьм: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он выпускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли. Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне. И привели его к Нему. Как скоро бесноватый увидел Его, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену. И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства; и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему:*

*если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию. Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал (Мк. 9, 14, 16–27).*

Это картина человечества в его отношении ко Христу.

Господь, исполненный Божественного озарения, сходит с Фавора, высоты благодатного Света, и у Его ног разворачивается типичная картина человеческой жизни.

Большая толпа народа, говорливая, шумливая, любопытная, кидающаяся от впечатления к впечатлению (ст. 15), поверхностная и, в конце концов, равнодушная. И во главе толпы – ее представители... «мнящие себя мудрыми быти» (книжники)... Они все знают... Толпа требует, чтобы они все знали. И они говорят... говорят без конца, как разумные всеведы (ст. 14).

Господь спрашивает у этих всеведов, о чем они мнутся (ст. 16).

Тогда выступает «один из народа». Это собирательное имя. Оно обнимает всех. Потому не важна точность, кто был выступивший.

Выступивший рассказывает, что он привел ко Христу «сына своего» (ст. 17).

Опять собирательное имя. Это – сын народа... сын толпы... Плоть от плоти ее и кость от кости ее... И потому не важны подробности, кем был этот сын и сколько ему лет и прочее и прочее. Все были таковы. Это – сын народа.

И приведенный сообщает Христу, что его сын находится в руках духа зла и что он глухонемой.

Вот состояние типичного сына народа, когда он вне Христа: он в руках зла и больной.

Господь по-человечески интересуется: с какого же времени приключилась с ним болезнь? Отец отвечает: «С детства» (ст. 21). Ну конечно, с человеческого детства идет порабощение духу зла, и как результат этого – человеческая слепота и глухота... С человеческого детства – с Каина – и стало обычным явление, когда люди «уши имеют и не слышат, уста имеют и не глаголют». Понятно, что люди зла «не слышат» и их уста «не глаголют» правды.

И дальше отец подробнее характеризует душевное состояние сына народа. «Где ни схватывает его [дух зла], повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет». Дух бросает его «в огонь и в воду, чтобы погубить его» (ст. 18, 22). Он терзает его «и насилу отступает от него, измучив его» (Лк. 9, 39).

Отец обрисовывает типичное состояние порабощения человеческой души злом. Зло «схватывает» человека, т. е. приступами накидывается на порабощенную им душу во всяких обстоятельствах, при самомалейших поводах. Оно «схватывает» бедную душу и играет ей, как послушной игрушкой...

Цель зла одна – повергнуть на землю, вытравить из души все человеческое, втоптать ее в грязь, смешать с землей, чтобы рабство злу было полным, чтобы атрофировалась в человеке всякая надежда на сопротивление... зло и влачит человека по всем стихиям земли («бросает в огонь и в воду»).

Результат понятен: человеческое умирает, проявления жизни сводятся к животным процессам («испускает пену, скрежещет зубами»), и душа, связанная злом, цепенеет.

Евангелист добавляет и еще одну черту, характеризующую состояние человека зла: он не выносит мира добра. Всякое, даже внешнее соприкосновение с добром, с тем, что говорит о Христе, порождает в нем злобу, доходящую до бешенства.

Зло не выносит того, что его отрицает и разоблачает уже самим своим существованием. Вот почему, рассказывает Евангелист, когда «бесноватый» увидел Его [Христа], дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену» (ст. 20).

Хотя человек и не замечает своего рабства злу, но все же порабощение мучительно. Оно мучительно в своем существовании потому, что обратной стороной властвования зла будет только полная гибель души. Отец так и говорит, что дух бросает человека, чтобы «погубить его». Отсюда и «терзания» человека.

Но человек уже бессилён выбраться из замкнутого круга зла. Злой дух ослабляет пляску, когда душа уже вконец измотана, бессильна и, безвозвратно проданная ему, стала, как негодная тряпка. Тогда для зла уже не интересна парализованная рабыня... «Насилу отступает от него, измучив его» (Лк. 9, 39).

Вот когда человек будет доведен злом до полной измотанности, когда станут надломленными его физические силы, тогда он наконец опомнится и будет искать избавления от своих болезней. Тогда он обойдет всю землю и перепробует все доступные вещные (материальные) средства. И так как облегчения все же не будет, потому что душевное (грех и зло) не врачуетя вещественным, то человек напоследок вспомнит о Христе.

Человек вспомнит о Христе и обратится к Нему. Почему? В нем вспыхнула заглушенная вера? Нисколько. Он обратится ко Христу просто в порядке очередного опыта: «А может быть, что-нибудь и выйдет?! Чем я рискую?»

И вот сыны века сего, когда их постигнет нужда, в таком именно порядке, в порядке испытания очередного средства, приходят к Церкви и просят: «Если что можешь, помоги нам... исцели». И еще хорошо, если просят, а иные с дерзостью требуют чуда: «Ведь Ты же Бог, и Тебе все доступно!»

Конечно, Церковь бессильна помочь им... И Господни ученики не исцеляют бесноватого (ст. 18). Церковь может обратиться к ним Господне слово, сказанное отцу глухонемого: «О род неверный! доколе буду терпеть вас?» (ст. 19).

«Род неверный, даже в тот момент, когда ты, пройдя все земные пути, загнанный в тупик своевольностью и служением злу, ты прибрeдешь ко Мне, как к последнему средству,

даже и в этот момент отчаяния у тебя нет веры. “Если можешь, помоги мне” – разве это просьба веры? Это не молитва веры... Это свидетельство внутренней дряблости...»

И Господь укоряет безверного отца бесноватого, чтобы заставить его очнуться, понять всю безвыходность его положения без Христовой помощи и вызвать в нем хоть искру раскаяния в своих заблуждениях и искру веры только в один источник спасения и исцеления.

Обличенный в неверии, как проснувшийся от бесчувствия и призванный к вере в этот миг явного Божия зова («все возможно верующему»), он приходит в сознание и обнаруживает то, что требуется для успешного обращения к Богу, – признание греха и своего бессилия: «Помоги моему неверию», и упругую веру как единственный путь спасения: «Верую, Господи».

А как только была явлена вера и человеческая душа оказалась подготовленной к обнаружению Божией силы, так немедленно открывается Божия сила и совершается чудо.

И как ни болезненно для духа зла оставлять насиженное гнездо, как ни сильны его терзания своей былой жертвы в последние моменты своего властвования над ней («вскрикнув и сильно сотрясши его...»), а все же Господь, конечно, всегда был, есть и будет распорядителем человеческой жизни, и по Его приказанию дух зла выходит из больного (ст. 26).

Дальше святой Евангелист указывает знаменательный образ. Исцеленный бесноватый по выходе из него злого духа «сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер» (ст. 26).

Здесь мысль о том, что исцеленный от зла как бы выключается из мира зла и мир зла уже отказывается считать его своим. Мир зла считает его мертвым, так как в нем уже нет привычной жизни мира зла.

И это справедливо. Освободившийся от духа зла внутренне порывает с миром зла и порывает со всеми его устремлениями. Он действительно делается как бы чужим миру.

В нем пойдет своя особая жизнь... И он чужд мирских интересов, волнений, интриг, соперничества, погони за внешним... Все это отмерло в нем... и он чужой для мира, как будто мертвый, потому что нет в нем жизни с точки зрения мира. И мир назовет его чудачком, фанатиком, кликушей, а то и ненормальным, сумасшедшим.

А Господь сейчас же разбивает такое поверхностное суждение. «Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал» (ст. 27), т. е. Господь показывает, что в освободившемся от зла, с помощью Христовой руки, с помощью Божественной силы, забьет такая жизнь, что душа, только что валявшаяся на земле и обнаруживавшая одно животное начало, поднимется, и встанет, и пойдет, и полетит...

**89** ...Ученики Его [Христа] спрашивали Его наедине: почему мы не могли изгнать его [духа зла из глухонемого]? И сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста (Мк. 9, 28–29).

Этими словами Господь узаконяет подвиг для христианина, подвиг, нужный для успешной борьбы с грехом и злом.

А то люди склонны успокаивать себя ссылками на Божественное милосердие (прощение Господом, без подвигов и дел, разбойника, блудницы и др.) и склонны уменьшать свою ответственность за духовную бездеятельность.

Узаконение подвига происходит при такой обстановке. Ученики Христовы были наделены от Него даром исцеления больных и изгнания бесов («дал им власть над нечистыми духами». – Мк. 6, 7), и, однако, они не могут изгнать духа зла из глухонемого.

Что же? Разве бессилен Божий дар и напрасно Божие слово? Нисколько. Надо было указать, что Божие всемогущество сильно совершить всякое дело для человека, однако от человека требуется активность.

Человеческая активность нужна по двум причинам. Первая в том, что душа человека должна быть сама подготовлена к восприятию Божией силы, когда эта сила открывается

в ней. Это – неизменное требование Господа (ср.: Мк. 5, 34; 5, 36; 6, 5 и др.). Этим требованием узаконяется со стороны человека подвиг веры.

На него указывает Господь и в рассматриваемом случае бессилия учеников совершить исцеление больного. Это записано евангелистом Матфеем. На вопрос учеников: «Почему мы не могли изгнать его?» Господь ответил им: «По неверию вашему» (Мф. 17, 19–20), т. е. Божия сила, требуемая вами для совершения чуда, готова излиться, а вот вы оказались неспособными к ее восприятию.

Вторая причина для человеческой активности указывается Господом (в данном случае) в обстоятельстве как бы вне человека.

Для христианина, вступившего на Христов путь, неминуемо отвержение греха, зла и борьба с ними (ср.: Мк. 8, 34–37). Мир зла – это не фикция, это определенная сила. И эта сила имеет своих многочисленных и разнообразных по значению агентов («сей род ничем же исходит...»). Мир зла не прощает измены себе... Он неминуемо начнет свое контрнападение на христианина. Нападения пойдут через тело, через человеческие страсти, через окружающую среду. И вот тогда, в этой борьбе христианину, чтобы стать победителем, надо браться за подвиг.

Господь указывает неминуемость («ничем же исходит») подвига молитвы и поста. Божия сила и Божия помощь его не исключают.

Какая же роль подвига? В чем значение молитвы и поста?

Очевидно, молитва переключает человеческий дух в сферу Божественной силы, а пост утончает материальное и содействует лучшему переключению.

Итак, если хочешь успеха в своем христианском пути, если хочешь открытия тебе Божией силы, если хочешь побед, а не поражений в борьбе со злом, если хочешь радости достижения, а не потерь унижения и скольжений на одном месте, если хочешь ощущать всегдашнюю Божию помощь, а не безрадостную никчемность и оставленность – берись за под-

виг. Подвигом веры и подвигом молитвы и поста поразишь зло, и Божия сила будет ощутимо с тобой.

**90** *...Когда был [Господь] в доме [в Капернауме], спросил их [учеников]: о чем дорогою вы рассуждали между собою? Они молчали; потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше. И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою (Мк. 9, 33–35).*

Ну конечно же, первый у Христа – это тот, кто сделал себя последним в мире греха, первый – это же бросивший себя в мусорную яму (ср.: Мк. 8, 34–35); как же он не последний в этом мире? А последний в мире и есть слуга всем. А у Христа – он первый.

**91** *И [Господь], взяв дитя, поставил его посреди них [учеников] и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня... (Мк. 9, 36–37).*

Почему Господь так нежно любил детей и так нежно ласкал их («обняв его»)?

Потому что дети – образ вновь родившихся в Царство Божие, родившихся от Духа... «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3, 3).

Дитя и есть образ возрожденного для Божия Царства. Его душа чиста... Она не испорчена злом мира. Вот почему и сказал Господь в другом месте: «Таковых [детей] есть Царствие Божие» (Мк. 10, 14) и: «Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 10).

Святой евангелист Матфей, который подробнее передает этот момент беседы Христа, с наибольшей последовательностью, сравнительно с другими евангелистами, воспроизводит речь Господа.

Христовы ученики интересуются: кто больше в Небесном Царстве? (см.: Мк. 9, 34; Мф. 18, 1). А Господь ранее

уже ответил на это: больше тот, кто отказался от себя, бросил себя, похоронил себя старого и грешного и возродился вновь (см.: Мк. 8, 34–37; Ин. 3, 3–8).

И сейчас Господь только иллюстрирует Свою мысль: берет ребенка, обнимает его, ставит посредине и поясняет: «Истинно говорю вам, если не обратитесь [не переродитесь] и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). И еще добавляет для исчерпывающей ясности: «Итак, кто умалится [станет ребенком по душе], как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (ст. 4).

И настолько бесспорна эта мысль о младенчестве души, годной для Божия Царства, настолько она ценна, настолько образ ребенка должен быть памятен для людей, как живой идеал стремящихся к Божью Царству, что Господь позднее еще раз утверждает этот образ: «Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Мк. 10, 15), и, мало того, Господь венчает наградой только принявших его и еще не осуществивших.

Принявших этот идеал и ласкающих ребенка, как зовущий образ детей Божия Царства, Господь венчает утешительным обетованием, что в лице ребенка они принимают Его Самого. «Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня».

Истинно Господне слово. Если принявший праведника и принявший пророка удостоивается чести (участи) праведника и пророка, то, конечно, принявший ребенка как часть Господню, т. е. наследника Божия Царства, сам приобщается части Господней и как бы Самого Христа принимает.

**92** *При сем Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами. Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас (Мк. 9, 38–40).*

Как бесконечно Божественное милосердие! Когда человеческая душа, эта христианка по природе, сбитая с толку и сбитая с пути своим грехом и злом мира, все же оцупью тянется к Свету и дотягивается до Бога и Христа, когда она еще не познала Христа в совершенстве и не ходит по Его пути и за Его учениками, Господь все же бережно ласкает ее и благословляет ее путь.

Даже такую душу, еще не сподобившуюся полноты благодатных дарований, Господь, ради признания Его имени, удостаивает Своей поддержки вплоть до явления в ее жизни Своих чудес. Эту же бережность Господь заповедует ученикам: не отпугивайте ее, не насилуйте узостью требований, не требуйте, как обязательного сейчас, «единого пути», которого пока она не понимает, и не заставляйте вот сейчас повернуть и идти за вами.

Богатый юноша ведь тоже не шел за Христом, не понимал и не принял Христова пути («опечалился и отошел»), а как ласково обошелся с ним Господь и с какой зовущей ласковостью сказал ему: «Не далек ты от Царствия Божия»!

Так и душа, ищущая Христа, Божественным милосердием и помощью придет к Нему, если она честно ищет Его. Она неминуемо придет к Богу и Христу, потому что путей только два: или путь с Богом и Христом, против зла, или путь со злом против Бога и Христа. И третьего пути нет... Вот почему и сказал Господь: «Никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня».

Потому не возбраняйте ищущим ходить своими путями в поисках истины и Бога. Сегодня они не примут полностью Божия пути, а завтра, Божиим озарением выросши духовно, они поймут единый путь, и станут на него, и пойдут только за Христовыми учениками.

Третьего нет... Или с Богом, или против Бога. И нейтральности нет... Вот почему и последний вывод: «Кто не против вас, тот за вас».

Или, как дополнено в другом месте: «Кто не со Мною, тот против Меня».

Внимай! Здесь мудрость.

**93** *И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей (Мк. 9, 41).*

Чаша воды, поданная ученику Христову, есть обозначение всякого доброго дела, совершенного во имя Божие.

И мысль здесь такова, что самый ничтожный твой поступок, совершенный во имя Бога, не канет бесследно, а уйдет в вечность бессмертным цветком, из которого сплетется тебе бессмертный венок.

Но имей в виду и запомни навсегда, что тут дело не в чаше воды и заслуга не в том или ином одолжении своему ближнему, а венчается даже малейшее добро лишь тогда, когда оно совершено «во имя Мое», т. е. Христово.

Когда у христианина вся жизнь обращена к Богу и каждый шаг жизни наполнен желанием исполнить Божию волю о себе и стать ближе к Небесному Отцу, когда чаша воды подается с трепетным сознанием: «Вот Отец послал ко мне Своего сына и моего брата, и я с любовью обнимаю его», тогда, конечно, вода силой твоей обращенности и любви поднимет тебя до высоты неба и сделает причастником части Господней.

Итак, если ты устремлен своей жизнью к Богу и хочешь проникнуть в часть Господню, то, делая малейшее добро с Христом и ради Него, ты и становишься через Него причастником Его Царства.

**94** *А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море (Мк. 9, 42).*

Несколько выше (ст. 34–37; ср.: Мф. 18, 3–4) Господь ставит ребенка образом рожденного в Небесное Царство и называет его большим в Небесном Царстве, хотя он и мал физическим ростом. И через образ ребенка Господь внушает, что в Небесное Царство входят младенцы по душе, чистые сердцем, не тронутые грехом.

А сейчас уже прямо называет истинно верующих в Него младенцами. Они «малые» потому, что они «последние», как отвергшиеся мира (ср.: Мк. 8, 34–37), и они «малые» потому, что они незлобивые, смиренные, чистые, искренние, послушные, как младенцы.

И если венчается тот, кто во имя Божие принимает этих «малых» (ст. 37), то, напротив, подлежит тяжкому наказанию соблазвивший младенца о Христе, т. е. сбивший его с пути Божия Царства.

Смысл Господних слов о потоплении соблазнителя с камнем на шее тот, что лучше бы такому человеку не родиться (как сказал Господь об Иуде: «Лучше было бы тому человеку не родиться». – Мк. 14, 21), лучше бы ему не жить, потому что, если он столкнет своего брата с пути жизни на путь гибели, то, значит, конец его один – смерть души и тела. Так лучше бы ему не существовать.

Вот как ценна для Господа каждая спасающаяся душа, как велика Божия забота об ее сохранности в Божием Царстве, и потому так тяжок грех всякого соблазнителя, сталкивающего брата с Божия пути.

**95** *И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее...  
И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее...  
И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его:  
лучше тебе с одним глазом [или хромоту или увечному] войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами [руками, ногами] быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает (Мк. 9, 43, 45, 47–48).*

Это слово Господа надо понимать в неразрывной связи с Его указанием об отвержении всего себя при следовании за Ним (ср.: Мк. 8, 34–37). Оно вытекает из заповеди о погублении себя. Если там заповедуется христианину отвергнуться всего себя, всю свою душу погубить и всего себя бросить в мусорную яму, то естественно не жалеть о руке, ноге или глазе, когда они будут мешать спасительному пути.

А потому так же безжалостно, как тебе надо похоронить всего себя греховного, так же безжалостно отсеки в себе мешающее твоему пути, когда ты стал на него и идешь им.

И даже не так надо сказать, а устрани и отсеки еще безжалостнее, потому что если в начале пути ты осудил и похоронил в себе всего древнего змия, то зачем же теперь беречь малую ехидну? А потому без колебаний отсеки в себе соблазнителя, сталкивающего с пути.

Господь называет три источника соблазна: руку, ногу и глаз – и тем обозначает соблазны, происходящие от разнообразных движений тела (рука – осязание, похоть), от различных видов человеческой деятельности (нога – поступки) и от человеческой мысли (глаз – видение, мысли).

Причем Господь указывает источники соблазна в порядке их жизненной силы. Сначала называет соблазны, наиболее близкие человеку, возникающие в нем как бы непроизвольно, затем соблазны, воспринимаемые сознательно и идущие извне, от внешней жизни, и наконец более утонченные – соблазны мысли. Но все три источника соблазна объединяются тем, что повод к их возникновению идет извне, через внешние органы чувств (рука, нога, глаз).

И потому Господь указывает один прием борьбы с соблазнителем: «отсеки», «вырви», т. е. прием отметания, отбрасывания, подавления внешнего ради спасения внутреннего – души.

Господь так и говорит и трижды повторяет одно и то же как очевиднейшую истину, что лучше человеку безрукому, безногому и безглазому войти в блаженную вечность, чем с двумя руками, ногами и глазами остаться в мертвенности... потому что, в самом деле, «какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мк. 8, 37).

Чем может компенсировать человек потерю души? Конечно, ничем. Не только рукой, ногой и глазом, а и всей внешней жизнью! Значит, за свою душу и ради нее без колебаний лишайся руки и глаза, т. е. отсекай соблазняющее внешнее.

Так поступай и ты. Поставь задачей жизни – сберечь душу. Жива душа – и ты жив. Погибла душа – и в тебе не будет

жизни. А потому безжалостно отсекай все, истребляющее душу, отсекай соблазн, который несет с собой смерть души. И если соблазн идет от внешнего и через внешнее, то не бойся, не жалея, обрезай все внешнее... Без пощады рви все нити, связывающие тебя с внешним, и с легким сердцем бросай концы...

Не раздумывай, что оборвешь лишнее. Лишнего никогда не будет... Не будет ошибки, если обрежешь соблазнительное сейчас... Кромсай и кидай внешнее без раздумья, чтобы кругом была обезвреженная среда... пусть даже пустота... Ты все же будешь не побежденный, а победитель, и будешь ты не потерявший, а приобретший, потому что ты приобрел, ты сберег свою душу.

И во всех случаях обрезывания внешнего, когда через то (обрезывание) ты сберегаешь свою душу, ты только выигрываешь, потому что в случае утраты души от внешнего соблазна уж ничто внешнее, сохраненное тобой из жалости к себе, не в силах компенсировать тебе потерю души.

«Какой выкуп», какую компенсацию может иметь человек при потере души своей?

Значит, не жалея... Вырви и отбрось соблазнителя... Пусть кругом останется пустота... Пусть останется малая комната, скромный наряд и скудное питание... Все-таки ты богач... Пусть не слышится пряной музыки, и нет физических зрелищ, и ты чужд шумливого веселья... Ты ничего не потерял... Ты все-таки приобрел...

Итак, не скорби, что не будешь ты жить полной внешней жизнью и будешь обрезывать себя во вредных устремлениях тела... Не лучше ли тебе в скромном костюме, в отсутствии рассеивающих впечатлений и отсечении вредных движений сохранить действенность и ширь души и влиться ей в блаженную вечность, чем со знанием последнего вычурного танца, в туманящем азарте прискакать с трупом души к тупику безвыходности...

Что лучше? Что выгоднее? «Какой же выкуп», какую компенсацию может иметь человек за потерю души своей?

**96** *Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится. Соль – добрая вещь; но ежели соль не солона будет, чем вы ее поправите? Имейте в себе соль, и мир имейте между собою (Мк. 9, 49–50).*

Образным выражением «всякий огнем осолится» Господь незабываемо обозначил неминуемость подвига.

Грех разлагает тело и разлагает всю жизнь. Христианин объявил войну греху, и ему надо остановить разложение жизни. И как в материальном мире разложение останавливается воздействием на ткани сильно действующих растворов, например соли, так и ты, чтобы остановить внутреннее разложение, духовно осолись... Забронируй себя от разлагающего влияния греха... Подвергни себя воздействию сильных средств, которые прекратили бы распад души.

Это средство, как соль, что предохранит душу от греха и распада, – подвиг.

Подвиг – это огонь. Он сожжет путаный хворост страстей... Он вытеснит едкий стелющийся дым похоти... Он истребит тлеющий угар увлечений.

Подвиг – огонь. Он опалит зияющие раны твоих поражений, выжжет нечистоту порока, выжжет смрад разложения, прокалит тебя добела, как металл, и будешь ты золотом, прошедшим горн очищения, будешь золотом, которого уже не коснется ржавчина.

Так подвиг, как очищающий огонь, и будет твоей солью.  
«Огнем осолешься...»

Тяжело? Строго? Да, тяжело. Но неминуемо. Посмотри вдумчивее, как говорит об этом Господь.

Господь указывает на необходимость «осоления огнем» сейчас же после речи об отсечении соблазняющих глаз, рук и ног. И мало того, Господь соединяет обе речи причинной связью: «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную... Ибо всякий огнем осолится» и т. д. (Мк. 9, 47–49).

Значит, мысль Господа такова, что если ты встал на путь Христов и отверг себя, чтобы найти себя возрожденным, то нечего тебе жалеть одного своего члена, мешающего твоему духовному восстанию. Безжалостно отсеки его... Не бойся... Не колеблись... Это неминуемо. Насилия над собой даже до крови не избежать, потому что всякому надлежит «огнем осолиться»...

Надлежит «осолиться огнем» всякому без исключения. Всякому, кто хочет освободиться от смрада распада и осолить себя, неминуемо пройти через очистительный подвиг...

И этот подвиг может быть жесток, как огонь... И, однако, не смущайся... иди и гори, потому что чрез горение ты застерилизуешься духом... Ты станешь чист, как раскаленное серебро, и процесс тления (разложения) прекратится.

Затем Господь вскрывает и еще одну сторону подвига осоления – его ароматность, делающую кровавые борения увлекательными, зовущими, а слезы – радостными, слезами счастья, слезами пленительнее смеха.

Господь говорит о жертвенности подвига. Он говорит, что всякая жертва осоляется солью, т. е. всякий, приносящий жертву, заботится, чтобы она была угодна, и делает ее ароматной, придавая ей лучший вкус. А основное вкусовое сдабривание – это соль. Вот почему Господь и сказал, что жертвенное приношение осоляется солью, т. е. делается ароматным, приятным.

Так и ты смотри на свой труд ради души и ради Господа как на жертву, а потому носи подвиг с радостью... И осоли его огнем борьбы и очищения, чтобы твоя жертва-подвиг стала ароматной и приятной, как осоленный жертвенный дар.

И твой подвиг ради Бога будет таким, когда он пойдет от сердца, как искренняя жертва Богу. Тогда борения, совершаемые ради Бога, заполнят всю душу и потекут в ней, как благословенный фимиам... И в душе разовьется влечение к борениям, и уже тоска о подвиге будет снедать ее, если б она, хотя временно, ушла от борений. Тогда за страданием проглянет утеха, и за слезами засветится тихая радость. Тогда ты полюбишь страдания, и мила тебе будет печаль о Боге.

Вот что значит осоление души, когда она через подвиг делается ароматной жертвой Христу.

А Господь и еще углубляет ту же мысль: «Соль – добрая вещь; но ежели соль не солона будет, чем вы ее поправите?»

Это значит, что если ваше делание ради Господа будет нудно и безвкусно, если саможаление будет влачить вас по низине будней, и среди болота падений вас будет хватать только на мшистые кочки непрочных опор, и вы будете бояться крутизны насилия над собой, то ваше делание потеряет весь захват подвига, выдохнется и станет безвкусным, как соль, потерявшая силу.

И ничто, решительно ничто не поможет вам вернуться к духовной бодрости и радости о Христе, как новое осоление себя, т. е. опять путь огненного насилия над собой, захвата в труде ради Христа, чтобы снова появился аромат жертвенного горения и крепость осоленной души.

И наконец Господь делает последний вывод: «Имейте в себе соль, и мир имейте между собою».

Нам нечего прибавить к этим Господним словам, и надо лишь глубже запечатлеть их на первой странице своего сердца.

Да, «имей в себе соль». Держись подвига, как огненного очищения, чтобы в нем осолилась душа и тем прекратилось бы ее разложение. Лишь через подвиг ты станешь верным сыном Небесного Отца. Лишь через подвиг ты обретешь мир Христов, заповеданный ученикам и оставленный им: «[Хочу], чтобы вы имели во Мне мир» (Ин. 16, 33).

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). Лишь чрез подвиг ты обретешь то, что отличает истинного ученика Христова, – любовь: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35).

А с миром Христовым в душе, с любовью в сердце ты исполнишь и последний завет: «Мир имейте между собою».

**97** *...Приходит [Христос] в пределы Иудейские...  
Опять собирается к Нему народ, и, по обычаю  
Своему, Он опять учил их (Мк. 10, 1).*

Снова образ взаимных отношений души и Бога. Повторением слова «опять» Божественное Откровение отмечает постоянство и настойчивость души, ищущей Бога, и всегдашнюю открытость Господа такой душе.

Господь невидимо ходит по виноградникам человеческих душ... И надо душе откликаться и идти ко Христу... Идти с настойчивостью... И если б случилось душе уклониться и отбиться от своего Учителя и Спасителя, пусть она опять и опять не устает вернуться к Нему и собирать около Него свои силы.

А Он-то, Спаситель, конечно, «по обычаю Своему» – по милосердию, всепрощению и любви Своей – не устанет отзываться такой душе и всегда будет «учить» ее, открывать ей глаза сердца, влечь к Себе и спасать, давая жизнь и радость в общении с Собой.

**98** *Подшли фарисеи и спросили, искушая Его [Христа]: позволительно ли разводиться мужу с женою? Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей? Они сказали: Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться. Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь. В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мк. 10, 2–9).*

Фарисеи хотят уловить Христа искусительным вопросом о браке и разводе. Они хотят обличить расхождение Христа с Моисеевым законом и практикой жизни согласно закону.

Господь разоблачает искусителей. «Неужели доказательна ваша практика? Практика-то вас и обличает, потому что Моисей по жестокосердию вашему, т. е. по вашей моральной грубости, вынужден был пойти на установленный порядок. Значит, практика-то вас и обличает как морально грубых, имеющих развращенное сердце».

И дальше Спаситель восстанавливает во всей чистоте истину о браке, как она мыслилась в творческом акте Бога, Создателя жизни. И эту истину Господь снова водружает как обязательный христианский закон и на веки вечные утверждает великую тайну брака. Основание брака мистически (таинственно) покоится на Божественном благословении соединения одного мужчины с одной женщиной.

Господь напоминает, что было вначале, т. е. в тот момент, когда Божественным творческим актом существа вызывались к жизни и им определялось их истинное назначение. Напоминая этот момент, Христос поясняет, что «Бог мужчину и женщину сотворил их», т. е. что для мужчины – Адама и создана была одна женщина – Ева. И благословлен был Богом союз двоих, созданных друг для друга.

Причем в акте создания Евы из ребра Адамова не вложена ли глубочайшая мысль о сродности будущих мужа и жены по душе и по телу, той сродности, которая влечет их к взаимному соединению и, будучи удовлетворенной, дает полноту жизни и целостность?

Христос напоминает об этом творческом акте и тем устанавливает как закон, что и во все последующие века вселенной для одного мужчины таинственно творится Промыслителем жизни – Богом одна женщина... И в них, вызываемых к жизни в разных семьях и в разных местах, Божественной волей закладываются атомы сродности, и должны эти атомы соединиться, чтобы исполнить волю Творца и предначертанно завершить Его творение в восполнение жизни.

И вот, когда жизнь строится по благословию Бога, когда пути жизни прокладываются под Его невидимую руку, тогда соединение сродных элементов произойдет и разрозненные жизни сольются под Божиим благословением для взаимного восполнения... Тогда один муж найдет свою «одну» и «единственную», созданную только для него. Это произойдет мистически (таинственно) благословением Бога.

И с такой силой элементы сродности влекутся к взаимному слиянию, настолько воля Божия неминуемо сформирует

благословляемые ею жизни, настолько тянутся к взаимному восполнению сродные души будущих жениха и невесты, что кажется, если бы завязать им глаза и поставить одного из них у ворот вселенной, чтоб все человечество длинной лентой прошло мимо него, то и тогда, во взаимном притяжении душ и тел, они бросились бы друг к другу, один только к одной.

Вот почему дальше Господь и делает такой непреложный вывод: «Посему оставит человек отца своего и мать...»

Кто ближе отца? Что дороже матери? Но раз выполняется Божия воля, раз совершается творческий акт создания под Божиим благословением единой жизни, нет препятствий, и крепчайшие земные связи рвутся, как отопревшие нитки, потому что тут, в этом акте сближения жениха и невесты, нечто большее земли. Тут исполняется высший закон и творится высшая воля. А когда найдено восполнение, тогда человек «прилепится» к жене своей.

Отметь выражение «прилепится», т. е. войдет в другую душу и войдет в другую жизнь, как свои, и сольется с ними, и растворится в них. И тогда станет одна жизнь, одна целостная жизнь. И будет совершен творческий акт создания мужчины и женщины, потому что, как и сказано в Откровении, «сотворил их», т. е. сотворил друг для друга как одну жизнь.

Эту мысль о единстве жизни в соединяющихся женихе и невесте Господь обозначает еще рельефнее. Он обозначает ее даже не единством жизни, а единством плоти. «И будут два одною плотью; так что они уж не двое, но одна плоть», т. е. люди перестали существовать отдельно даже физически. Они стали одним физическим телом, «одною плотью». Вот что сделало исполнение воли Бога... Оно не только восполнило, расширило души во взаимном влиянии, оно изменило физическую природу и из двух физических существ сделало одно целостное существо.

Такова тайна брака. Выяснивши ее, Господь делает последнее заключение мягкого упрека фарисеям: «Ну, что вы хотите? О чем вы спрашиваете? Как же после того оставить человеку свою жену? Да это же противоестественно! В браке

же взаимное восполнение жизни! А вы хотите, чтобы Я одобрил разрушение восполненного?! И в браке – творческий акт, акт Бога, творящего одну жизнь... Как же вы хотите, чтобы Я разрушил жизнь, созданную Богом? Это противоестественно... И не думайте посягать на брак! Что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

**99** *В доме ученики Его [Христа] опять спросили Его о том же [о браке и разводе]. Он сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует (Мк. 10, 10–12).*

Ученики Христа хотят глубже запечатлеть в себе правильное понимание брака. Это было тем необходимее, что ученики Христа в этом пункте отменяют Моисеев закон. Вот почему ученики, когда остались одни с Господом, уже от себя предлагают Ему тот же вопрос о браке и разводе. И так как это был вопрос не искушения (как у фарисеев), не любопытства, не словопрения, а вопрос необходимого знания, и так как серьезность темы требовала точного раскрытия, то Христос не высказывает осуждения учеников за непонятливость или недоверие к Его словам, а спокойно продолжает как бы прерванную речь о браке.

Учеников, конечно, смущала мысль о жизненной исполнимости строгого учения Господа. Евангелист Матфей и не скрывает этого (см.: Мф. 19, 10).

Парализуя смущение учеников, Господь, надо думать, раскрыл жизненную исполнимость христианского учения о браке и в заключение подтвердил незыблемость брака. Заключение, как вновь подтверждающее основную мысль Господа, и записано евангелистом Марком.

Исполнение всякой заповеди предполагает верность ей от начала до конца. Верность есть отсутствие самого малого компромисса. И когда человек бескомпромиссно идет прямым путем, все для него и проще, и яснее, и, в конце концов, успешнее.

Так и в исполнении заповеди о браке. Затруднительность в исполнении ее создается потому и тогда, когда человек забывает Божий закон и путь жизни и сходит с них к компромиссу. Человек думает своим разумением и своим желанием поправить и восполнить жизнь, а в действительности он затуманивает истину своего пути, создает двойственность устремлений, сбивается, и в результате – уклонение от правды жизни, и жизненная ошибка, и страдание, и неудовлетворенность. Ошибкой начато, ошибкой и кончается.

Проследи это ближе к жизни. Проследи, как человек в вопросе брака захватывается компромиссом и как жизнь упрется в ошибку. Проследи самое формирование брака.

Разве в браке людьми исполняется воля Бога? Разве, стремясь к браку, человек отдается Промыслительной руке и чистым сердцем ищет Ее водительства? Разве целомудренно охраняется девственность души и тела и трепетно ищется восполнение сродной жизнью по велению Бога? Разве в непорочности сердца откидываются ложные броски похоти, чтобы незатуманенными глазами души и тела увидеть направляющую Божию десницу?

В заключение (формирование) брака чаще входила ошибка и искажала Божий путь жизни.

Что определяло брачный выбор? В преобладающем большинстве случаев брак определялся вспышкой и развитием физического чувства (влюбленностью), материальными соображениями (приданым), классовым и групповым подбором (свой человек) и пр., и пр. Когда все это выдвигалось на первый план в устройстве брака, тогда, конечно, искажалась Божия воля о жизни, в соединении людей вмешивался фактор случайный, ненужный, и, конечно, брачное соединение делалось условно прочным. В таком браке уже не было «прилепления» друг к другу, единства жизни, единства плоти и не было «сочетания от Бога». И стоило в такое совместное проживание войти какому-нибудь новому стороннему фактору: новой влюбленности, новому расчету, а то и просто разнузданному капризу, как здание брака, не имеющее

гранитной прочности внутренней правды, трещало и разваливалось.

Так всегда оправдывалась истина: неправдой началось, неправдой кончается.

И, конечно, когда обозначалась подобная жизненная ошибка и люди начинали страдать от нее, они искали освободиться от тягости жизни в порывании брачных связей.

Да, собственно, брачных связей в таких случаях и не чувствовалось. Их и не было, потому что не было, собственно, брака, т. е. не было таинственного сочетания одного мужчины с одной «своей» и «единственной», сочетания, происходящего по велению Бога.

Вот почему люди с легким сердцем скидывали со своего пути случайно составленное, а иногда и преступно, и греховно, внешне слепленное сожительство.

А Господь имеет в виду истинное сочетание душ и тел. Оно неразрывно, потому что разрыв в нем противоестествен (см.: Мк. 10, 11). Вот почему и сказано: «Кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее».

И совершенно понятно, почему таковой «прелюбодействует», потому что таинственный союз мужа и жены, сочетанных Богом, вечен, и когда муж соединяется с другой женщиной, находясь в союзе с «одной» и «единственной», тогда, конечно, он надругательствует над вечным союзом с одной, и он – прелюбодей. И опять-таки вот почему сказано: «прелюбодействует от нее» – потому что «одна» жива, и связана, и будет вечно связана с тем, кому она сочеталась Самим Богом.

Так вот почему непреложен закон брака. Он не допускает компромисса, и тогда он гарантирует достижение правды жизни и счастье.

Не посягай же на брак, потому что это посягательство на правду жизни. «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

***100** Приносили к Нему [Христу] детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал*

*им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие* (Мк. 10, 13–14).

Когда душа ребенка или «одного из малых сих, верующих в Меня» (Христа) (Мк. 9, 42), тянется ко Христу, а кто-либо (родные, друзья) будет препятствовать им, тогда препятствующий, конечно, грешит.

Душа ребенка тянется к сродному, а сродное для нее – Бог и Божие Царство, потому что душа ребенка не искажена грехом, а Бог и Божие Царство и есть правда, не искаженная грехом. Значит, в общении с Богом чистая душа находит себя, и растет, и крепче утверждается в правде.

Препятствие на пути к Богу есть насилие над душой, ее лишение самой нужной для нее пищи, ее недопущение в сродную среду. Так как недопущение души в сродную среду и насильственное удержание в среде несродной нарушает правду жизни, то оно и есть искажение жизни и грех. Почему и «вознегодовал» Господь даже на Своих учеников, когда они обнаружили такое непонимание правды жизни и непонимание глубокой правды естественного тяготения детской души к Богу.

И ты лучше всякой игрушки, лучше баловства ребенка в пище отвори ему окошечко в небо и дай его душе подышать Божией жизнью.

**101** *Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него* (Мк. 10, 15).

Ребенок – это образ возрожденного в Небесное Царство (см.: Мк. 9, 36–37).

И тебе надо похоронить себя прежнего и греховного, родиться к новой жизни духа, как ребенку... Надо стать ребенком по душе, и надо тебе усвоить все свойства ребенка: чистоту сердца, незлобие, простоту, всепрощение, целомудрие. И надо тебе потянуться к Божию Царству, как тянется ребенок в сродную среду: просто, бесхитростно, неизменно и всей душой.

Тогда и ты будешь дитя Божия Царства. И оно, конечно, будет принадлежать и тебе.

Итак, лаская детей, не забывай, что тебе надо быть по душе подобным им.

**102** *И, обняв их [Господь детей], возложил руки на них и благословил их (Мк. 10, 16).*

Так же будет ласкать и тебя, когда будешь ребенком. И тебя «обнимет» Господь веянием Святого Духа и распрострет над тобой Свою невидимую, охраняющую, направляющую и спасающую руку. И под благословением этой руки без вреда пройдешь путем жизни и успокоишься в блаженной обители любящего Небесного Отца.

**103** *Когда выходил Он [Господь] в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать. Он же сказал Ему в ответ: Учитель! всё это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе не хватает: пойдь, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение. И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь*

*изгольные уши, не жели богатому войти в Царствие Божие. Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, воззрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу, ибо всё возможно Богу (Мк. 10, 17–27).*

Здесь ключ к познанию следования за Христом, здесь одна из Божиих тайн.

Открой глаза сердца и тогда читай. И помолись, чтобы не были смежены твои душевные очи и заткнуты душевные уши для принятия Божией истины.

Приходит ко Христу «некто». Евангелист так общо обозначает пришедшего, чтобы ты видел здесь типовой образ.

Пришедший оказался юношей, и богатым юношей, и, однако, Евангелист не называет его так. Помимо святого Марка и евангелист Матфей в начале своего рассказа называет его «некто»: «Некто, подошед, сказал Ему...» (Мф. 19, 16).

Значит, тут типовое изображение пришедшего, он мог быть и не юноша, а зрелый муж... Он мог быть и не богатый...

Какими же типическими чертами наделяется пришедший?

Евангелисты оттеняют в нем черты молодости, а евангелист Матфей на протяжении своего повествования обозначает его и юношей (ст. 20 и 22). Следовательно, это был человек с юной, молодой душой. Она не закоснела... Она живет и дышит... Она стремительна до порывистости. «Некто» не просто подходит ко Христу, он «подбежал» к Нему.

Вот какая молодость и порывистость души! И порывистость молодой души подбежавшего направлена на высшее, что может искать человек, – на оправдание своей жизни. «Некто» – юноша не ищет наслаждений, не гонится за новыми приобретениями, не бежит за почестями, не манится славой... Он хочет научиться так устроить свою жизнь, чтобы конец ее был счастьем, чтоб достигнуть блаженной вечности.

Ради этой цели, высшей цели человеческой жизни, он ищет и порывисто бежит... А когда он нашел Учителя правды, он с горячностью умоляет открыть ему истину жизни.

Вот почему и пал перед Ним (Иисусом) на колени и со всем захватом души просит: «Просвети... научи... как достойно жить?»

«Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?»

Итак, отметь в памяти, что устремлена ко Христу и ищет Его с горячностью молодая, неиспорченная душа. Лишь вечно юная душа, не одряхлевшая пороком, с упорством ищет правды жизни и стремглав бросается к ней. А когда найдет источник света, то не щадит себя, распростирается ниц, кажется, готова все отдать, чтоб вымолить и обрести истину.

К такому порыву способна только чистая душа... Только она юна, потому что она сохранила чутье правды и она сохранила силы броситься к свету, где он мелькнет.

А грех старит душу. Он притупляет чутье правды и с ним размах души, и он обрезывает крылья души и наваливается на нее вечно тяготеющим бременем... И тогда для души уж нет выбора... и нет свободного броска, а душа, как бы пригнутая тяжестью греха, одряхлевшая от разлагающих соков неправды, рабски плетется к своему мрачному концу, в свой тупик безвыходности, понукаемая своим господином – грехом.

Что же Христос? Как Он отвечает на мольбу научить жить?

На порыв обращенности молодой души, ищущей правды жизни, Господь отвечает как бы с сухостью: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог».

Но здесь, конечно, не сухость. Тут призыв к углубленности, к большей сознательности самой обращенности. Своим ответом Христос увеличивает ответственность вопроса и значение ответа. «Ты ищешь у Меня истины жизни... ты называешь Меня благим... А бесконечно благ только Бог; значит, ты обращаешься к Богу... Мир не дал тебе истины... И ты просишь ее от благого Бога... Так помни это... Играть истиной нельзя... Принимай же ответ как высшую истину, как ответ Бога... И он обязателен... И его уж не минуешь... Он свяжет...»

Очевидно, что в естественной жизни, в жизни вне Христа, хотя бы и жизни богатой, т. е. наилучше обставленной и морально и физически, счастья и удовлетворенности нет... Они неуловимы... Вот почему и мечется хороший юноша... И когда ему пришлось отойти от Христа и возвращаться к своей хорошо обставленной жизни, он уходит «с печалью (ст. 22), потому что знает, что он возвращается в наполненную пустоту и что он остается в безрадостности.

Очевидно, в естественной жизни, как бы она ни была идеальна, нет наполненности... И чуткая, не убитая грехом душа ищет завершения жизни... И она невольно рвется в поисках того, что должно войти и дать полноту и счастье законченности.

Что же это? Что? Что дает счастье законченности?

Отвечает Христос. Вникай, вникай!

Христос отвечает юноше: «Одного тебе недостает: пойдя, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (Мк. 10, 21).

Итак, нужно только одно! Как просто! Для всего равновесия жизни, всего ее оправдания, всей полноты удовлетворенности и счастья надо только одно... Откидываются томы нагромождений человеческой мысли... Устраняются, как ненужные, все потуги человеческих исканий... Нужно только одно! Как проста истина!

«Продай... раздай... следуй за Мною, взяв крест».

Что это? Требование отказа от вещей? Всего внешнего? И опять: «возьми крест...» (ср.: Мк. 8, 34–37).

Что же? Оправданию жизни мешает много денег или вообще внешность сама по себе? Ученики Христа вначале так и поняли было слова Учителя.

Когда юноша отошел с печалью, Господь, посмотрев вокруг и как бы улавливая мысли окружающих, говорит ученикам Своим: «Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (ст. 23). И ученики «ужаснулись от слов Его». Видно, ученики поняли так, что Учитель требует

полного отречения, полного истребления всего внешнего, земного. Ну как же это возможно для земных?! И они ужаснулись!

Тогда Господь проясняет их мысли. И с какою нежностью, с каким снисхождением к их стелющейся по земле мысли Он делает это! «Дети, – говорит Он, – как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие!» Господь разъясняет, что не в деньгах или вообще не во внешности самой по себе тут дело... Разве может быть грех в том, что у тебя в комнате будет лежать золото или какая-нибудь вещь? Греховна человеческая слабость, которая хочет вещью заполнить не только комнату, а самую жизнь... хочет вещью в жизни утвердиться и на вещи обосноваться, как на прочнейшей опоре... Значит, вот в какой момент рождается ошибка.

Когда происходит превратное перемещение ценностей, тогда и возникает грех. Господь потому так именно и уточняет Свою мысль: трудно войти в Божие Царство не имеющим золото, а надеющимся на золото, т. е. тем, кто золотом, вещью хочет в жизни утвердиться и оправдаться.

Но, сказав это уточнение, сказав, что в Царство Божие трудно войти не богатым, а надеющимся на богатство, Господь, однако, сейчас же с какой-то настойчивостью возвращается к своей первой формулировке суждения о богатом: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие»\* (ст. 25). И надо добавить, что у евангелистов Матфея и Луки только эта формулировка и передается и совсем нет уточнения мысли о том, что не спасутся «надеющиеся» на богатство; у обоих Евангелистов, рассказывающих о событии, приводятся только слова Господа о трудности «богатому войти в Царство Небесное» (см.: Мф. 19, 23–24; Лк. 18, 24–25).

Видимо, основная мысль Господа была именно такова, что богатым, т. е. обросшим внешним, трудно войти в Небесное Царство Отца.

---

\* Узкие ворота в одной из стен Иерусалима назывались «Ушками иглы». От названия этих ворот Господь и берет свое сравнение.

И видимо, что Господь как бы даже намеренно не различает «богатого» от «надеющегося на богатство» и проводит между ними знак равенства. Как будто уточнение мысли о «надеющихся на богатство» было сделано только по снисхождению к человеческой мысли учеников, чтобы направить ее на понимание истины, а перед лицом Высшей Истины и Правды жизни то и другое состояние, т. е. состояние души в богатстве с ее состоянием надеянности на богатство, равнокачественны.

Как это понимать? В чем же дело?

Конечно, вещь сама по себе не может быть греховной, как нет греха и во всей совокупности вещей самих по себе, хотя бы взять их совокупность в масштабе всего мира. Но грех и зло, просочившиеся в человеческую жизнь, делают вещи своим орудием, и тогда вещами создается внешняя среда зла. И всякий человек через свои вещи, сродные названной среде зла, невольно втягивается в эту среду и невольно прирождается ей. Такова, например, среда зла денег, зла костюма... и прочее, и прочее, и прочее. Это – во-первых.

А во-вторых, вещи, безгрешные сами по себе, делаются источником зла в силу немощности природы каждого человека. Когда человек облепляется и обрастает вещами, т. е. внешним, земным, он невольно подпадает их плену. Поступки, интересы, устремления человека невольно замыкают его в сжатый круг внешнего, и тогда происходит переключение ценностей и человек безнадежно запутывается в ограниченной среде вещей и делается их слугой... Так, например, бывает в торговле, даже в искусстве и прочем.

Таким образом незаметно происходит, что обладание вещью переходит в рабство вещи и именье вещи незаметно обращается в жизнь вещью и надеяние на нее.

Вот почему Господь и проводит равнодействующую между обладанием богатством и надеждой на него и ставит в одну линию удаленности от Божия Царства надеющихся на богатство с имеющими богатство.

Господь смешивает в одну группу имеющих богатство и надеющихся на него, потому что внутренне, душевно,

они стоят на одной линии, удаляющей от Божественного Царства.

Поэтому же отстраняется и богатый юноша. Не богатство само по себе оказалось препятствием идти за Христом для этой молодой и внутренне богатой души, а богатство как путь земли, путь внешнего, когда неминуемо создается «надеяние» на богатство, плен вещью, рабство вещам... когда происходит незаметное всасывание в ценности внешнего... когда Божие исподволь и незаметно переключается в земное... Когда происходит обволакивание землей и человек весь устремляется по земному пути вещей, Божий путь становится далек, как нереальность.

Этим путем – плена вещью – шел юноша, и для него оказалось невозможным пойти за Христом, потому что вне пути вещи он не представлял себе жизни и, значит, не мог отказаться от вещей, чего требовал Христос.

Теперь ясно, чего же «одного» недоставало юноше. «Все, что ты сказал о себе, – как бы говорил ему Господь, – хорошо... Ты чист перед законом, и ты сохранил заповеди, и мил ты Мне, но одного недостает, чтобы быть со Мною, – переключиться на Мой путь. Ты идешь путем земли, путем вещей. А конец его – вещи же... А ты останешься рабом вещи... А Мой путь – отличный от пути вещи... Это – путь духа... И потому, чтобы тебе стать на Мой путь, освободись от первого пути, т. е. освободись от вещи, а потому – продай!.. раздай!..»

Значит, чтобы стать на Божий путь, надо выкинуть из души всю землю, все вещи. Надо, чтобы между твоей душой и Богом не было никакого заслоняющего экрана земли.

Надо, чтобы даже отсвет земли не падал на душу. Пусть все притяжение души во всех ее отдаленных закоулочках будет вывернуто, и обнажено, и повернуто к Отцу Жизни и Света... И чтобы ничего не было в промежутке между душой и Богом, не только вещей... нет... даже чтоб тени вещей не было...

Господь ревнив... Уж если хочешь идти за Ним и любить, так иди и люби, и только Его и люби... и весь без остатка...

Вот, когда сделаешь это, тогда ты переключился на Божий путь, потому что ты исполнил первое – «продай... раздай...», т. е. выкинул вещное, и ты исполнил второе – «будешь иметь сокровище на небесах», т. е. ты переместил центр тяжести в вечное, в область духа, и, значит, ты твердо стал на Божий путь...

Теперь ты можешь спокойно идти за Христом... Это путь нетлеющей, негибнущей жизни и бесконечной вечности.

Вот что было сказано юноше. Вот каков ключ спасительного пути. Вот что требует путь Христа...

И снова ужаснулись ученики. Учитель требовал выкинуть из душ и жизни все вещное. А вещный человек живет в кругу вещей и, кажется, не уйти от этого круга...

Ученики не мыслили себе этого ухода, и потому сказано о них, что они «чрезвычайно изумлялись» (ст. 26). Теперь учение Господа было ясно и для них, но оно было так кристально и возвышенно, что трепетало от него человеческое разумение.

Завершенную ясность словам давало новое упоминание о кресте: тогда (т. е. продав... раздав... обосновав сокровище на небе) «приходи, последуй за Мною, взяв крест».

Упоминание о кресте сближало настоящее слово Господа с Его же раннейшею речью об отвержении себя и взятии креста. Там требовалось отвергнуть себя, душу свою погубить и бросить себя в мусорную яму... Теперь предлагается отвернуться от вещей, от всего внешнего, погубить для себя и в себе весь мир вещей и его бросить туда же, т. е. в мусор же. Там ему и место.

Это было невероятно... Но это было так. И ничего не может быть другого, если ты хочешь идти за Христом Богом и любить Его, как требуется, т. е. всем сердцем, всею душою, всем разумением, всею крепостию своею, т. е. всеми силами жизни (см.: Мк. 12, 30). Вникай... Вникай...

Здесь не истребление вещей и даже не внешнее выведение человека из круга вещей, потому что это было бы убийством земли... А земля – все же творение Бога... Здесь не истребление вещей, а подчинение их одному началу жизни,

каким является Бог. Только Господь, только Христос, только любовь к Нему и следование за Ним остаются ежедневной всепоглощающей целью жизни... Все другое только исполняет служебную роль в отношении этой главной и единственной цели. Все другие твои занятия, интересы, стремления, даже лучшая, идеальнейшая любовь, должны быть не целью сами по себе, а только орудием, средством в них и через них выполнить Божию волю о тебе и жизни в них, и через них послужить одной любви ко Христу и Богу. Такова должна быть служебная роль земного и вещного.

Значит, вещь ты можешь иметь и внешним можешь жить до отдачи ему всех твоих земных устремлений, например, в науке, искусстве, как и в других занятиях, но все твои вещные устремления пусть имеют только служебную роль в твоей жизни, т. е. через них служи одной правде жизни, через них оправдай свою жизнь... Словом, служи не им самим по себе, а в них и через них отдавай свое сердце и всю свою жизнь одному Богу.

Таким путем требуется внутренне выйти из круга вещей, не иметь в них никакой ценности, не задерживаться на них и частью души, а еще лучше – отвернуться от них и кинуть их вон из себя.

И так как это был призыв выйти из вещности, то ученики и называют его сверхсильным для человека. Ведь сам-то человек вещен! И, кажется, невозможно ему выйти из круга вещей. И в изумлении и трепете души спрашивали друг друга ученики: «Кто же может спастись, если таково требование к спасающемуся?»

Господь отвечает на это. Он соглашается с учениками. Да, говорит Господь, «человекам это невозможно».

Снова вникай в Господне слово. Он не сказал: «Это невозможно», т. е. что Его требование сверхъестественно и утопично и, значит, невыполнимо... Но говорит: «Человекам это невозможно», т. е. Он соглашается с учениками в оценке человеческой слабости и утверждает, что людям, в которых есть вещь, непосильно выполнить Его заповедь.

Полнее мысль Господа раскрывается так: для человеческой души выйти из круга вещей и совершенно возможно, и даже должно, потому что душа должна быть духовна и безвещна, и потому Я и даю такую заповедь... Но вот греховной душе выйти непосильно, потому что грех и есть измена духовности души и погружение ее в вещность. А когда душа «погубит» себя греховную, чтобы найти себя возрожденной, тогда она, очищенная, и сможет выйти из вещного круга, потому что тогда в ней и с ней будет сила... Божия сила.

Ведь Божия сила спасает человека. Божия сила всемогуща... «Все возможно Богу» (ст. 27).

**104** *И начал Петр говорить Ему [Христу]: вот, мы оставили всё и последовали за Тобою (что же будет нам? – Мф. 19, 27). Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам (что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. – Мф. 19, 28): нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или зёмли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной (Мк. 10, 28–30).*

Господь только что изложил учение об отвержении вещей, всего внешнего, чтобы очистить для души путь к Нему, как пламенный апостол Петр сейчас же предлагает вопрос: «Вот мы пренебрегли всем земным, всеми вещами, чтобы быть только с Тобою, как Ты и указываешь для Своих учеников. Что же нам будет?»

Не подумай, что это вопрос утилитариста, подсчитывающего свою награду и свой барыш. Какой же барыш и какая награда вещами для человека, уже бросившего все вещи в мусор?!

Это – вопрос веры. Это – вопрос непреложности Господних обетований.

Петр был восхищен, что его уход от вещного по любви ко Христу совпал с требованием Самого Христа, предъявляемым к любимому, и в порыве любви он хочет, чтобы Любящий еще и еще раз сказал, как же Он будет близок к ушедшим за Ним.

И Господь, конечно, видел, что это был вопрос веры и любви. Вот почему Он ни в чем не поправляет Петра, а как раз и отвечает ему тем, что хотело слышать сердце ученика.

«По любви ко Мне вы оставили вещное, чтобы ничто вещное не заслоняло Меня от ваших душ, чтобы быть только со Мною. Так будет с первого момента наступления Моего Царства славы, когда Я приду рассудить землю и сяду на престоле Моем. Тогда и вы, как соучастники Моей славы, сядете на двенадцати престолах, как и всякий побеждающий сядет со Мною на престоле Моем» (см.: Откр. 3, 21).

И так как тогда будут обнажены все людские «советы сердечные» и все земное будет «наго и обнажено», и так как всем откроется Божия правда о земле и людях, то Божий суд по этой правде будет вместе с судом святых Божиих. Как участники Божия суда, Божии святые воскликнут тогда: «Спасение и слава, и честь и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его» (Откр. 19, 1–2).

Но Господь за Своими ближайшими учениками и Апостолами обнимает Своей мыслью и любовью и весь бесчисленный сонм Своих будущих учеников и последователей и их ласкает Своим Божественным обетованием.

И так как Господу виделась вся немощность человеческой природы, а вместе виделась вся тяжесть земных крестов Своих учеников, то Он объявляет, что Ему близка и земная судьба Своих учеников и что Он, как и в чуде насыщения хлебами, позаботился и о ней.

В пути креста тяжелы оставленность и одиночество. Когда в борьбе с миром греха за святость души иссякают человеческие силы, когда кругом видится пустыня... когда кру-

гом теснятся звери и слышится звериный вой... когда, в лучшем случае, мимо тебя пройдет равнодушные... и ты совсем, совсем один в этой большой, шумной, мятущейся и чуждой, а то и враждебной тебе пустыне жизни... а твои силы между тем иссякают... уже тело измождено... и в душу прокрадывается уныние... тогда при всей твоей вере в истину твоего пути, при всем сознании, что не может же Бог ежечасно творить чудеса для поддержания твоего внешнего, ты все же будешь изнемогать от своей как бы оставленности, брошенности и одиночества.

Ведь даже Сын Божий, изнемогая, по человечеству, от непереносимых страданий, взывал к Отцу Небесному: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46).

И вот, Господь, в предведении тяжести страданий крестного пути Своих учеников, предведении всей немощности человеческих сил, ныне венчает Своих будущих учеников и последователей обещанием прочной земной поддержки для них, чтобы не было у них чувства оставленности и одиночества.

«Вы бросили все земное ради Меня и ради Небесного Царства... И Я знаю, что вам будет очень тяжело, но, как любящий Отец, заботясь и о вашем земном, Я говорю вам: не бойтесь... ваша награда велика... даже находясь на земле, вы не будете чувствовать, что вы что-то потеряли и чего-то лишились. Я сделаю так, что и на земле вы будете стократно награждены тем же «внешним», которое вы оставили ради Меня. А потому «истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне... во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель».

И разве тщетно Божие слово? Разве по любви ко Христу не предоставляются ныне для рабов Его сотни домов и не являются сотни братьев и сестер во Христе? И отцов, и матерей, и детей во Христе?

Помни это и свой долг христианской любви (совершаемый по слову Его: «По тому узнают все, что вы Мои ученики,

если будете иметь любовь между собою». – Ин. 13, 35) и долг служения Христу в лице своих братьев, совершаемый по слову Его: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это [т. е. накормили, напоили, приняли, одели, больного и заключенного посетили] одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). Еще крепче утверждай себя мыслью, что ты делаешь это по обетованию Господню, ради укрепления Божия Царства.

И уже после того, как Господь, снисходя к человеческой немощности, утешил учеников обетованием земной поддержки, Он называет главное – вечное и небесное: «И не будет никого из последовавших за Мною, кто не получил бы в веке грядущем жизни вечной».

Так не только Апостолы Господни, но и все, оставившие земное и с крестом ушедшие за Христом, делаются соучастниками Его Царства и Его славы.

«С Ним и царствовать будем», – повторяет с Господом и святой Апостол (2 Тим. 2, 12).

*105 Многие же будут первые последними, и последние первыми (Мк. 10, 31).*

Опять образ противоположности мира земли как мира греха Царству Божию как Царству праведности. Ценное на земле – бесценно для неба, первое на земле – последнее на небе. Поэтому же и раньше Господь сказал: «Кто хочет быть первым [в Царстве Божием], будь из всех последним [на земле] и всем слугою» (Мк. 9, 35).

*106 Когда были они [Христос с учениками] на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что́ будет с Ним: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и по-*

*ругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет* (Мк. 10, 32–34).

Тут картинное начертание Креста.

Первый крестоносец – Христос Господь «восходит» в Иерусалим, Иерусалим страданий, венца и славы. Путь к нему – в гору... Это – путь подвига... И Христос «восходит» в Иерусалим.

И как будто тайна Креста заполнила все существо Человека Христа, и Он не принадлежит Себе. Он влечется к Голгофе... Здесь неведомая, непостижимая, сладкая и страшная Божия сила... Вот почему Христос уже оторвался от учеников... Он один... И Он влечется к Кресту и Голгофе.

Здесь великая Божия Тайна и сила... Она – как непреодолимая стихия... Она уже вынесла Человека Христа вперед и оторвала от земли, и Он поднимается к Иерусалиму страданий.

И фигура Христа становилась титанической... И осязаемо обвевала ее сверхземная сила...

«Иисус шел вперед их». Вот почему учащенно билось сердце учеников: их коснулась и захватила непостижимая влекущая стихия... И они затрепетали, ибо чувствовали, что перед ними глубинная тайна, хотя они и не понимают ее.

Их кроткий Учитель совсем уж не тот... Он оторвался от них... Быть может, в последних лучах исчезающего света, идущий впереди, Он виделся им колоссом.

А Его сосредоточенная замкнутость говорила им, что Он уже не принадлежит Себе, что Он «влечется», что здесь невидимо присутствует Сам Небесный Отец и Небесные Силы.

И ученики, безмолвные, покоренные тайной, коснувшейся их, влеклись поодаль за Ним с трепетавшими сердцами. «А они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе».

Господь посвящает учеников в тайну, обвевшую их. Он подзывает к Себе двенадцать и говорит им, что в Иерусалиме Он будет предан, поруган, оплеван, осужден на смерть и убит. Но пусть также знают ученики, что всему этому унижению надлежит быть, что здесь, в Его Кресте, – тайна Его

славы, так как в третий день по смерти наступит Его победа и торжество: Он воскреснет...

И ты присоединись к ученикам, ужаснись умом, вострепещи сердцем, чтоб оваяться тебе тайной Креста, чтоб влил ее Господь и в твою душу, потому что для ученика Христова пройти путем Креста неминуемо.

Вот и тебе на пути своего креста неминуемо идти в гору, неминуемо подвигом, борениями восходить в Иерусалим своих страданий и своей славы. И в предчувствии тяжести креста ты, как и Апостолы, исполнишься ужасом и содрогнется твое человеческое сердце. Так молись же Христу, чтобы Он Сам сопутствовал тебе, Сам даровал тебе Божественную помощь и чтоб ты повлекся, обвеянный могучей силой. Молись, чтоб бесстрашно взойти тебе за Христом и с Ним в Иерусалим своих страстей (страданий), подняться на очистительную Голгофу, а через нее приобщиться к Божественному Воскресению, восстать и соцарствовать вечно Богу и Отцу.

**107** Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: *Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано (Мк. 10, 35–40).*

Опять просьба любви. И совсем естественная просьба!

Ну кто же не хочет быть ближе к любимому? Только о близости к Любимому ученики мыслят по-земному. Они думают, что близость по любви раздается как внешняя награда.

Одного – посадить по правую сторону, другого – по левую сторону...

А так как это была просьба любви, а не происки тщеславия, то Господь не отклоняет с негодованием самой просьбы, как Он с негодованием отверг человеческие мысли Петра, извращавшие Его учение (см.: Мк. 8, 33), а с терпеливостью выправляет ошибочный взгляд учеников.

Значит, желание любви, желание быть ближе не устраняется, но искательству любви указывается лучшая, высшая форма и лучший способ достигнуть искомого.

Господь выясняет, что нужно для близости к Нему по любви.

Для этого нужна внутренняя близость. А внутреннюю близость создает единство пути ученика с Христовым путем.

И Господь указывает всю неминуемость единства пути для любящего и ушедшего за Ним. Путь Христа – путь Креста и страданий, и когда ученик пойдет по тому же пути, он сольется душой со Христом.

Вот Господь и говорит, что для Иакова и Иоанна, раз они идут за Ним, неминуемо пить чашу, которую Он пьет, и креститься крещением, которым Он крещается. «Чашу, которую Я пью, будете [неминуемо будете] пить, и крещением, которым Я крещусь, будете [неминуемо будете] креститься...»

Конечно, под чашей Христос разумел чашу страданий, а под крещением – крещение огнем подвига. Ты уже знаешь, что то и другое (страдания и подвиг) неразлучны с христианским путем (ср.: Мк. 8, 34; 9, 49), и, значит, всякий, кто идет путем подвига и страданий, идет за Христом, и чем решительнее он идет, тем он ближе ко Христу, потому что Христос на этом же пути, и, следовательно, таковой как бы приближается ко Христу.

Так единство пути создает внутреннюю близость ко Христу, и так рост близости определяется степенью продвижения ученика к Учителю и Господу. Ты больше прошел путем подвига, и ты больше внутренне усвоил Христа, больше приблизил к Нему свое сердце – и, конечно, Он ближе к тебе.

Значит, не внешняя награда и не внешнее дарование обеспечивает первое место у Господа. И даже не Господь дарит это место, почему Он и сказал: «Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня *зависит*» (ст. 40). А *зависит* это от идущего и приближающегося.

А нелицеприятный Божий суд только констатирует (свидетельствует) успех достигнувшего и степень его близости. А так как в предвечной мысли Отца Небесного, по Божественному предведению, известны все земные подвижники, бегущие на ристалище к Божию Царству, и ведома степень их душевных достижений, то «первые» достигающие, конечно, уже определились для Божия суда и таковые как бы «уготовались», хотя бы они еще и не родились.

Вот почему и добавил Господь: «Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня *зависит*, но кому *уготовано*» (Мк. 10, 40).

*108* И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна. Иисус же, подозревая их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мк. 10, 41–45).

Почему бы и им не сидеть по правую и левую сторону? Разве они меньше любят?

Если бы десять действительно понимали, что Иаков и Иоанн сами не знают, чего просят, и, значит, если б они негодовали на неуместность просьбы двоих, то Господу не потребовалось бы выправлять и их ошибочную мысль, а следовало бы похвалить их истинность.

Между тем Господь подзывает негодующих и, проясняя их мысли, всем ученикам еще раз раскрывает учение о непохожести Своего Царства на царства земные и о разности порядков обоих царств.

В соответствии со сказанным раньше о противоположности мира неба миру земли (см.: Мк. 10, 31 и далее) Господь сейчас уясняет ученикам, что в то время как первые на земле добиваются повелевать и властвовать, первые на небе – это вменившие земную славу, почет, власть как мусор. Первые на небе – это не властвующие по силе, а служащие всем по любви.

А так как готовые к Небесному Царству и на земле руководствуются Божиим законом, то их и земные обычаи отличны от обычаев сынов земли. Отсюда и на земле: «Кто хочет быть бóльшим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом».

Сейчас Господь присоединяет и новый мотив для Своих учеников – не держаться порядков земли, а проводить в жизнь Божий порядок.

Этот мотив – личный пример Христа. «Сын Человеческий», т. е. Господь, Он ли не первый для людей и среди людей? Он же Спаситель людей, их Бог.

И, однако, Он, сообразно сущности Своего дела и Царства, сообразно закону любви, пришел не затем, чтобы Ему величаться и принимать служение и почитание от других, как это следовало бы по земному порядку, а пришел Сам послужить другим и отдать жизнь за спасение многих.

*109 И когда выходил Он [Господь] из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его*

*позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовут тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге (Мк. 10, 46–52).*

Дорога в Иерихон – разбойничье место (см.: Лк. 10, 30). Она является образом пути греха.

Сейчас Господь идет из Иерихона, и при Его дороге, ведущей из Иерихона, сидит слепой и просит милостыню.

Здесь все образно. Здесь образ души, отошедшей от пути греха и сидящей при Христовом пути.

Евангельский рассказ и такую душу представляет слепой. Она не может свободно идти по дороге. Она прикована в неподвижности и сидит... просит милостыни и поддерживает себя милостыней.

А это хорошая душа... Она отошла от опустошительного пути греха. И она находится при Божием пути. Но все же у нее закрыты глаза сердца, и она слепая. И Божий путь ничего не дает ей. Она и не видит его... Скованная внутренней темнотой, она топчется на одном месте... И не зажегся еще для нее Евангельский свет, и нет у нее радости движения на пути ко Христу... Она скована в духовной неподвижности своей внутренней темнотой и бесплодно для себя сидит у Христовой дороги...

А так как питание нужно всякой душе, то она и протягивает руки за милостыней и питается случайными и ничтожными человеческими обрывками мысли, чувства, вещей. И, конечно, от этой придорожной милостыни и не пропадает слепота, и нет наполненности жизни.

Много таких душ!

Вот такой-то душе Христос открывает глаза сердца, чтобы она загорелась, и стала жить, и озарилась лучезарным светом Христа и Его истин, и в этом свете задвигалась в радости на Христовом пути.

Как же совершается это внутреннее озарение?

Душа, желающая, чтобы внутри ее открылся свет Христа, много, много просит Христа о том... Она вопиет к Нему неустанно... вопиет с настойчивостью до крика, как вопиал ко Христу слепец Вартимей.

Пусть такую душу, ищущую открытия в ней света Христова, не ослабляют месяцы, даже годы кажущейся бесплодности ее усилий загореться огнем Христа. Пусть она преодолевает усталость, пусть попирает безрадостность и с неустанной обращенностью ко Христу пусть зовет Его и вопиет без конца, чтобы пришел и открыл ей глаза сердца.

Душу, рвущуюся за Божественным озарением, будет останавливать все окружающее. Ее будут останавливать и снисходительными улыбками, и рассуждениями, и поправками, и насмешками и угрозами... Ей будут говорить, что ее влечение несвоевременно и только повредит всем, и что оно неразумно, что это узкий фанатизм, маньячество и просто ненормальность.

Так же заставляли молчать Вартимея, когда он звал Христа. А душа пусть все же ищет и рвется ко Христу, чтобы Он пришел и вселился в нее.

Тогда Господь останавливается возле души и велит позвать ее к Себе, чтобы совсем была рядом с Ним.

Внимай этому последнему зову!

Часто он слышится в обстоятельствах жизни. Тогда не медли... Подражай Вартимею. Он вслед за зовом сбрасывает верхнюю одежду... встает... идет... И ты сбрось верхнюю одежду. Верхняя одежда, как ее носили в древности, связывала члены тела, мешала полной свободе движений... Значит, надо сбросить и обрезать все внешнее, связывающее с землей, лишаящее душу свободы парения к Богу.

А потом тебе, освободившемуся от земли, надо встать и пойти по Христову пути, навстречу Христу, т. е. надо и делами и жизнью пойти по Христовой дороге, хотя бы спотыкаясь и падая, как спотыкаются слепые.

Значит, надо быть не «при пути Христовом», не «при Церкви», не при Евангелии, а смело и бодро пойти дорогой Христовой, идти с Церковью как живому члену ее, идти с Евангелием в сердце.

Тогда, как только осяжешь на дороге Христа, моли Его: «Учитель, хочу, чтобы мне прозреть». И по вере твоей и по дерзновению веры Господь исполнит твою мольбу.

Ты внутренне прозреешь. Тебе откроется вся зовущая любовь Христа... Откроется Его истина... Откроется правда и счастье Его пути... И ты уже не отстанешь от Христа, а в бодрой радости пойдешь за Ним по светлой дороге спасения, как пошел за Ним прозревший слепой.

*110* Когда приблизились к Иерусалиму, к Виффагии и Вифании, к горе Елеонской, Иисус посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите. И если кто скажет вам: что вы это делаете? – отвечайте, что он надобен Господу; и тотчас пошлет его сюда. ...И привели осленка к Иисусу, и возложили на него одежды свои; Иисус сел на него. Многие же постилали одежды свои по дороге; а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен Грядущий во имя Господне! благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних! (Мк. 11, 1–3, 7–10).

*И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют. И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокры-*

*то ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего (Лк. 19, 39–44).*

*Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников (Мк. 11, 15–17).*

Дни страданий, смерти и славы Господа – это неизгладимые образы для души, совершающей свой подвиг. В них все велико и захватывающе! Их надо принять умом сердца, потому что слов обычного ума не хватит, чтоб рассказать о них.

А потому опять: молись в смирении, чтобы открылись глаза твоего сердца, чтобы оно познало Божию истину, чтоб она крепко вошла туда.

Страдания и за ними слава Христа совершаются в Иерусалиме.

Иерусалим становится образным обозначением конца подвижнического пути, завершения страданий и венчания подвижника. Иерусалим – это концентрация подвига и страданий и венчание подвига Царством Господа.

К Иерусалиму ведет горная, поднимающаяся вверх дорога... В Иерусалим «восходит» и Господь (см.: Мк. 10, 33 и др.).

Значит, в полосу подвижнических страданий входят, готовясь к тому. Идут горной дорогой... Оставляют позади себя низину греха и падений... Поднимаются каменистой дорогой: это – насилие над собой, преодоление тела, борьба за исполнение Божия закона. Поднимаются вверх от низины падений, чтобы очистить сердце, чтобы легче было дышать... На высоте – чистый воздух...

Так душа на дороге к Иерусалиму приуготовляется к подвигу страданий. И приуготовление – дело большое. Души не сразу становятся перед воротами Иерусалима.

И Господь не сразу вступил в Иерусалим страданий. Когда некоторые из фарисеев предупредили Христа о том, что Ирод ищет убить Его, Господь сказал предупредившим: «Пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий *день* кончу» (Лк. 13, 32).

В этих словах Господь указал, что для Его Иерусалима страданий и смерти еще не пришел час... И не Ироду определять наступление этого часа... Он в воле Отца. Когда Отец позовет на час страданий, тогда он и совершится...

А до того Сын должен творить волю Отца и исполнить положенное Ему дело служения.

Вот почему и в других случаях Господь уклоняется от грозившей Ему опасности преждевременного прекращения Его служения (см.: Лк. 4, 29–30).

Так и верующая душа не ищет сама на каждом шагу броситься в огненный Иерусалим страданий, а прежде всего и больше всего стремится исполнить Божию волю о жизни и выполнении Господнего закона, поднимается по очистительной каменной дороге, ведущей от долины греха к Иерусалиму.

А когда пробьет ее час, когда надлежит совершиться Божественному определению, тогда душа и вступит в Иерусалим последнего подвига, страданий, венца.

Путь в Иерусалим как исполнение воли Бога уже сам по себе есть отдача своей жизни Всемогущему, и когда он завершается, когда предощущается зов в Иерусалим, тогда душа переживает радость конца, радость завершения всех желаний, хотя бы через слезы и муки, радость с Господом навеки.

Потому вход в Иерусалим есть торжество. Это – величайший праздник души. И Господь вступает в Иерусалим как никогда торжественно. Он делает вход в Иерусалим торжеством... Господь вступает как Победитель, исполнивший волю Отца и грядущий к ее завершению... как Царь, имеющий быть увенчанным.

По Его дороге постилают одежды, и Он принимает это как должное... Его путь украшают зеленью, бросая ее под ноги, и Он принимает это как достойное...

Итак, вход в Иерусалим последнего подвига, страданий, венца есть праздник души... И она, исполненная накопленной внутренней силы, пусть торжествует... Она уже победительница! Так пусть же ее подвигу подчинится и служит все человеческое (постилание одежд), и пусть служит ее подвигу вещное, природное, земное (бросание ветвей по дороге).

Каковы же свойства души, готовящейся вступить в Иерусалим?

Отвечает Господь Своим Божественным входом.

В Своем Божественном входе в Иерусалим Господь прежде всего указывает, что Он только послушный Исполнитель воли Отца. Иерусалим страданий предначертан... Все совершается по Высшей воле... Совершается с неизбежностью... И все причастные к этому делу – это безмолвные исполнители Божественной воли... Все земное подчинится ей.

Смотри, как исполняется предначертанное. Господь посылает в селение двух учеников. При входе в селение они находят привязанного осла, как и указал им Господь. Отвязывают... А когда хозяева осла спрашивают учеников: «Что же вы делаете? Ведь вы берете чужое», – ученики отвечают согласно указанию Христа: «Он надобен Господу...» – и уводят... И инцидент исчерпан. Никакого смущения в учениках, что они берут чужое. Никакого возражения от владельцев осла, хотя на их же глазах незнакомые люди уводят их скотину.

Тут предначертанное... И те и другие – исполнители Высшей воли... И еще. Когда фарисеи сказали Господу, чтобы Он запретил Своим ученикам приветствовать Его возгласами: «Благословен Царь, грядущий во имя Господне!», Христос отвечал фарисеям: «Если они [ученики] умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19, 39–40).

Этим ответом Господь еще раз указывает, что с Его входом в Иерусалим наступил момент, когда исполняется Высшая воля о Нем, и если не люди, то даже неразумная природа

может, по указанию Небесного Отца, стать выразительницей этой воли.

Так и для души, идущей в Иерусалим, прежде всего нужна полная отдача себя Богу... нужно такое безотчетное, исчерпывающее предание себя в Божественную волю, чтобы в каждом шаге пути душа видела Божественный Промысл и в каждом моменте жизни осязала невидимую руководящую Божественную силу.

Из этого первого свойства подвижнической души – полного предания себя в Божию волю – неизбежно вытекает второе, это свойство – смирение.

Господь и Бог, Царь Славы, Спаситель всей вселенной, Судия всего мира, идет к открытию Своего славного Царства. И идет Он не в пышной церемонии царедворцев, не в блеске золота и камней, не на драгоценной колеснице редких коней, не под неумолкающие звуки литавр и переливчатый гул радостных, волнующихся тысячных толп народа, а едет Он на бедном ослике, в обычном скромном наряде и сопровождаемый горсткой учеников – таких же бедняков, как Сам.

Так же смиренна должна быть душа, идущая к своему Иерусалиму. Она познала себя. Она познала все бесконечное убожество естественного человека, все свое внутреннее ничтожество и всю никчемность своих усилий подняться над своей ограниченностью. Она познала жизнь вокруг себя, сотканную или из борьбы человеческих самостей, или из ничтожных сплетений человеческой ограниченности и мелкого эгоизма, направленных только на внешнее...

Она познала естественного человека, в лучшем случае как раскрашенный гроб, а вещи как мусор. И что же осталось единственным просветом для нее, как не Бог? И что осталось путем жизни, как не отказ от всего естественно-человеческого и от вещей, повержение себя пред Богом в прах, в ничто и безоговорочная, смиренная отдача себя Богу, Который бы Своей великой рукой через очистительный подвиг, через очистительную дорогу к Иерусалиму страданий при-

вел бы человека к единственно достойной жизни по «новому человеку», по «второму Адаму» – Христу.

Итак, один путь для человека – смиряющий отказ от всей земли и от себя, смиряющее изничтожение себя и мира греха и смиренная отдача всего себя целиком, без остатка в волю Бога.

Пусть будет благословенна Его всемогущая воля. И пусть совершится в Его воле оправдание моей жизни, хотя бы и чрез очистительный и скорбный путь Иерусалима.

Господь указывает и третье свойство души подвижника на Иерусалимском пути – подчинение животной природы духу.

Господь при входе в Иерусалим садится на животное – осла и заставляет его подчиниться Себе. Животное всегда является образом человеческой плотяности, животности, греховного неразумия.

Вот эта-то человеческая плотность, животность, греховное неразумие и должны быть у путника в Иерусалим подчинены духу. Дух должен господствовать, повелевать, властвовать, а животное тело и с ним все внешнее, земное должно быть под ним, оседланное, связанное и всецело подчиненное.

Таковы три свойства души подвижника, вступающего в Иерусалим.

Далее, событие входа Господня дает образное указание значения входа в Иерусалим. Мысль об этом значении сначала раскрывается с обратной стороны, т. е. Господь раскрывает мрачную судьбу отвергнувших вход в Иерусалим.

Жители тогдашнего Иерусалима не приняли Господа. Их души после всего слышанного и виденного от Христа оставались закрытыми... Они коснели в духовной беспечности, и где же им было подняться до понимания и принятия подвига?

И Господь заплакал о них, смотря на бесчувствие города. «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих».

И в слезах Господь открывает завесу будущего и показывает картину гибели духовно мертвых: «...Придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то́, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19, 43–44).

Такова же судьба души, отвернувшейся от пути к Иерусалиму и в духовном бесчувствии не принявшей Божия зова на подвиг.

Так как подвиг в жизни христианина неизбежен (см.: Мк. 8, 34), так как очистительные страдания есть обязательный для христианина Христов путь (см.: Мк. 10, 39), то, следовательно, зов жизни на подвиг и страдания за Христа будет самым Божиим посещением человека, которым Господь зовет за Собой и на Свой путь. Зов жизни на подвиг и страдания во имя Христа будет показателем Божией любви к человеку... показателем не оставленности человека Богом, а особенной близости Господа к душе и особой заботливости Христа о любимой и избранной, чтобы осолить ее огнем подвига и сделать ее золотом, очищенным в горне страданий (см.: Мк. 9, 49).

Итак, подвиг и страдания есть Божие посещение... А потому разве не горе душе, если она не поймет и не примет своего подвига? Горе... Горе! Ведь она отвернулась от Самого Христа, пришедшего за ней и протянувшего ей руки. Вот почему и прослезился Господь над душами, не понявшими дня Его посещения.

Горе, горе душе, не понявшей в страданиях Божия посещения и зова на подвиг! Она сама отвернулась от Христа... Не поняла она, что служит к ее жизни и к ее миру... Потому что она спит в духовной беспечности, и закрыты глаза ее сердца (см.: Лк. 19, 42).

И Господь уйдет от нее и, быть может, навсегда... «Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!» (Мф. 23, 38–39).

Дом души, отвернувшейся от Христа, оставляется пустым. Снимается его охрана, разбирается его ограждение... И тогда наступают дни, когда «враги... обложат тебя [душу] окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду». Тогда грех, освобожденный от связи, развернется во всю ширь и высь и окружит душу своими сетями, как окопами... И обложит душу липкой паутиной, и станет она, как в плену врага, изолированная от чистоты и свободы... И наступит в душе такая теснота от зла («стеснят тебя»), что дышать нечем, жить нечем...

Так будет пленена злом душа, оставленная Богом. А после того придется погибнуть. Как всякий организм живет чистым воздухом и светом, так и душа живет светом правды и воздухом чистоты. Лишенная притока того и другого, она гибнет.

И, следовательно, когда в душу, облепленную злом и изолированную от правды, прекратится ток животельной силы, она умирает. «Враги разорят тебя...» Они опустошат в тебе последние остатки жизни... «И побьют детей твоих». Они уничтожат все, даже самые хилые ростки света и добра...

«И не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего...» Они потрясут в тебе все основы жизни, и под обломками падающих опор жизни ты погибнешь сама, потому что ты уже сама стала мертвой гнилушкой, и твоя единственная участь – рассыпаться в пыль и смешаться с пылью.

И это неизбежно случится, потому что ты стала глухой до бесчувственности... не приняла зовов к подвигу, уклонилась или обесмыслила очистительное страдание и всем этим выключилась из питательной среды общения с миром жизни, сама отвернулась от Христа, не поняв и не приняв дня Его посещения.

И остается в запустении дом души и стал вертепом разбойников, подгнили его опоры и погребли тебя под своей смрадной гнилью.

Сказавши о гибельности непринятия подвига и страданий, Божественное Слово открывает положительную сторону

следствия подвижнического пути... Это следствие – восприятие душой внутренней силы веры и дерзновения по вере.

Христос как царственный и вместе смиренный Исполнитель Отеческой воли, в сознании непреложности совершающегося, входит в Иерусалим. В Иерусалиме Он вступает во храм и здесь проявляет всю силу дерзновения. Охваченный ревностью о святости храма и видя его поругание, Господь, как имеющий власть, выгоняет из него продающих, покупающих, опрокидывает столы меновщиков и скамьи продающих голубей\*.

С дерзновенной силой Господь встает на защиту храма, обращавшегося в вертеп разбойников, властно гонит оскорбителей святыни. И все безмолвно подчиняются Ему.

Такой же силой дерзновения исполняется душа, идущая путем подвига. Божественная помощь, сила внутреннего света, сила внутренней чистоты дают ей непоколебимую внутреннюю устойчивость. Господь близок ее сердцу... Божия правда есть ее жизнь и дыхание, и путь правды для нее только удовлетворение и радость, и никто и ничто не сдвинет ее с этого пути.

А если б оказалось препятствие, она с внутренней силой дерзновения настойчиво пройдет через него, не только не теряя в силе обращенности ко Христу, а как будто еще более распаляясь любовью к одному своему Спасителю и Господу.

Являясь результатом подвига, сила дерзновения как Божественный дар молитвы и чистоты жизни уготовляет душу на еще больший подвиг во имя Христа, на подвиг страданий, Голгофы и самой смерти. Как и для Христа подвижнический скорбный путь в Иерусалиме закончился Голгофой и смертью на Кресте.

Так подвиг обращается в силу жить и страдать... Страдать без уныния, в мужестве, в вере, в уповании, в радости... Так подвиг обращается в праздник души... Как вход в Иерусалим страданий обращен был Господом в величайшее торжество Своей жизни, так же будет неисчерпаемо велик праздник души, грядущей в свой Иерусалим...

---

\* По святому евангелисту Марку, это было на другой день по входе.

И ей, невидимо сопровождаемой всеми детьми небесными, ей, сопутствуемой взорами несметных Ангелов, окружаемой молитвами святых всей вселенной, ей, благословляемой вздохами и слезами земных подвижников, ей, под ноги которой постилалась, подчинившись, вся земная жизнь (постилание одежд), ей, которую приветствует чающая освобождения природа (ветви деревьев по дороге), пусть слышится на ее пути таинственный и покоряющий шум неба и земли: «Благословенна идущая во имя Господне!»

Ее же уста в молитвенном экстазе пусть неслышно отвечают одним – одним сладчайшим воздыханием: «...Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего...» (Мк. 11, 10).

***111** На другой день, когда они [Христос с учениками] вышли из Вифании, Он взалкал; и, увидев издали смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не нашел, кроме листьев; ибо еще не время было сбора смокв. И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И слышали то ученики Его. ...Поутру, проходя мимо, увидели, что смоковница засохла до корня. И, вспомнив [вчера], Петр говорит Ему: Раввй! посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла (Мк. 11, 12–14, 20–21).*

Засохшая смоковница – это классический образ духовно бесплодной души. Такая душа имеет всю видимость жизни. Она, как смоковница, зеленеет и покрыта листьями, т. е. она имеет все внешние обнаружения жизни: суетится, внешне убирается, как будто чего-то достигает, и прочее.

Но как в бесплодной смоковнице нет соков жизни и она бессильна дать плод, так и в бесплодной душе при обычной внешности жизни нет силы жизни и нет у нее плодов. Она бесплодна для себя, потому что нет у нее роста и счастья достижения. И она бесплодна для окружающего, потому

что не имеет ничего в себе. Что же она может оставить после себя? И вот такая душа гибнет... Мало того, она проклинается... Ученики Христа именно так, проклятием называют прещение Господа, обращенное на смоковницу. Прещение показывает, что смоковница, лишенная плодов, осуждается, обрекается на вечное бесплодие, в ней замирает жизнь, и она сохнет.

Так и душа, созданная для цветения и плодоношения, когда застывает во внутреннем бесплодии, тогда над ней изрекается приговор вечной безжизненности, приговор смерти. Она осуждается и, конечно, должна погибнуть и гибнет.

Печальный конец печальной жизни. Он трагичен потому, что с житейской точки зрения он неожидан и как бы даже незаслужен и несправедлив.

Ведь наружно идет самая нормальная человеческая жизнь. И как будто все в ней в порядке... Жизнь имеет всю видимость жизни... Она даже внешне привлекательна... Как евангельская смоковница была покрыта листьями, пышной зеленью и манила и обещала удовлетворение, так и человеческая жизнь течет как будто в полном довольстве... имеет всю наружную видимость... и со стороны даже прельщает и манит, обещает наслаждение и радость.

И вдруг подходит к такой жизни нелюбезный Судия и в один миг изрекает приговор: «Да в тебе и жизни-то нет... одна декорация... одна видимость жизни... хоть ты и стоишь, а внутри ты уже мертвая... Потому ты и бесплодная... И конец для тебя один. Спадёт твоя видимость, облетят твои листья и обнаружится твоя сущность... Обнажится, что ничего и не было под листьями, что ты мертва... И так как ты фальшиво жила и вводила в обман других, то пусть пресечётся твоя ложь...»

И гибнет обманчивая видимость жизни... И осуждается и гибнет душа, не имевшая питательных соков жизни и плодов...

Почему же Господом изрекается такой решительный и бесповоротный приговор и осуждение?

Такой приговор изрекается за бесплодие. Бесплодие – это состояние внутренней мертвенности, внутреннего бессилия, отсутствия жизни. При внутренней мертвенности в человеке жива и развивается одна скорлупа существования, одна оболочка, внешность, одна видимость жизни.

Человек двигается, суетится... Он в работе и заботе до напряженности, в работе без отдыха... И человек упорно строит свое внешнее... Жизнь как будто заполнена. Человек интересуется обстановкой, костюмом... Человек интересуется питанием и отдает этому немало часов... Человек думает, что он развлекается и интересуется этим, и развлечениям посвящает весь свой досуг...

Но во всем названном разве весь человек? Это только внешние показатели жизни... Человека тут еще нет...

У смоковницы тоже была видимость жизни. Были ветки и были листья... А не было внутри ее силы... Между тем седалище жизни – внутри, в человеческом духе...

Жизнь – во внутренней насыщенности силой, которая и регулирует все внешние процессы. И чем мощнее эта сила, тем значительнее сама жизнь. И чем она правильнее и правдивее, тем правдивее внешнее построение жизни... Потому что в истинной жизни внутреннее и внешнее в тесной связи, и первое определяет второе, потому что и человек-то должен быть один.

А когда между внутренней силой и внешним процессом происходит разрыв или когда первое – внутреннее – совсем отсутствует, будучи подавлено или затравлено, тогда внешнее жизни, явления жизни в действительности ничего не являют, потому что в основе их, под ними ничего нет... пустота... Они стали только механическим рефлексом окружающего или рефlekсами различных состояний организма, как у животных.

И выходит, что тогда явления жизни становятся призраком жизни. Они стали одной тенью жизни... Они – иллюзия жизни, ее декорация... И они не открывают за собой никакой силы и истины.

Так в человеческой жизни остается одна видимость жизни, одна внешность... Человек делается автоматом... А может ли быть плод от автомата? Что может родить иллюзия? Какое наполнение жизнью может дать обман? Так приходит бесплодие души и жизни.

И бесплодие может быть в христианской душе и жизни. И все равно оно произойдет или от подавления внутреннего, духовного, или при отрыве внешнего от внутреннего... А характеризуется бесплодие также развитием одной внешности, когда человек-христианин внешне являет «образ благочестия», а внутри у него нет «силы» благочестия.

А раз нет внутренней силы, то нет и духовного роста, и внутри человека – застой, мертвенность.

При таком состоянии иллюзорной, обманчивой жизни в действительности живет в человеке смерть. А от смерти не может быть ростков жизни и не может быть плода. Плодом смерти может быть только смерть.

Так и бывает в иллюзорных, обманчивых, наружных жизнях. Нет у них плода! Вот почему и чувство оторванности, топтания на одном месте, неудовлетворенности, уныния.

По-прежнему живет в человеке внешность: и хождение в церковь, и исполнение обряда, и наружная молитва, а нет души, нет чувства роста и достижения и нет радости.

И во всей внешней жизни человека тоже сплошное бесплодие, которое хорошо характеризует святой апостол Иаков: «Желаете – и не имеете; ...завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете [не получаете]» (Иак. 4, 2), т. е. бесплодны все ваши усилия настроить жизнь, раз у вас нет внутреннего регулятора, определяющего, что ценно для жизни и какова должна быть разумная внешность, построенная на силе жизни.

И характерно, что душа сознает бесплодность и внутреннюю неналаженность жизни. Душа переживает ее как пустоту жизни и как тоску.

Тогда люди начинают азартно наполнять жизнь внешним. При отсутствии внутреннего фундамента и регуля-

тора жизни безудержно растет потребность во внешних впечатлениях. Человек не может остаться наедине с собой... Он не знает, что ему делать с собой, чем наполнить жизнь. И он бежит на улицу за внешними впечатлениями... и чем пустее душа, тем оживленнее для нее становится улица.

А чтобы заглушить чувство пустоты, надо не только наполнить жизнь внешним потоком впечатлений, но и надо сделать поток непрерывным. Но так как впечатления прискучивают, то надо усиливать их остроту. Так люди при пустоте души, при невозможности для них жить чем-то своим большим, внутренним, захватывающим и интересным с азартом начинают бросаться от впечатления к впечатлению, до отказа напихивать сознание внешними видимостями жизни... И им надо увеличивать дозу их и усиливать остроту... Чтоб некогда было задуматься о себе... Чтоб толчея сменяющихся и усиливающихся внешностей давала иллюзию жизни и чтоб, таким образом, не проскользнула пустота... Так поддерживается «угар жизни», и пустые души живут в этом угаре. А когда как-нибудь вскользь на душу дыхнет из бездны пустота и она силой воли приоткроет глаза и поймет всю никчемность, то конец такой жизни один – фактическая физическая смерть. И на это оказываются способными единицы, и наиболее сильные единицы, т. е. сохранившие крупицу из богатых сил души, чтобы иметь волю приоткрыть глаза и иметь разум понять весь ужас бестолкового кружения в пустоте. Если б у таких не была вымотана сила жизни, то они оставались бы жить для перестройки своей жизни на разумном (духовном) начале, а они совсем уходят из жизни, потому что жить уж нечем, силы вымотаны... как они вымотаны у бесконечной вереницы пляшущих пляску пустоты и даже не чувствующих, какие они жалкие марионетки жизни.

Вот что такое бесплодие души и вот почему оно осуждается. Бесплодие – это внутренняя мертвенность. И осуждается оно потому, что оно неминуемо влечет за собой смерть.

Оно и есть само в себе смерть. И осуждение бесплодия есть только констатирование (свидетельствование) отсутствия жизни и наличия временно скрытой смерти.

Евангельский рассказ о бесплодной смоковнице дает ответ и на последний возможный вопрос: почему в отношении к бесплодной смоковнице не проявлено Божественного милосердия? Почему смоковница приговаривается к гибели? Почему Господь уже не ждет от нее плода? Разве греховная и бесплодная душа не может надеяться на Божественное милосердие? Господь ведь много раз являл прощение и милосердие! Может быть, душа покается и даст плод, достойный покаяния?

Отвечая на это, Евангелие указывает, что Божественное определение выносится не сразу, не неожиданно.

Господь много и долго терпит заблуждающуюся душу... Господь всякими промыслительными путями все время блюдет душу и хочет выправить ее путь и вдохнуть в нее силу жизни. И Божественное попечение все время опекает душу. Евангелие образно обозначает это попечение словами «увидев издалека смоковницу...» В выражении «увидев издалека» заключена мысль о том, что Божественное попечение назирает за всеми жизнями, как бы различны ни были их пути и как бы далеко они ни шли от Божия пути жизни. А назирает над жизнями Господь не из любопытства, а чтоб Его попечительная рука во всякий миг могла бы открыться душам, едва они вспомнят о ней.

Значит, Божественное попечение о смоковнице было. И оно было длительным... Оно шло до крайних границ Божественного милосердия и терпения в ожидании выправления жизни и плодов.

В другой притче о посечении смоковницы Господь ясно говорит о долгом Божественном попечении, предшествующем осуждению смоковницы.

«...Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой

смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, – не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее (Лк. 13, 6–9).

Видишь, как в отношении бесплодной смоковницы и бесплодной души проявляется Божественное милосердие, долгое терпение и проявляется попечительность, выражающаяся в Божественных зовах и Божественной помощи, подающейся в спасительных средствах. Все это было явлено, и при всем том смоковница и душа остались бесплодными. И только тогда изрекается осуждение.

Очевидно, что оно изрекается в момент, когда на смоковницу уже не действует никакая поливка, когда внутренняя мертвенность парализует все Божии зовы и когда оживление и возрождение души безнадежны. В такой момент Божий приговор есть даже не суд, не осуждение, а свидетельство очевидного факта, что смоковница-душа мертва и, значит, безнадежно бесплодна.

И тогда наступает последний акт: смоковница сохнет, жизнь пресекается. И в этом акте – логическое завершение бесплодия.

«Сруби ее: на что она и землю занимает?» Оторвавшаяся от питательной среды Света и Правды, среды Бога, лишенная всяких корней и устоев, обреченная на жалкое внутреннее бессилие, носящая в себе элементы разложения и гибели – для чего и для кого нужна такая фальшивая жизнь? Как никчемная, она убирается из жизни, потому что в творческом процессе она отрицательная величина, она помеха жизни... «На что и землю занимает?» А как имеющая обманчивую видимость жизни, она еще является и вредной фальшивкой, кичится своей похожестью на жизнь и других в обман вводит... А потому и выносится приговор смерти. Как сказано в другом месте Божественного Писания: «...Дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3, 10).

Так обрекаются на уничтожение души безнадежно бесплодные\*.

**112** *Иисус... говорит им [ученикам]: имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет (Мк. 11, 22–23).*

Короткие, но великие слова! В них Господь открывает тайну Царства Духа.

Господь открывает в них прежде всего главное и единственное условие причастности, вступления в это Царство. Это – безраздельная вера в Него и по такой вере безраздельный уход в стихию этого Царства.

А потом Господь открывает две стороны этого Царства: а) его полное отличие от царства земли и б) полную подчиненность царства земли со всеми его законами Божественному Царству Духа.

«Имейте веру Божию», – говорит Господь, как будто желая тем обозначить какую-то высшую ступень веры, когда она из теоретического, умственного знания, убеждения, поднимается и переходит в «силу», в стихию другого мира... Это – стихия Духа и Бога... Это – вера Божия.

Вот эта стихия другого мира и вдвигает душу человека в этот особый мир Бога. И, значит, чтобы приразиться этому миру, надо верой-силой уйти, погрузиться в него. А так как это совершенно особый мир, отличный от мира земли, то

---

\* Славянская и отчасти русская редакция 13-го стиха 11-й главы Евангелия от Марка недостаточно выразительно передают мысль Евангелия, и приходится слышать недоумение: почему же Господь ищет плода на смоковнице и осуждает ее за бесплодие, когда «не у бо бе время смоквам, т. е. выходит, что как будто Господь хочет нарвать смокв в такое время, когда их и не должно было быть на дереве? Мысль Евангелия другая. Христос подходит к смоковнице в такое время года, когда смоквы возрели, но не окончательно, и потому еще не было их сбора, и, значит, Господь хочет нарвать смокв тогда, когда на дереве, дающем плоды, они непременно должны были находиться, и если их не оказалось, то это говорит, что их и не было и, следовательно, дерево было бесплодным.

полный уход в него может осуществиться тогда, когда человеческая душа сумеет совсем порвать с чуждым миром земли, и всем существом, безраздельно, т. е. мыслью, всеми помыслами, чувствами, всем настроением, волей, всем устремлением, сумеет оторваться от видимого и окружающего, и уйдет в невидимый мир как реальный, и будет чувствовать его дыхание, и он будет для нее более чем живой, и она будет в нем как своя.

Уход души в стихию Божия мира, чтобы приразиться ему, должен быть безраздельным. И ничто, ничто... даже слабая тень, вроде мысли или хотя оттенка мысли от земного мира («не усумнится»), не должны просачиваться в душу в эти мгновения ухода, потому что они прервут уход души в тончайшую духовную стихию, ворвавшись в душу грубым земным шумом.

Надо войти в Божию стихию безраздельной душой, по-детски, не имея никакой засоренности души земным, и с детской устремленностью. Вот почему в другой раз Господь и ставит детей как первых насельников Божия Царства и указывает на них как на пример для подражания, чтобы душа, смотря на них, приражалась Божью Царству. «Если не обратитесь и не будете, как дети (т. е. не превратите свои души в детские), то не войдете в Божие Царство».

Так и бери подобие от детей, как они совершенно серьезно и целиком входят в мир фантазии, и разговаривают, и спорят, и сражаются с невидимыми существами, живут в этом мире со всей реальностью действительной жизни.

**113** *Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам. И когда стоите на молитве, прощайте, если что́ имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших (Мк. 11, 24–26).*

Молитва – это уход к Богу... уход в Его Царство и стихию Бога... И если хочешь, чтобы молитва была действительной, то глубже, полнее входи в эту стихию.

Полнота и глубина ухода в Царство Бога достигается совершенным отрывом души от земного и безраздельным устремлением ее через веру-силу в мир Бога как живой и реальный (ср.: ст. 23). Тогда душа переключится в мир Духа, и тогда начинают действовать законы Духа, и по этим законам с человеческой душой совершается все то, о чем она просит и чего желает согласно со стихией Духа. Душа как часть Духа, войдя в мир Духа и отдавшись его законам, получает все, решительно все, что лежит в мире Духа, согласно с его законами, и нужно для нее. Это логически неминуемо.

Потому и сказано: «верьте», т. е. уходите (ср.: Мк. 8, 33 и след.) в мир Бога, и тогда «чего ни будете просить в молитве», раз только просимое будет в природе Духа, вы получите его, потому что вы уже стали причастниками, членами этого мира, и он открыт вам, и его законы и дары распространяются на вас.

И дальше Господь устанавливает показатель возможной успешности твоей молитвы. Так как успешность молитвы определяется степенью твоего ухода в мир Бога, то указывается контролер твоего ухода в Божию стихию. Таким контролером Господь устанавливает прощение тобой всех обид, причиненных тебе другими.

Рассмотри, и ты поймешь, почему прощение грехов против тебя устанавливается Господом как глубокий показатель степени твоего ухода в мир Бога.

Чтобы полнее погрузиться в мир Бога, надо свободнее оторваться от себя и от земного мира в себе. А оторваться от себя легче, когда признаешь свою ограниченность, осудишь себя, да не только осудишь, а и отбросишь себя как никчемное ничтожество. Тогда с легкостью устремись найти опору жизни в Боге и глубже вольешься в мир Бога.

Но самому человеку невозможно представить оценку собственного самоотрицания. В ограниченном самосознании человека самоотрицание может обернуться в самоуслажде-

ние. Потому Господь устанавливает более объективную оценку самоотрицания, а вместе с ней оценку степени ухода в Божий мир.

Если ты изничтожил себя, изжил свою ограниченность, то ты так же глубоко должен изжить и ограниченность твоих ближних и должен понять, что все их обиды, причиненные тебе, – результат той же человеческой никчемности и ограниченности и, может быть, даже и вызваны-то твоей собственной ограниченностью, и, значит, уже если ты отбрасываешь уродство жизни, то признай его и для других и пойми их грехи, как и свою ограниченность, и кинь их к вороху своей ограниченности, а людей отдели и все им прости. Признай, что они такие же жалкие и слабые, как и ты сам... и как себя ты пожалел и бросился к Богу за жизнью, так и их пожалей и вздохни, чтоб и они за тобой побежали.

Вот когда ты простишь, пожалеешь да вздохнешь обо всех, тогда это будет значить, что ты действительно понял бедность этой жизни и действительно способен искать другого богатства и, значит, способен уйти и уходишь в стихию неограниченного, вседозволенного, всесовершенного, в стихию Бога.

Вот почему и устанавливается для твоего самопознания такой контролер – прощение других. Способен простить других и прощаешь, значит, ты правильно все взвесил, правильно все оценил и теперь отвернулся и с легким сердцем ищешь и идешь за бесценным.

А когда такой показатель, как прощение чужих грехов против тебя, налицо, тогда полнота и глубина твоего устремления к Богу обеспечены, для них нет помехи, и тогда обеспечен успех твоей молитвы. И тогда верь, что «все, что ни будешь просить в молитве, получишь и будет тебе».

*114 И когда Он [Христос] ходил в храме, подошли к Нему первосвященники и книжники, и старейшины и говорили Ему: какую властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал власть делать это? Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном,*

*отвечайте Мне; тогда и Я скажу вам, какую властью это делаю. Крещение Иоанново с небес было, или от человеков? отвечайте Мне. Они рассуждали между собою: если скажем: с небес, – то Он скажет: почему же вы не поверили ему? а сказать: от человеков – боялись народа, потому что все полагали, что Иоанн точно был пророк. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Тогда Иисус сказал им в ответ: и Я не скажу вам, какую властью это делаю (Мк. 11, 27–33).*

Опять вопрос искушения и лукавства (ср.: Мк. 8, 11–12): фарисеи же прекрасно знали, какой силой и властью действует Христос! И сами фарисеи уже признали власть Христа, когда они беспрекословно приняли изгнание торгующих из храма и не останавливали Христа, оспаривая Его полномочия. Они тогда молчали!

Фарисеи прекрасно знают, какой властью действует Христос! О Его власти громко и открыто свидетельствовал пророк и Предтеча Иоанн, когда называл Христа «Приходящим свыше», «Приходящим с небес», Который «выше всех» (Ин. 3, 31), «Агнцем Божиим» (Ин. 1, 29) и, наконец, «Сыном Божиим» (Ин. 1, 34) и Судиею вселенной (Мф. 3, 12). А свидетельство Иоанна было авторитетно и для фарисеев, потому что все почитали Иоанна за пророка Божия.

И вот, обходя очевиднейшее свидетельство, обходя очевиднейшие факты необычайных явлений жизни Христа, фарисеи, прикидываясь объективными искателями истины, ставят Христу вопрос: «Какою властью действуешь Ты?»

Разве это не лукавство? Это опять плохо прикрытая человеческая самость, не желающая считаться с Божиими велениями в жизни, фальшиво ищущая какой-то особой исключительной ориентировки для себя, а в действительности желающая оставить себя хозяйкой жизни и не трогаться со своего эгоистического самоласкательного пути.

Так бывает всегда. Лукавая человеческая совесть, питающаяся эгоизмом и самостью, никак не хочет расстаться

с фальшивыми путями жизни, на которых она ласкается как умная распорядительница всего... И когда веления Бога стучатся в жизнь и трещат гнилые устои жизни, лукавство все же не отказывается от них, потому что с ними так тепло и привычно... И веления Бога обходятся, как будто их и нет как будто их не понимают... А для собственного самоутверждения лукавство ищет обходных опор: то кидаясь в сторону отрицания Божия вмешательства в жизнь, а то, напротив, требуя для себя больших и явных чудес, чтоб мнимо отдаться послушанию Бога.

Господь изобличает лукавство спрашивающих и не удовлетворяет удовлетворения фальшивое искательство, как Он в другой раз отказывает в просьбе «знамения с неба» (Мк. 8, 12).

Так и душа, опирающаяся на самость, когда она фальшивит с Божиими зовами, обращенными к ней, предоставляется самой себе и всем случайностям своих кривых путей... И она тоже уже не слушает голоса Бога... «Ты умна... и ты всегда права... и ищешь опору в себе, отвергая Мое вмешательство... Пусть так и будет... отныне... и Я ничего не скажу вам»...

Берегись!.. Бойся такой оставленности.

**115** *И начал говорить им [Господь ученикам] притчами: некоторый человек насадил виноградник и обнес оградой, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился. И послал в свое время к виноградарям слугу – принять от виноградарей плодов из виноградника. Они же, схватив его, били, и отослали ни с чем. Опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем. И опять иного послал: и того убили; и многих других то били, то убивали. Имея же еще одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградарь сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство будет наше. И, схватив его,*

*убили и выбросили вон из виноградника. Что же сделает хозяин виноградника? – Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим. Неужели вы не читали сего в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла; это от Господа, и есть дивно в очах наших (Мк. 12, 1–11).*

Притча о винограднике – история человеческой души. «Некоторый человек», насадивший виноградник, – это наш Небесный Отец, Господь и Бог. Христос в другом месте Божественного Откровения так и называет Его: «Отец Мой – виноградарь» (Ин. 15, 1).

И вот, Небесный Отец наш садит во вселенной виноградник жизни. В этом громадном винограднике жизни основной Лозой насажден Сам Божественный Сын... А от этой Лозы идет бесконечное число черенков... Это – человеческие души... «Я есмь лоза, – так и говорит Христос про Себя, – а вы ветви» (Ин. 15, 5).

Так Божественный Отец Божественным Сыном садит виноградник жизни. И каждая человеческая душа есть Божественный сад, насажденный Небесным Отцом через Сына. От привития к плодоносной Лозе – Христу на утучненной пажити Церкви, питающей душу благодатными соками, в душе наливаются гроздьи жизни... И под Божиим благодатным окормлением душа распускается, как таинственный чарующий сад, с искрящимися, как цветы под солнцем жизни, способностями ума, с ароматными гроздьями бесконечно переливчатого чувства, с упругою волей, как упруга полнокровная сочность его плодов.

Так душа под Божиим благословением наливается жизнью и благоухает... и искрится... и сама полна жизни и от своей полноты дарит ее кругом.

Да, истинно, истинно, что человеческая душа по природе есть Божественный сад, лучший виноградник земли. Господь оградил душу оградой евангельского закона, чтоб ничто чуждое не могло вторгаться в Божественный сад и расхищать

его. И водрузил Господь в саде души сторожевую башню – совесть, в которой ходит неподкупный и неусыпный хранитель чистоты, правды и неприкосновенности души... И, наконец, сделал душу хранительницей всех плодов добра и даров благодати, чтоб была она сокровищницей, куда стекаются очистительные токи благодати и где блюдетя негибнущий клад жизни («выкопал точило»).

Насадил Господь сады души и роздал их людям для возделывания: обладайте, растите плоды, радуйтесь... Только помните, что а) сад души – Божий, и каждый человек только приставник к жизни души, рано или поздно, но неминуемо подлежащий отчету, и что б) возделывание Божия сада, рост души, плодоношение души и ее счастье – в Боге, ибо тут все – Божия стихия, от Бога насажденная и Богом питающаяся, и вне этой стихии для души только потеря, разложение, неудовлетворенность и страдание.

Господь роздал виноградники души, а Сам «отлучился». Это не значит, что раздачей садов жизни кончается Его промыслительная деятельность и Бог не вмешивается в человеческие жизни... Нет, напротив. Моментом отхода кончается творческая деятельность Господа и начинается Его промыслительное попечение о душе, идущее как бы извне.

А отход Господа означает, что человек, получивший сад жизни, уже сам возвращает его, сам творит спасение души. Ведь не развешивать же Господу по ветвям готовые плоды? Если бы Господь Сам вкладывал в человеческую душу плоды спасения, то спасение души совершалось бы автоматически, в нем не участвовала бы свободная человеческая воля и свободный труд человека, и оно потеряло бы всякий смысл, обратившись в произвольный (фантастический) процесс со стороны Бога.

Итак, Бог издали надзирает за жизнями, готовый во всякий момент оказать спасительную помощь, и предоставляет самому человеку сознательно выбирать лучшее для себя и сознательно искать и добиваться своего совершенствования.

Но это отсутствие ежедневного явного вмешательства Бога в человеческую жизнь, в силу злой воли человека, было обращено человеком в гибель для себя. Предаваясь ежедневно и ежечасно стихии зла, укрепляя ее в себе и делаясь ее послушным рабом, человек с каждым днем ослаблял связь со стихией неба, ослаблял ее в себе, тусклым умом затемнял ее ценность, утрачивал вкус и способность свободного хождения пред лицом Бога и ставил целью жизни вместо богоутверждения цель, более доступную человеческой ограниченности, – утверждение в жизни себя самого, т. е. утверждение самости. Происходил подмен в жизни Бога самостью. И он совершался тем легче, что на него толкало зло мира (сатана) и свое собственное внутреннее нажитое зло, которое развязывалось самостью и получало свободный разгул и удовлетворение. Человек, как продавшийся раб греха, ежедневно понукаемый злом, не испытывая ежедневных ударов от Бога, вообразил, что он сам и есть настоящий хозяин своей жизни... И, как приказчик, сбежавший с ценностями хозяина, он зажил легко и весело... и думал даже, что и разумно... «Душа – моя... жизнь – моя... Способности и силы жизни – мои... Я думал... я убежден... я хочу... я делаю... я стремлюсь... я достигаю... Все от меня и мое...» Бесконечное кружение в самости.

Ограниченные умы, маленькие задачи, мелкие цели себе по плечам – так и закружилась человеческая жизнь... А если к этому прибавить угар мнимого веселья, то и совсем человеку как будто хорошо: и сытно, и понятно, и весело... А если были в жизни удары судьбы, попытки промыслительной руки остановить зарвавшегося эгоиста и выправить жизнь, то они редко вразумляли человека... Чаше он объяснял неудачи жизни как свои ошибки или как борьбу против него других таких же эгоистов и еще больше закреплялся в позиции узкого себялюбивого самоутверждения.

Так Бог сбрасывается со счетов жизни. При самостоятельном утверждении жизни может ли быть Ему место в жизни, как силе, от которой всё, из которой всё и в которой всё? Конечно, нет! Богу нет места!

Но ведь из-за того, что зло прокралось в душу человека, не может же измениться природа существующего. Не перестанет же Бог быть Господином души. И не перестанет же душа, хотя бы инстинктом, сознавать, что ее природа – в Истине и Святости и что рано или поздно ей придется отдать отчет в согласовании своей жизни с Истиной и Святостью... Ведь этой природе вещей не может же изменить человек своим грехом. И эта природа так или иначе заявляет о себе, хотя бы и в редчайшие моменты жизни. И человеку, чтобы отделаться от этих совсем ему ненужных «просветлений» о его истинной сущности, чтобы обеспечить себе «легкое» проживание и кружение, надо как-то истребить в себе ненужные, надоедливые и мешающие его спокойствию напоминания о его назначении.

И вот, притча о винограднике рассказывает о нескольких этапах, проходимых душой ради подавления в себе света; этапах, заканчивающихся полным истреблением в себе стихии Бога, полным сознательным отрывом от Бога и смертью души. Притча рассказывает, как хозяин виноградника души – Бог посылает Своих слуг за плодами души. Кто эти слуги? Ангелы Господа. Ведь они и есть «служебнии дуси, в служение посылаемии за хотящих наследовати спасение» (Евр. 1, 14), т. е. они, Ангелы, по полномочию Господа, служат людям на их земном пути спасения. Виды этого служения разнообразны. И среди них есть собиране добрых дел спасающегося.

Откровение святого Иоанна Богослова упоминает об Ангелах, собирающих подвиги святых, когда рассказывает, что Престолу Господа предстоят Ангелы с чашами, полными молитв святых.

В каких формах происходит истребование Ангелом добрых дел человека?

Оно совершается в разнообразных формах влияний на человеческую жизнь, которые будят сознание и совесть и подсказывают человеку, что живет он неладно, что он вертится не только в пустоте, но и во зле и что нет в его жизни фундамента, нет добра. Все эти формы воздействия на

человеческую жизнь обобщаются в поднимающемся внутри человека голосе совести: «Не так живешь... исправься...».

Причем еще надо указать, согласно Божественному слову, что все воздействие на человеческую жизнь Ангела Божия как слуги промыслительного попечения Самого Бога о жизни происходит в наиболее благоприятные моменты жизни человека, когда, казалось бы, душе наиболее легко отозваться на Божественное напоминание и даже промыслительное вмешательство в жизнь человека.

Притча обозначает эту мысль словами: «послал [хозяин виноградника] в свое время к виноградарям слугу» (ст. 2). «В свое время», т. е. во время надлежащее, наиболее благоприятное.

И вот, когда в душу, в которой прочно возгнездилась самость – зло и в которой забыт Бог как Хозяин жизни, начинает проникать попечительное напоминание об ее долге, она сначала просто отмахивается от подобных неприятных напоминаний: то «ей нет времени заняться этим делом (раздумать о добром, о своем долге)», то «это ни к чему» и «так проживешь... живут же другие», а то «успеем еще... надумаемся и об этом, вот постарше будем...» Словом, человек гонит из себя всякое добро... Оно уж чуждое ему, и надоедливое, и неприятное... Человек то отмахнется, а то и приберет непрощенную гостью – истину: «Вот еще наставница выискалась... мы сами знаем Божественное...» И истина прогоняется из души ни с чем. «Они же [виноградари], схватив его [слугу], били, и отослали ни с чем» (ст. 3).

Таков первый этап истребления души. За ним приходит второй.

Учащающееся отмахивание души от Божиих зовов переходит в ожесточение души. Упреки совести уже начинают раздражать. Под влиянием раздражения на святое человек из состояния отмахивания переходит в нападение на него, чтобы подавить в себе всякие проблески истины.

Человек с ожесточением набрасывается на то, что было святым, что возглавляло его жизнь, и «камнями разбивает»

его. «Камнями», т. е. грубыми, тяжелыми бесформенными ударами, исходящими от своей животной природы, человек разбивает то нежное, великое, что было в глубине души, что освещало и возглавляло жизнь. И человек с цинизмом топчет святыню, с цинизмом бесчестит ее, как будто сила зла в нем боится этой святыни, как могущественной, и рада случаю животной лапой ударить ее, как бы мстя ей за свою низость, за свое внутреннее ничтожество и рабство.

Так раб в отсутствие господина бьет по вещам его. Так исполняется приточный образ: «Опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем» (ст. 4).

И после того душа опускается на следующую ступеньку своего истребления. Зовы совести глушатся... Святое совсем не допускается в душу. Оно затоптано и убито... Последний свет погас. Воцарилось и хозяйничает в человеке животное, звериное, и сам человек стал только животным и зверем. Пришло полное духовное закаменение.

Притча коротко обозначает этот этап упадка души: «И опять иного послал: и того убили» (ст. 5).

И притча сейчас же называет следующий и длительный период душевной жизни, когда в душе, освободившейся от сторожевой башни – совести, разворачивается бесшабашный, ничем не сдерживаемый разгул зла.

Зло, воцарившееся внутри человека, должно же удовлетворять себя. И оно хозяйничает вовсю. Человек – жалкий и послушный раб его. И в угаре кружения, ничего уже не замечая, полный тьмы и мрака разложения, человек (да уж человек ли?) стремительно летит к пропасти, к своей последней точке.

Это – период прогрессирующего распада души. Образный язык притчи коротко и выразительно изображает его словами: «И многих других то били, то убивали» (ст. 5).

Наконец наступает и последний этап – «этап пропасти». Ему предшествует еще и последнее воздействие Промысла на человеческую душу. Это непременно какое-то разительное воздействие. Господь последний раз открывает гибнущей

душе Свои объятия... открывает, что ведь ради нее Он дал земле лучшее, единственное – Своего Сына и что любовь Бога Сына к падшему человеку способна покрыть все его преступления.

Господь в этот последний зов души как бы вновь посылает к ней и ради ее преступлений Своего Сына, чтобы простить и поднять человека.

В ответ на этот призыв любви душа, совсем уже утопающая в грехе, совершает последний акт своего падения: она убивает в себе Бога.

В этот момент жизни зло внушит своему рабу – человеку, что надо положить конец непрошеному вмешательству в его жизнь какой-то внешней силы, претендующей на руководящую роль в жизни. «Сила Бога? Нет никакого Бога! И Христос – миф! Какие еще тут властители и наследники моего внутреннего? Все прочее, кроме меня самого, – сказки обмана... Долой Бога!»

И последним натиском разнузданного ума и грязного сердца Бог объявляется несуществующим, жизнь неподотчетной Ему... и Бог выкидывается даже из мысли и сознания. «И, схватив его [Сына], убили и выбросили вон из виноградника» (ст. 8).

И как только закрылась на этот раз дверь виноградника, так одновременно кончилась его жизнь. Теперь зло воцарилось в душе безраздельно и властно. Со злом воцаряется одна тьма, разложение, гибель, смерть... Бога нет в винограднике – и пресекается источник жизни, потому что виноградник-то Божий и все в нем от Бога и Им существует... Нет Бога – и жизни в винограднике нет. Снято ограждение, повалена сторожевая башня, запустело, замусорилось и загнило точило...

И в бывшем саде души – смерть... Зло подточило питательные корни... Страсти высушили зелень... Облетели листья... и повеяло дыханием гнили... Жизни нет... Смерть.

Так при оставленности души Богом смерть неминуема. Это – неотвратимая логика...

«Придет [Господин и Хозяин] и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим» (ст. 9). Конечно, «отдаст другим», потому что здесь уж нет сада жизни... Он

вытоптан пороком и засох... И в душе мерзость запустения. В ней не только нет «Духа жизни», в ней даже блекнут естественные душевные способности... Блекнет разрушенный ум... Загнано на узкую зловонную тропку порока смердящее чувство... Жалко, жалко пресмыкается по земле бессильная, одряхлевшая воля...

Сад жизни насадится в новых душах, которые расположатся «при исходящих [Божиих] вод», где «лист его не отпадет» (Пс. 1, 3), где жизнь от Бога, с Ним, в Нем, к Нему... и где рост обилен, цветение пышно и «плод мног».

Господь закончил притчу словами ветхозаветного Писания. Они обращены и к тебе... Запомни их крепче. Они – общий вывод притчи.

«...Неужели вы не читали сего в Писании?» Зачем же вы забыли откровенную Истину, что «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (ст. 10)?.. Зачем же вы, неразумные, забываете, что краеугольный камень жизни – Бог... Как же обойтись без этого камня? Ведь рухнет все здание жизни, раз ты выкинешь из-под него фундамент! Неужели не ясно?

«Это – от Господа» (ст. 11). Это же закон жизни... Это неминуемо...

**116** *Они же [фарисеи], придя, говорят Ему [Христу]: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице, но истинно пути Божью учишь. Позволительно ли давать податъ кесарю или нет? давать ли нам или не давать? Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесарева. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему (Мк. 12, 14–17).*

Фарисеи предлагают Христу вопрос о коллизии (столкновении) обязанностей человека в отношении к земному устройению с его обязанностями к Божью устройению. Ссылаясь на то, что Христос учит «истинно пути Божию», фарисеи просят Его указать, как же им жить и поступать, какой путь предпочесть?

Так как очевидно, что Божий путь выше и предпочтительнее, то, следовательно, устройением мира надо пренебречь и не подчиняться ему, например, подати не платить? – так спрашивают фарисеи. Господь с разительной четкостью устраняет лукавую мысль: берет монету с изображением кесаря, заставляет искусителей признать, что монета кесарева, выпущена кесарем, и делает вывод: «Монета кесарева... вы ею пользуетесь в вашем земном устройении... так и соблюдайте это устройство... И раз в этом устройении есть подать, платите подати... Ведь вы же ее и будете платить кесаревыми деньгами. Так и отдавайте кесарю кесарево... В земном земное и отдавайте.

А Мое Царство другое... И Божий путь – путь души и ее спасения... И для него нужно другое, свое... Не думайте на нем загоразиваться земным устройением и складывать с себя ответственность за неисполнение этого пути. Нет, кесарево-то отдайте кесарю... А Богу само собою отдавайте Божие. Божие с вас всегда спросится... И исполнение земного не исключает исполнения Божия...»

Господь разграничивает земное устройство и Свое Царство. Человек по телу находится в земном устройении и необходимо подчинен ему в обслуживании своего тела, а Божие касается души и ее спасения: тут действует Божий закон во всей силе, и его обязательность ничуть не колеблется его зависимостью от земного закона. Божий закон для человека, живущего в земном устройении и подчиненного ему, но созидающего свое спасение, продолжает быть обязательным в каждой йоте. Божие – законное в Божием пути – ради Бога и делайте, не оправдываясь тем, что оно как будто несовместимо с земным устройением.

**117** *Потом пришли к Нему [Христу] саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его, говоря: Учитель! Моисей написал нам: если у кого умрет брат и оставит жену, а детей не оставит, то брат его пусть возьмет жену его и восстановит семя брату своему. Было семь братьев: первый взял жену и, умирая, не оставил детей. Взял ее второй и умер, и он не оставил детей; также и третий. Брали ее за себя семеро и не оставили детей. После всех умерла и жена. Итак, в воскресении, когда воскреснут, которого из них будет она женою? Ибо семеро имели ее женою. Иисус сказал им в ответ: этим ли приводитесь вы в заблуждение, не зная Писаний, ни силы Божией? Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах. А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Итак, вы весьма заблуждаетесь (Мк. 12, 18–27).*

Какое грубое мышление – о законах жизни Духа судить по жизни тела и о небесных порядках судить по ограниченному, а часто и грешным порядкам земли!

Так грубо мыслят саддукеи и думают, что правы, и с ехидством спрашивают Христа: чьей же женой будет по воскресении из мертвых женщина, имевшая при жизни семерых мужей? И Христос, прежде чем ответить саддукеям, отмечает изумительную грубость их мысли: «Этим ли приводитесь вы в заблуждение?» – т. е. неужели вы сами-то не видите всю несуразность своего недоумения?

Но... таков закон души, действительный доныне. Мысль – не только движение какой-то нервной энергии (это движение есть оболочка обнаружения мысли, а не самая мысль). Она есть отражение души. И если природа души возвышенна,

то будет возвышенна и человеческая мысль... А если душа подавляется плотностью, то человеческая мысль становится грубой и плотяной... И человек, сам того не замечая, мыслит грубо и плотяно.

Посмотри, как в жизни это подтверждается на каждом шагу... как по мере духовного упадка человека падает и материализуется его мысль, и все явления жизни мыслятся грубо и низменно. Так и должно быть: мысль – отражение души. И при падшей душе явления духа начинают мыслиться низменно.

А так как с упадком духа соединено огрубение и ожесточение совести, то низменная мысль еще окрашивается насмешкой и злобой против того, что теперь по своему уровню уже не подходит к упавшей душе и совсем непонятно ей.

Вот почему так грубо мыслят саддукеи и почему с насмешкой спрашивают о будущей жизни. Им чуждо и непонятно все высокое души. Они грубо извращают представление о нем приспособительно к уровню своего морального состояния и, как бы мстя за утрату своей высоты и способности понимания ее, пускают в ход насмешку и злобу.

Поправляя саддукеев, Господь указывает, что́ нужно для правильного суждения о явлениях Духа и, в частности, о будущей жизни, о чем спрашивали саддукеи.

Господь говорит, что для этого, во-первых, нужно знание Божественного Откровения («Писания»). В Божием Откровении сообщено человеку то необходимое, что не может открыть ему опыт, но что ему нужно для разумной жизни.

Но одного знания «Писаний» мало. Надо, во-вторых, иметь в себе «силу Божию», которая открыла бы глаза души и дала бы возможность понять, сделать живыми слова жизни, а то ведь люди с низменной и закрытой душой, по слову Божию, «очи имут, и не разумеют, уши имут, и не слышат».

Судить же о явлениях души человеку, не просвещенному Духом, равносильно тому, как если бы неграмотный человек стал объяснять новейшие открытия в области электричества. По существу, так и бывает при вмешательствах в богооткровенную область умов, не просвещенных Божией

силой. Их суждения – низменно грубы, а вместо доказательств выдвигаются насмешка и злоба. Так было и у саддукеев.

Первая истина вечности состоит в том, что человеческий дух бессмертен и вечен, как бессмертен и вечен Бог – Источник всякой жизни, и в том числе Источник жизни человеческой души. И как не умирает жизнь, так, очевидно, вечно будет жив ее источник и все рожденное и питаемое им. Это – аксиома. И как человеческая душа заключает в себе частицу этого вечного источника жизни, то и она этой частью вечности приобщена к вечности.

Господь и говорит: «Бог в Аврааме, в Исааке, в Иакове»... Бог жизни, не умирающий, и Он в них, и они не умерли... Бог не смерть... Бог – Жизнь, и где Он, там вечность и бессмертная жизнь: «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых» (ст. 27).

Итак, неумирание, бессмертие человеческой души – тоже аксиома. И очень понятная даже естественному сознанию: если не уничтожима тленная, разлагающаяся, постоянно превратная материя, то как же может быть уничтожен дух, неизменный и непревратный?

И вторая истина вечности открыта Господом, истина о том, что Царство будущего, как освобожденное от земли, тела и тления, будет Царством чистого бессмертного Духа и что как таковое оно совсем отлично от земли с ее порядками и будет подобно Царству бесплотных Ангелов.

Значит, мы ничего не можем знать об этом Царстве, кроме открытого в Божественном слове, и все человеческие представления о нем, переносимые с земных явлений, конечно, безосновательны, а смелое навязывание Царству вечности узко ограниченных и превратных представлений просто кощунственно.

Для верующей же души в открытом Господом Царстве будущего – вся полнота: хочешь быть с Господом, береги в себе частицу Божественного Духа... С ней ты бессмертен... и откроется тебе, после смерти тела, вечность... и в мире Ангелов, уготованном тебе, конечно, ты будешь «блажен во всем», т. е. вкусишь бесконечного счастья.

**118** *Один из книжников... подошел [ко Христу] и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет. Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв. Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия (Мк. 12, 28–34).*

Здесь Господь указал две опоры жизни... И они обнимают всю жизнь в целом... Одна из них дает теоретическое (метафизическое) обоснование жизни, другая указывает практическое, жизненное приложение первого обоснования... А обе в целом, как два якоря и два столпа жизни, и крепят ее на незыблемом фундаменте, и поднимают ее от ничтожества земной пыли до захватывающей высоты неба, и дают ей исчерпывающее наполнение до полноты ее завершения в вечности.

Вот теоретическое (метафизическое) обоснование жизни: Источник жизни – Бог. «Господь наш есть Господь единый». И нет иного (источника жизни), кроме Него. Все от Него, и все в Нем... И, конечно, и человек от Него... И, конечно, жив будет человек только в Нем... А потому будь Его частью вовеки! И, как Его часть, живущая только в Нем и Им, влейся в Него всем существом. Полюби Его так, как только способен смертный, до самозабвения... Уйди в Него всем сердцем, всем разумением, всею крепостью твоею... Как в любви, отдайся Ему до полного истребления себя... Чтоб тебя уже не было... А ты жил Им и в Нем, а Он жил в тебе...

Таков первый якорь и обоснование жизни. Им определяется место человеческой жизни во вселенной. Твоя жизнь есть часть Божественной жизни. И оправдание твоей жизни, как и оправдание жизни всей вселенной, – в устремленности к Источнику жизни – Богу, в восприятии от Него всей полноты жизни и в завершении жизни через слияние с Ним.

Господь указывает и второй якорь жизни и им определяет, каково должно быть практическое построение человеческой жизни.

Если всякая жизнь есть творение Бога и в человеческий дух вдунута частица Божественного Духа, то, значит, над жизнью, окружающей человека, тяготеет промыслительная Божия рука, а люди, окружающие человека, – такие же носители частиц Божественной жизни.

И, значит, если всем устремлением человеческой жизни, всей любовью человека должен быть Бог, то где бы и в чем бы ни было присутствие Бога, на то же обращается и человеческая любовь, т. е. человек должен отдать свою как бы отраженную любовь и всем созданиям Бога, человек должен любить других людей, окружающих, ближних.

И мало того. Так как Бог в Своем существе не являем человеку и Он открывается для человека только в Своих созданиях, как, например, в других людях, то и проявление человеческой любви к Богу более осязаемо в любви к людям.

Вот почему в другом месте Божественного Откровения любовь к ближнему выдвигается даже на первый план жизни и ставится показателем и меркой самой любви к Богу.

«Бога никто никогда не видел, – пишет св. евангелист Иоанн. – Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает... Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. ...Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» И Апостол заканчивает свое наставление повторением евангельских слов: «И мы имеем от Него [Бога] такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1 Ин. 4, 12, 16, 20–21).

Так любовь к ближнему объявляется вторым столпом жизни и по своей практической осязаемости делается мерилom самой любви к Богу. Образуется замкнутый круг. Божия любовь изливается в мире и человеческом духе. Человеческий дух, рожденный от этой любви, в свою очередь восходит к своему Источнику – Богу через земные лучи Бога, рассыпанные в людских душах... И человек через свою любовь к этим душам и через Божественные лучи в них восходит к их небесному центру – Богу.

Указав две опоры жизни, Божественное слово определяет условия их действенности; оно определяет, как надо любить Бога и ближних, чтобы эта любовь принесла плод.

Любить Бога заповедуется «всем сердцем твоим, и всею душою своею, и всем разумением твоим, и всею крепостию своею».

Сердце – центр душевной жизни. Следовательно, требуется, чтобы устремленность к Богу была не поверхностной, а чтобы самая глубина глубин души была повернута к Источнику жизни и устремилась к Нему. А когда обращенность к Богу пойдет из глубины души человека, она, конечно, обхватит, как всепожирающее пламя, всю душу и все способности ее, всё «разумение» ее.

Но Господне слово не довольствуется и таким, казалось бы, исчерпывающим определением любви к Богу. Оно добавляет и еще одну характерную черту: полюби Бога «всею крепостию своею», т. е. всю силу жизни, как будто даже силу тела, всю силу физической жизни ты брось в эту любовь, чтобы уж ни один атом твоей жизни не остался недействительным, а все живое в тебе, все без остатка, ринулось бы в стихию твоей полноты, удовлетворения, блаженства! Вот так полюби!..

Указывается и условие действенности любви к ближним.

«Возлюби ближнего, как самого себя...» В добавлении «как самого себя» ставится контроль твоей любви. Чтоб твоя любовь не оказалась бесплодной, мертвой, оторванной от жизни, чтоб она не оказалась самоусладительным постро-

нием, рассчитанным на то, что вне тебя, ты всякое дело любви применяй к себе: хорошо было бы такое дело для тебя и ради тебя или нет?

Это – идеальный контроль. Он стоит в неразрывной связи с твоим внутренним существом, совершенно соответствует ему и, как зеркало, отражает его. При нем моральный уровень твоего дела, обращенного к ближнему, падает или растет вместе с тобой самим. И по мере твоего духовного роста поднимается твое дело любви...

И когда ты в своем внутреннем росте дойдешь до совершенной любви к себе, а совершенная любовь к себе в христианстве есть – «отвергнись себя», возненавидь себя и погуби себя (см.: Мк. 8, 34–35), тогда ты сумеешь и другого полюбить совершенно, т. е. до самоотвержения.

Вот почему в другой раз Христос и ставит пределом любви любовь до смерти. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). И заповедь о любви до смерти ничуть не противоречит заповеди о любви к ближнему, как к самому себе. В них – единство и замкнутый круг: ты познаешь и полюбишь ближнего через себя; и когда ты себя поймешь до отвержения себя, только тогда ты сумеешь полюбить до самоотвержения и другого.

Указывается и еще одно условие действенности заповедей, а именно: чтобы человек сделал их действительным обоснованием жизни, т. е. выдвинул их на первый план своего построения жизни и не вздумал бы возводить какие-либо иные надуманные опоры жизни. В них (этих заповедях) дано все. В них – «весь закон и пророки». И не затемняй их ничем, и не загромождай другой обманчивой декорацией жизни. Даже ради самого служения Богу не придумывай ничего затемняющего и отодвигающего заповеди любви, потому что исполнение их «выше всех всесождений и жертв».

Значит, как в служении Богу держи на первом месте любовь, обращенность, устремленность к Нему всей душой и, помимо любви, не думай оправдаться чем-либо внешним, всяческими «всесождениями», так и во всей остальной

практической жизни держи любовь к Отцу и братьям в Отце в первом поле твоего зрения. Имей эту любовь первой задачей жизни и ее основанием, столпом и опорой. И тоже не вздумай подменить ее или затушевать и оттеснить какими-либо другими задачами и подпереть жизнь другими опорами, как бы они ни казались тебе разумными и надежными, даже если б они рисовались тебе «жертвами». Такая подмена будет пустым делом. Все твои опоры, помимо этих двух якорей, будут гнилы, и оправдание жизни, помимо их, будет обманом.

Такой обман может временно держаться и, пожалуй, даже (особенно, как твоя «жертва») будет тешить тебя, но истинная сущность вещей рано или поздно вскроется, фальшивая опора рухнет, и обманчивая декорация жизни рассыплется, как жалкенькая, ветхая размалеванная тряпка. И это потому, что нет другого фундамента жизни, как стихия любви, и попытка заменить этот фундамент или оттеснить его и поставить иные мнимо разумные опоры жизни означает безнадежные потуги построить здание жизни на воздухе... Брось такое негодное дело... Рухнет... И тебя-то самого задавит...

Наконец, Божественное слово раскрывает причину, по которой заповеди о любви к Богу и ближнему ставятся фундаментом жизни.

Соблюдение этих заповедей обеспечивает оправдание жизни. Вот причина!

Книжник, беседовавший со Христом, принимает эти заповеди и, видимо, имеет готовность жизненно следовать им. Он заверяет Христа, что, по его сознанию, эти заповеди — центр закона и жизни и что они выше всего прочего, выше «всех всесожжений и жертв». И вот, Господь на такое заявление книжника отвечает ему: «Недалеко ты от Царствия Божия» (ст. 34). А ведь книжник даже не был учеником Христа!..

Вот где причина значимости любви... Это — путь к Царству... путь к Царству Божию даже для неидущих за Христом в данный момент.

И это истинно! Когда человек сделал Бога источником всей своей жизни, когда к Небесному Отцу обращена вся сила жизни, когда к Нему идет каждый вздох и Им направляется каждый шаг, когда в свете такого обращения к Отцу человек понял себя и других, как призываемых детей Божиих, а обернувшись на себя, ужаснулся своего безобразия, тогда, конечно, он всем сердцем прилепится к Отцу, бросится прочь от себя до ненависти к себе и погубления себя и, хоть ощупью, поползет к Отцу... Куда? Да куда же может ринуться человек при таком понимании жизни, кроме света Отца! Он поползет в свет Отца, к Его Царству...

И когда ему, бессильному, слепому, заблудшему, мелькнет свет Христа, выводящий на светлую дорогу Царства, тогда со всем захватом души он примет Руку Спасителя и тогда-то он неминуемо войдет в Божие Царство.

*119* Продолжая учить в храме, Иисус говорил: как говорят книжники, что Христос есть Сын Давидов? Ибо сам Давид сказал Духом Святым: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня... Итак, сам Давид называет Его Господом: как же Он Сын ему? И множество народа слушало Его с улаждением (Мк. 12, 35–37).

Во все века «книжники» ставили вопрос о Христе и разрешали его в духе иерусалимских книжников. Во все века маленькая мысль маленьких «книжников» всё добивалась «разумно», критически подойти ко Христу и раскрыть, разоблачить до конца «загадку» о Христе. Во все века человеческий умик изощрялся сделать новенькое картонное построение, которое бы в корне изничтожило почитание Христа.

Каждая эпоха и всякий представитель ее из «книжников» подходил к задаче разрушения Христа как Бога со своей меркой. Это была условная, крайне ограниченная мерка данного отрезка времени, мерка господствующих взглядов и даже настроений, мерка направления науки, философии, и во всех случаях это была «кривая мерка» личного морального уровня «книжника».

И чем невежественнее и морально ниже был «книжник», тем безудержнее и бесшабашнее ползла вверх линия «разумного» понимания Христа. И всякий из «книжников» тужился войти в великаны. Всякий, ухватившись за какую-нибудь мысль, строил целую разрушительную теорию, в которой ничтожная часть материала о Христе подгонялась под новую «гениальную» мыслишку, а большая часть данных о Христе откидывалась как источник неподлинный и негодный...

С победоносным видом каждый строил из себя неуязвимого победителя, разоблачившего все тайны и пролившего человечеству благодетельный свет истины. Каждый, захлебываясь, повторял своим «открытием»: «Ведь это же наука... Это логика... ну, что осталось от вашего Христа?»

Жалкая человеческая мысль! Совсем не видела она, что если у наиболее умных и честных «книжников» и была какая-то логика и правда, так это была логика и правда мышинного угла, логика натуживающейся лягушки и правда муравья, схватившего соринку и мнящего себя с ней богачом.

Жалкая человеческая мысль! Бессильна она подняться до логики вселенской и бессильна она понять правду жизни. Так и путается она в кучах своих маленьких правд, иногда фантастичных и надуманных, а иногда и подленьких.

Христос долготерпелив, и долготерпеливо вечное христианство.

За многовековое блуждание чего-чего ни плела на них человеческая ограниченность. Христос – то пророк, то гуманный учитель нравственности, то иудейский бунтарь против римлян... и еще, еще вариации без конца... а в заключение: Христос – миф... Его никогда не существовало...

В христианстве передергивалось каждое явление и каждый шаг жизни, подгонялось к той или иной предвзятой теории, бравшейся объяснить новое «открытие».

В Евангелиях перевертывалось всякое слово... С уничтожающим видом отделяли «заимствованное», отбрасывали «противоречивое», устраняли «фантастичное», зачеркивали «позднейшее», обходили «сомнительное»... Запутывались

в простом и ясном и дошли до банкротного утверждения: «Нет ничего достоверного, и ничего мы сказать не можем».

И вот, при всей этой мышиною возне остается неумирающим, вечно правдивым евангельское слово, сопровождающее рассказ о потугах книжников «разоблачить» Христа: «и множество народа слушало Его с услаждением» (ст. 37).

Тут мышинная возня с донкихотским самомнением и «сокрушением основ», а Христос стоит всегда величавый, вечно живой и дающий жизнь, всегда обаятельный, зовущий, всегда выше мира и всегда близкий сердцу, готовый всем все простить и обласкать.

Христос несокрушимо стоит у мира, вечно бессмертный Источник одной правды и света... Он стоит у мира как Источник всякой жизни, как зовущий и любящий Отец и вместе как нелюбимый Судия.

И донныне верно слово: «слушали Его с услаждением». Донныне и вечно чистые души будут тянуться к Нему... Они льнут к Нему в радости и горе, потому что земля не может вместить большой радости и утешить горя. А Он один даст успокоение душе и счастье.

Тут мышинная возня... А Христос стоит и будет стоять вечно бессмертный, влекущий.

Ну, сам подумай... Что же это значит? Что значит, что при всех сокрушительных «наскоках» книжников, рассеивающих христианство «в прах», Христос величаво стоит, и чистые души льнут к Нему и готовы с услаждением слушать Его всю беспредельную вечность?!

**120** *И говорил им [Господь народу] в учении Своем: остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах, – сии, посядающие дома вдов и напоказ долго молящиеся, примут тяжчайшее осуждение (Мк. 12, 38–40).*

Господь предостерегает от книжников, бывших учителями закона, и изрекает книжникам «тягчайшее осуждение». За что? За длинные одежды? За первое место в синагогах? За первые места на пиршествах? Конечно, не за это само по себе, а за лицемерие. Их внешность не соответствовала внутреннему... в них все было показным... даже молитва: «напоказ долго молящиеся». Значит, длинная одежда, председательство в синагогах, предложение на пиршествах осуждаются как показатели лицемерного тщеславия.

Падает ли осуждение на самый закон, представителями которого были книжники? Нисколько. Закон ничего не теряет в своей святости и ценности для жизни, если его провозвестниками на земле оказываются люди негодные, тщеславные и лицемерные. Закон – сам по себе, а служители его – сами по себе... Закон Бога остается вечно святым законом Бога, а негодные служители закона понесут тягчайшее осуждение, как рабы, знавшие волю Господина и не сотворившие ее... Они будут «биены много».

В Евангелии от Матфея, где подробно рассказана беседа осуждения книжников, отчетливо приводятся слова Христа, которыми Он разграничивает учение закона, возвещавшееся книжниками, от самих книжников. Первое – свято, и закон должен быть исполнен, а самих негодных проповедников закона следует остерегаться. «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать [по закону], соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте...» (Мф. 23, 2–3).

***121** И сел Иисус против сокровищницы [храма] и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Придя же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего,*

*а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое* (Мк. 12, 41–44).

Образ бедной вдовы, опустившей в кружку две лепты и похвальной Христом больше всех других жертвователей, – опять классический образ. Он прост и ясен. В нем похвалится качество дела веры и любви сравнительно с количеством, т. е. с наружным выражением этого дела.

Но дело вдовы значительнее, чем оно обычно представляется, и слова Христа глубже только похваления качества доброго дела.

Вдова была бедной, и она положила в сокровищницу ничтожную сумму. И, однако, Господь выделяет вдову из всех жертвователей. Но, выделяя вдову, Господь обозначает великость ее дара не тем, что она дала один кодрант из двух, скажем к примеру, которые она имела, т. е. не тем, что она отдала Богу половину того, что имела, и не тем обозначается великость дара вдовы, что она положила две лепты от всего сердца, а похвалится вдова и ее дар за то, что она «положила всё, что имела, всё пропитание свое» (ст. 44).

Пойми это: «положила всё, что имела, всё пропитание свое».

Вот какой дар похвывается! Вот каково должно быть качество дара! Вот каково должно быть участие сердца! Похвывается такая обращенность к Богу, такая вера в Господа и такой дар веры, при которых человек совсем о себе забывает...

Пошел к Богу и всё Ему понес, а о себе даже не знает, что он сегодня есть будет, да и будет ли, потому что ничего нет у человека!

Пошел человек к Богу, и ничего для него уже не существует... себя самого не существует...

Вот евангельский пример безраздельной отдачи себя Богу, когда между душой и Богом нет даже тени земли. Вот пример веры и любви до самоотвержения, самозабвения.

Понятно, что при такой обращенности и при такой вере и любви всякий дар человеческой души, как бы он ни был ничтожен внешним исчислением, перевесит все другие,

потому что тут в жертву веры и любви принесена вся человеческая жизнь.

Вот о какой вере, любви и даре идет речь в рассказе о двух лептах вдовицы. И ты, если захочешь измерять малость или великость своих даров Богу и ради Бога, измерь их степенью отдачи себя Богу по вере и любви к Нему и степенью отказа от себя, степенью самозабвения в служении Богу.

Вот почему в другой раз Господь и заповедует принесшему дар к алтарю и вспомнившему, что его брат имеет что-либо против него, оставить дар у алтаря и прежде пойти и примириться с братом, а потом уж принести Господу свой дар. Заповедуется так потому, чтобы освободить принесшего дар от всякой тяготы земли, от всяких его «долгов» на земле, связывающих его с землей, чтобы, таким образом, ему свободнее было оторваться со своим даром от земли и даже от себя самого. Сила дара – в оторванности души от земли и в устремленности ко Христу, когда она не только дар, а себя самое готова каждый миг отдать Христу.

Вот так понимай рассказ о вдовице.

*122 И когда выходил Он [Христос] из храма, говорит Ему один из учеников Его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания! Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? всё это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне (Мк. 13, 1–2).*

13-я глава Евангелия святого Марка почти вся целиком является одним знаменательным образом. В ней Господь предрекает близкую гибель Иерусалима и в картине этой гибели дает образ грядущего конца мира.

«Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!» Ученики удивляются и восхищаются величавой твердыней Иерусалимского храма.

Здесь слышится голос сынов земли, упоенных материальной культурой, созданной человеком. «Какие камни!.. Какие здания!» Как настойчиво использована природа и ее

силы! Использована поверхность земли, и ее недра, и ее воздух... И камни, и металл, и твердое, и сыплющееся, и льющееся, и газообразное, и растущее, и движущееся, и летающее – все, кажется, использовано человеком в своих целях... «И какие здания!» И какие только сооружения не затеяны человеком. Кажется, весь земной шар окутан паутиной проволоки и окован железом! Изборождена поверхность... тронуты глубины... изборождены воды... Скоро тесно станет и в воздухе...

И сыны земли и удивлены, и восхищены... Внешнее пленило человеческий глаз. Нагромождение земного заслонило и вытеснило все иное, неземное... И нагромождение камней и железа надломило маленький человеческий ум! «Посмотри, что я сделал! Не я ли творец и распорядитель всех вещей на земле?!»

«Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? всё это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне»...

Видишь ли все это паутинное нагромождение внешней культуры, опутавшее всю землю? В одно мгновение, как свивается паутина, долго и искусно тканая пауком, в одно мгновение все изничтожится так, что от кичливой постройки земли не останется камня на камне!

Такова судьба того, чем ты загордился и чем опутался... Все твоё нагромождение оказывается жалким ничтожеством!

**123** *И когда Он [Господь] сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей: скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда всё сие должно совершиться? Отвечая им, Иисус начал говорить... (Мк. 13, 3–5).*

О последних судьбах мира Господь говорит только избранным. Все не поймут... Все так закружились... так затканы паутиной... так заставились обманчивыми декорациями жизни... так восхищены величием и красотой воздвигаемых камней, что где же им увидеть свое копошение в земной пыли и где же уразуметь муравьиность своей возни?!

А избранных Он поднимает с Собой на гору и ставит их ум и душу выше нагромождений из земной пыли, чтобы кругозор их был светел и просторен, душа поднялась над кучами камня и глаз видел жизнь шире и глубже.

И избранным «наедине», чтобы и их не давил грохот торжествующего камня, лязг шумливого железа и победный вой слуг – рабов железа и камня, избранным, тем, кто способен понять, открывает судьбу нагроможденных камней.

*124* И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие (Мк. 13, 10).

Человечеству, соблазняющемуся новыми богами, кичливо выдвигаемыми взамен смиренного Христа Господня, не будет оправдания. Ему открыт Свет, чтобы не сбиться с пути... Ему дана Божественная Правда, чтобы не обмануться фальсифицированной правдой... Проповедь вечного Евангелия пройдет через всю вселенную и все народы, чтобы никому не было оправдания, что он не просвещен и не знал Истины и по неведению и неразумению поддался соблазну. Возможность прикрыться перед Божией Правдой этой обманчивой отговоркой будет отнята.

«Если бы Я не пришел и не говорил им [через Святое Евангелие], то не имели бы греха [не следуя Евангелию]: а теперь не имеют извинения во грехе своем» (Ин. 15, 22).

*125* Через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков. И искали первосвященники и книжники, как бы взять Его хитростью и убить... (Мк. 14, 1).

Бога в душе можно взять и убить только хитростью. Когда душа чиста и ее жизнь не испорчена, в ней настолько же естественно сознание и ощущение Бога, насколько естественно все нормальные, природные процессы ее жизни. Ведь сознание и ощущение Бога в чистой душе врожденны... И как часть тяготеет к целому, как сродное стремится к сродному, как сын тяготеет к отцу, так точно душа не может оторваться от сознания Бога и тяготения к Нему.

И потому, чтобы изничтожить Бога в душе, надо предварительно ввести в жизнь души какой-то обман и хитрость, которые бы перетасовали все природные устремления души, замели следы ее истинной сущности и подсунули душе какую-то фиктивную правду о ней самой и о правде ее жизни.

Это и делают все призрачные построения жизни вне Бога, а помогает этому грех, просачивающийся в душу, мертвящий ее и развязывающий в душе стихию зла взамен стихии обращенности к Богу и связанности с Богом.

«Спасение душ наших, Господи, слава Тебе!» (Великий Понедельник, утренняя стихира на стиховне).

14-я и 15-я главы Святого Евангелия от Марка рассказывают о событиях последнего дня земной жизни Господа: о том, как предали Христа, о суде над Ним, об осуждении Его, о страданиях, крестном пути, распятии, смерти и погребении.

Все эти моменты великого дня Пятницы настолько сильны и значительны, что пред величием их ничтожно всякое человеческое слово. Все они, конечно, являются недостижимо высоким образом тягчайших и безвинных страданий, понесенных Христом ради любви к людям. И этот образ был, есть и будет могучей силой для земных страдальцев во имя Христа!

Не этот ли образ воодушевлял Апостолов, давал силу мученикам и делал легкими подвиги преподобных?! Не он ли во все века был зовущим образом на подвиг веры?! Не он ли укреплял ослабевающие руки в борьбе со злом и грехом жизни?! Не он ли утишал всякую слезу?!

И образ страдающего Христа останется вечным, недостижимым идеалом каждого христианского страдальца. Покоряющая сила этого образа близка каждой христианской душе. Она навеивается всяким словом евангельского рассказа и глубоко впечатлевается в сердце. Покоряющая сила этого образа навеивается евангельским рассказом и его прямым историческим смыслом.

Настоящее слово не касается исторической стороны рассказа о страданиях и смерти Господа, и ты не ищи в последующем изложении исчерпывающего раскрытия текста 14-й и 15-й глав.

В соответствии со всем содержанием «образов» ты видел в историческом тексте лишь ту сторону, которая в ее переносном понимании может быть одновременно начертанием подвижнического пути всякого земного подвижника.

Итак, читай последующие разделы, имея в виду эту ограниченную задачу. Но при чтении каждого раздела восполняй и одушевляй читаемое представлением целостного Первообраза Крестоносца Христа, как этот образ дается всем объемом евангельского текста.

*126* ...Но говорили [первосвященники и книжники]: только не в праздник [надо взять обманом Христа], чтобы не произошло возмущения в народе (Мк. 14, 2).

Конечно, убить Бога в душе можно не в праздник души, когда в душе светло и ясно и когда душа празднично ликует в общении и жизни с Отцом и Богом... А убийство Бога в душе совершается в мрачные будни души, в которые вгонит ее грех и падение.

В мрачные будни души, когда порвана связь со Светом, когда затеривается правда пути, а зло подсказывает как будто облегченный и приятный путь лжи, тогда подсунуть душе фальшивку жизни легче, тогда она (фальшивка) скорее сойдет за подкрашенную правду.

«Просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя!» (Великий Понедельник, ексапостиларий на утрени).

*127* И когда был Он [Христос] в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, – пришла женщина с алавастровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного и, разбив сосуд, возлила Ему на голову. Некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата мира? Ибо можно было бы продать его более нежели за триста динариев и раздать нищим. И роптали на нее. Но Иисус сказал: оставьте ее; что ее сму-

*щаете? Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете. Она сделала, что́ могла: предварила помазать тело Мое к погребению (Мк. 14, 3–8).*

Снова голос земли и снова попытка подменить Божеское человеческим! Опять выдвигается земное и видимое взамен неосязаемого, но полноценного.

Женщина по вере и любви ко Христу приносит Ему жертвенный дар. А земля считает: «Практично ли это? К чему сия трата мира?» И земля сейчас же прикрывается благодвидным предлогом: «нищие»... «Не лучше ли продать миро и раздать деньги нищим?»

Христос восстанавливает значение ценностей.

Нищие и благотворительность им – это хорошо. И нищие около вас, и вы всегда можете оказать им добро.

Но вот всегда ли с душой Бог? А ведь когда не будет с душой Бога, захотите ли вы откликнуться нищим? Значит, умна ли ваша забота о нищих, когда вы своей земной практичностью и служением земным целям рушите фундамент забот о добре?

Вывод отсюда ясен. Все, что касается твоих дел, непосредственно обращенных к Богу и делаемых ради Него и по Его закону, как то: подвига, насилия над собой, очищения сердца, молитвы, поста, жертв, – все то совершай прежде всего и не загораживай этого никакими земными целями, как бы они ни были высоки и согласны с Христовым законом. И это потому, что ты строишь Божеский фундамент души, и когда он будет прочен, на нем уже легко построится все нужное, прикладное, что потребует Божеский закон.

А без Божеского фундамента в душе все внешнее построение жизни (хотя бы и основанное на разумном и добром, например та же помощь нищим) будет висеть в воздухе, предоставленное случайностям человеческих взглядов, настроений, человеческого душевного состояния.

А потому носи Самому Христу драгоценнейшее миро твоей веры и любви... Раскрой дорогой сосуд твоей души

и пролей из него всю ароматную влагу, насыщенную устремленностью к Господу...

Не измеряй глубины искания... Не считай ценность жертв. Ты приобрел бесценное: с тобой Господь... Это драгоценнее всего... А когда будет с тобой Христос, ты с легкостью отдашь должное нищим.

«Очисти, Господи, скверну души моя и спаси мя, яко Человеколюбец» (Великий Вторник, утренняя стихира на хвалитех).

***128** И пошел Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им. Они же, услышав, обрадовались, и обещали дать ему сребренники (Мк. 14, 10–11).*

Это обычная человеческая история, что Христос продается из души «за сребренники».

«За сребренники», за материальные блага, за удобства жизни, за боязнь лишений, из-за кичливого нежелания расстаться с самостью вытесняется из души Бог.

Конечно, продажа совершается не как явная сделка (хотя бывает и это), чаще она представляет из себя длительный процесс компромиссов. Но всегда в основе всякого компромисса лежит предпочтение «сребренников», т. е. материального духовному.

А потому рассуди: всякая измена Богу разве не будет предательством Его?

«Слава снисхождению Твоему, Человеколюбче!» (Великий Пяток, вечерняя стихира на стиховне).

***129** ...Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы тому человеку не родиться (Мк. 14, 21).*

Конечно, горе предателю... Горе всякому изменяющему Христу и предающему Его из души своей, потому что он предаст «Источник живой воды», опустошает зелень и жизнь души и обращает ее в мертвую пустыню.

Горе предателю! Горе изменнику. Лучше бы ему не родиться, потому что конец его – злая смерть. Это хуже небытия... Небытие – это несуществование. А смерть во зле обрекает душу на вечность во зле, иначе – на вечное страдание. Лучше бы не родиться человеку зла.

«Иже о всех благий, Господи, слава Тебе!» (Великий Четверток, тропарь на утрени).

**130** *И, воспев, пошли на гору Елеонскую* (Мк. 14, 26).

Елеонская гора – гора молитвы и молитвенного восхищения.

Господь с учениками восходит на нее «воспевши», т. е. в духовной бодрости. И вот, эта гора делается Господом начальным пунктом собственно крестного пути.

Тут два назидательных образа подвижнического конца.

Первый в том, что крестный путь начинается на горе. Это значит, что Господь ставит на него только избранных, прошедших низину земли, оставивших землю сзади себя и поднявшихся выше земли, поработивших ее и возвысившихся над ней.

И второй образ в том, что путь креста неразрывен с молитвенным восхищением. В молитвенной восхищенности подвижник вступает на него «воспевши», т. е. в бодрости, в радости, в ликовании молитвенных песней.

«Тоя [радости] достойна мя сотвори, Спасе, заблудившаго, великия ради Твоя милости» (Великий Вторник, утренняя стихира на стиховне).

**131** *И говорит им [ученикам] Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы* (Мк. 14, 27).

Ночь – время тьмы и всяких обманов. Ночью встают призраки... И ночью, когда нет света, ширятся дела тьмы...

Так и в духовную ночь предательства и измены Богу тьма покрывает человеческую душу. И в жизни человека уж начинают господствовать призраки и воцаряются дела тьмы... Тогда изымается из жизни опора, человек чувствует, что нет

прочности в жизни, и в нем развивается малодушие пред лицом неизвестного и мрачного.

А в состоянии малодушия, в состоянии духовной прострации от потери духовной опоры жизни где же человеку противодействовать всяким соблазнам тьмы, надвигающимся на него ночью?!

В человеке уж нет и тени мужества, и когда Свет и Бог заволакиваются тьмой, человек бессилён противоборствовать ей, так как нет у него в душе прочной опоры, и поэтому «соблазны» тьмы одерживают легкую победу и господствуют.

«Все вы соблазнитесь о Мне» в эту ночь предательства Бога, ночь тьмы, обмана и господства призраков.

И исполняется пророческое слово: «Поражу пастыря, и рассеются овцы». Поражается в душе Пастырь и Вождь – Бог, и овца-душа заблудится и погибнет на распутьях жизни.

«Владыко, десным овцам мя сопричти, прегрешений презрев моих множества» (Великий Вторник, 9-я песнь канона на утрени).

*132* *Петр сказал Ему [Христу]: если и все соблазняются, но не я. И говорит ему Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь ...трижды отречешься от Меня. Но он еще с большим усилием говорил: хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. То́ же и все говорили (Мк. 14, 29–31).*

Ученики любят Господа... А Петр пламенеет к Нему любовью...

Сколько раз он являл свою любовь? А разве все они не были искренни, когда говорили о смерти за Него и с Ним? И разве в действительности большинство их не отдало за Него своей жизни?

И, однако, в ответ на заявление Петра и учеников Господь предрекает отречение Петра! Так обнажается человеческая самонадеянность.

Так в христианском пути жизни силу и устойчивость подвига гарантирует не человеческое желание, как бы оно ни было захватывающе велико и искренне, а Божия сила, которой живет и действует подвижник и которая совершает его спасение.

Вооруженные Божией силой, Петр и другие избранные и запечатлели свой подвиг смертью за Господа.

«Благословен Грядый спасти крестом всяческая» (Неделя Вайи, 9-я песнь канона на повечерии).

**133** *И говорит ему [Петру] Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня (Мк. 14, 30).*

Сочетание цифр – дважды и трижды, троекратное отречение при двукратном пении петуха – образец малодушия души, уходящей от Христа.

Когда она совершила первую измену, когда она стала на путь отречения, она уже не остановится на скользком пути уклона жизни. Уже без всяких понуждений извне душа, как бы подгоняемая собственным банкротством, торопится засвидетельствовать свою верность злу и уж забегает вперед на пути предательства и совершает измены, опережая кнут погонщика.

Так на коротеньком отрезке времени (прежде чем дважды пропоет петух) она докатится до своего конца и отпадет от Бога.

«Пощади души наша, Христе Боже, и спаси нас» (Великая Среда, 9-я песнь канона на утрени).

**134** *Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он [Господь] сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь (Мк. 14, 32).*

Молитвой начинается путь Креста. Путь Креста – путь к Отцу. А молитва и есть уход к Отцу и в Его стихию. Значит, через молитву душа приражается небу, и обвеваается его силами, и крепнет для подвига.

И Сам Господь в начале Своего крестного пути уходит к Отцу в напряженной, до кровавого пота, молитве (см.: Лк. 22, 44).

Вникай... Вникай... Хочешь быть сильным в подвиге – молись, молитвой уходя к Отцу.

«Господи долготерпеливе, велия Твоя милость, слава Тебе!» (Великий Четверток, утренняя стихира на хвалитех).

***135** И взял с Собой Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте. И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты (Мк. 14, 33–36).*

Путь Креста, конечно, есть отречение от земли, и понятно, что земля всячески протестует и тело содрогается от предстоящих страданий. Протест и содрогание плоти особенно жгучи перед жертвенными моментами подвига. Тогда они закружатся в теле знойным неудержимым вихрем, поднимутся и заполнят человека до краев земной жизни, пронизают все поры, вторгнутся в самую душу и потрясут ее до глубины, кажется, совсем, совсем пленят ее и передадут ей весь непереносимый ужас и всю тоску о жизни.

И заполнит душу тоска и разовьет страдание в ней, как предсмертные муки, совсем подавляя и как бы изничтожая душу. И в этот час предсмертной тоски, как жгучего протеста человеческой природы против насилия над ней даже до смерти, ничто, ничто человеческое не может укрепить поверженную душу и дать силы справиться с собой... Доводы разума, все напряжение воли, отчетливейшее сознание долга – все будет пустым звуком...

В этот час душу поднимет из мрака тоски и волеет в нее силу только молитва... Это будет молитва – вопль к Отцу о Его Божественном вмешательстве. Молитва поверженного

на землю («пал на землю»), молитва из праха земного о Высшей силе и помощи... молитва отречения от человеческого бессилия и одной устремленности к Отцу.

И, как дань человеческой немощи, молитва начнется с вопля о том, «чтобы, если возможно, миновал... час сей», час тяжких страданий креста.

А вот когда укрепляющая сила молитвы восстановит равновесие души и душа всецело вольется в стихию Бога, в которой ее опора и жизнь, тогда молитва потечет только об одном – чтобы не оказаться душе выключенной от общения с Богом, чтобы Божия воля руководила жизнью, потому что в этой воле человеку обеспечено спасение-счастье...

При отдаче в Божию руку, обеспечивающую жизнь души, внешнее устройство жизни теряет всякую ценность, и как бы оно ни оказалось тяжким, оно переносимо, потому что будет сознание, что главное-то, нужное достигнуто, что Господь с душой и она в Его руке.

Тогда потечет молитва о Божией воле: «От Твоей, Господи, руки и в Твоей воле мое спасение! Пусть же я пребуду в Твоей воле вовеки. Один Ты спасешь меня... Сам же я не обеспечу свое избавление... А потому пусть будет *не чего я хочу, а чего Ты*. Лишь бы мне быть с Тобою. *Да будет воля Твоя*».

Так и Божий Сын взывал к Отцу, предавая Себя Его святой промыслительной воле, в которой все оправдание жизни.

«Человеколюбче Христе Боже, прегрешений даруй оставление, поклоняющимся верою пречистым Страстем Твоим» (Великий Понедельник, седален по 3-й кафизме на утрени).

**136** *Возвращается [Господь к ученикам после молитвы] и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. И, опять отойдя, молился, сказав то же слово. И, возвратившись, опять нашел их спящими, ибо глаза у них отяжелели, и они не знали, что Ему*

*отвечать. И приходит в третий раз и говорит им: вы всё еще спите и поживаете? Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников (Мк. 14, 37–41).*

Какой выразительный пример человеческой немощности! И немощности самой жалкой, потому что проявляется она в величайший и трагический момент жизни, и проявляется она не в каких-нибудь бросках и натугах человека (хотя бы и бесплодных), а проявляется она и отодвигает все великое в ничтожном, казалось бы, проявлении человеческой природы – в сне.

Пришел сон, и забыто и бессильно великое, и человек – данник своей слабости. А потому забудь кичение: ты силен только в Боге.

Для Господа приближается момент предательства и Креста. Господь открыто говорит об этом ученикам. И ученики из слов Господа видят, что час испытания близок. Возбужденные этой близостью, они только что свидетельствовали Христу о готовности положить за Него жизнь.

И при всем том немощь... обычная человеческая немощь не оставляет и Апостолов.

Вот сейчас в Гефсимании избранные из избранных, любимейшие из любимых, приближеннейшие из близких снова выделены из остальных, как и в другие значительные моменты жизни Христа... Сейчас они знают, что вот-вот надвинется страшное горе... Вот они только что слышали от Самого Христа, что душа Его скорбит смертельно... Вот они видят Его в величайшем борении – ужасе и тоске. Вот Он только просит их бодрствовать вместе с Собой... А Сам немного отходит и на их же глазах бросается на землю и молится до кровавого пота...

А избранные забыли всё. Была полночь, и сон опускал веки, закрывая глаза, и засыпали Апостолы!

И не действуют новые призывы Господа к бодрствованию... Не действуют упреки, что и один час они не могли преодолеть себя... Они безмятежно сонливы... Они не знают, что Ему отвечать... Три раза их будит Господь. Все тщетно... Немощная природа брала верх: ученики опять засыпали...

Вот иллюстрация человеческой беспомощности. Нечего кичиться человеку своими естественными силами!

Господь указывает долг человека преодолевать естественную немощность. Это долг потому, что в состоянии преобладания немощности к человеку прокрадывается подстерегающее его искушение и в дремотном теле застанет дремотную душу и стеснит ее грехом.

И вот, чтобы избежать внедрения в душу греха, надо преодолевать естественную немощность, высвободить душу от подчинения ей и держать душу в духовном бодрствовании. «Бодрствуйте»... Плоть немощна, а дух (должен быть) бодр.

Средство держать душу в бодрствовании – молитва: «Бодрствуйте и молитесь». Молитва – уход души в стихию Бога; через молитву душа человека входит в мир Духа и силы Духа прирождаются человеческой душе, вооружая ее и делая ее способной противоборствовать искушению.

Если бодрствование нужно для всегдашнего преобладания духовности, то тем более оно неминуемо в пути креста, когда от души потребуется через молитву такая насыщенность силой Духа, при которой плотяное совсем и замерло, и как бы отпало.

И Сам Божий Сын испытывает закон тела, его немощность и молитвой к Отцу устраняет борения.

«Честная Твоя воспевает страдания и славим, Спасе, крайнее Твое снисхождение» (Великий Понедельник, седальен канона на повечерии).

**137** *Встаньте, пойдём; вот, приблизился предающий Меня (Мк. 14, 42).*

Вот результат молитвы... Борения позади... Плотяное подчинено Духу. Не угнетаемый телом, Божественный Дух царит и царственно распоряжается... Теперь Он величав и спокоен... Он властвует. Он, послушный Божией воле, Сам свободно пойдёт на путь Креста. Он Сам взойдет на Крест. В свободе и силе подвига и его ценность... Путь Креста – не дорога раба, невольно загнанного на нее и боязливо озирающегося на ней...

Он не горькая доля побежденного... Путь Креста – путь победителя... На него становятся свободным волеизъявлением... На нем нет рабов. По нему идут «свободные», и «сыны», и «дети».

Вот почему Спокойный, Величавый, Властный говорит: «Встаньте, пойдем [навстречу]; вот, приблизился предающий Меня».

«Твоя Божественная Страсти превозносим, Христе, во вся веки» (Великий Вторник, 8-я песнь канона на повечерии).

*138* И тотчас, как Он [Господь] еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и книжников и старейшин. ...Тогда Иисус сказал им: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания (Мк. 14, 43, 48–49).

Зло всегда ополчается на подвижника внешним давлением. Как бы невольно признавая идейное внутреннее превосходство добра и невозможность состязаться с ним со стороны жизненной правдивости, зло в соприкосновении с добром и в состязании с ним всегда готово прибегнуть к кольям и мечам, т. е. внешней силой доказать свое мнимое преимущество. И на крестном пути мир зла встретит подвижника кольями клеветы, досаждений, насмешек, укоризн и мечами всяких внешних ограничений и нападений. И в этом нападении зла есть одна сторона, отмечаемая евангельской историей нападения на Христа.

Зло, как жалкий и трусливый раб, невольно признающий превосходство господина – добра, употребляет во много раз больше внешних усилий для внешнего преодоления добра, чем сколько требуется обстановкой жизни. Ведь добро внешне не защищено и внешне беспомощно, а зло как бы трусит, волнуется перед лицом своего беспомощного противника и наращивает внешние усилия, чтобы раздавить совсем беззащитного «врага».

Так было в Гефсимании. Против одного Христа, вооруженного только молитвой, против горсти Его мирно спавших учеников мир зла высылает целую толпу («множество народа»), вооруженную мечами и кольями...

И какой обличительной грустью, вскрывающей внутреннюю неправду и бессилие зла, звучит упрек Христа: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня».

«Темже Тебе вопием проданному, и свободшему нас: Господи, слава Тебе» (Великая Среда, вечерняя стихира на «Господи, воззвах»).

**139** *Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его. А они возложили на Него руки свои и взяли Его (Мк. 14, 44–46).*

Нападающее зло, как бы желая обезопасить себя, любит и поощряет предательство.

Предательство... На крестном пути – это невыносимое отягчение страданий и скорби... Ведь предатель не из врагов, вчера еще был свой, близкий, ученик, друг... И сегодня он поцелует, этим высшим знаком любви, предает Учителя... Это ли не удар ножом в сердце?

Так истребляется в подвижнике все человеческое, чтобы не осталось «прилепления» его к чему-то земному... Ученик, друг, часть сердца, часть души – и тот предал. И предает целуя, т. е. надругаясь над высшим в жизни – над любовью... Издевательством над самой любовью предается подвижник любви!

О мир! О всеистребляющее зло!

Но Евангелие, сказав об этой внешней победе зла, сейчас же одним характерным штрихом обозначает все прежнее ничтожество торжествующего зла... И, одержав внешнюю победу, зло не усилилось. Оно осталось трусливым рабом...

Иуда, совершив предательство, добившись цели, торжествует... Но, торжествуя, он дрожит... Торжествующая дрожь! Ему видятся большие опасности и страхи. «Ведите Его осторожно», – говорит он... Кого он боится? Себя самого... Истинно торжествующая дрожь!

А подвижник Креста укрепляется во внутренней силе. Отпадает шелуха земного... Его опора – в одном Небесном Отце.

*140* Тогда [в момент предательства], оставив Его [Христа], все бежали (Мк. 14, 50).

Так сбрасываются последние путы земли. Подвижник Креста оставляется один. В часы, дни, месяцы, години душевной тучи, когда сплошной пеленой надвинется истребляющее зло, когда поднимется вся враждующая низость, когда борения охватят сплошным кольцом, когда невыносимость напряженности достигнет крайних пределов, тогда ничто, решительно ничто из земного не окажет поддержки боримому духу... Ни родство, ни дружба, ни даже самая любовь не смогут проникнуть до глубин боримой души, раствориться в ней и влить в нее елей мира и вино бодрости... Тогда одинока душа подвижника... Тогда все земное и человеческое бессильно подойти к ней и оказать поддержку.

И повторяется Гефсимания: «Тогда, оставив Его, все бежали»...

Очевидно, так необходимо... Очевидно, что в борениях духа, в преодолении зла не требуется внешней поддержки... В этот миг Сын Божий отклоняет поддержку даже ангельских сил. Неужели вы думаете, «что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» (Мф. 26, 53)... Очевидно, так нужно, чтоб ушла вся земля, как ненужная и бессильная, и остался дух человека наедине со своим Небесным Отцом... Очевидно, так нужно, чтоб между духом крестоносца и Господом не было ничего заслоняющего и Господь остался одной жизнью, одной силой, одной надеждой, одним устремлением и одной радостью...

Очевидно, нужно, чтоб отпало земное и вся сила души безраздельно отдалась своему Источнику – Богу.

И оставленный всеми Господь, единый с Отцом Небесным, в величавом спокойствии победителя пошел к Своему Кресту. Так и подвижническая душа, оставившая земное и оставленная бессильным человеческим, в величавом спокойствии победительницы идет к своему кресту, потому что с ней ее Господь и Небесный Отец.

*141* Первосвященники же и весь синедрион искали свидетельства на Иисуса, чтобы предать Его смерти; и не находили. Ибо многие лжесвидетельствовали на Него, но свидетельства сии не были достаточны (Мк. 14, 55–56).

Так как путь креста есть путь отвержения мира и земли, то, конечно, мир не выносит отрицания его и, конечно, он обрушивается на подвижника. И так как стихия зла – ложь, то мир сначала яростно атакует подвижника своим главным оружием – ложью. Ложь делается главным орудием борьбы с подвижничеством. И около каждого крестного пути разливается море клеветы. И чем выше путь, тем гуще и злобнее клевета.

Это совсем понятно, потому что ложь есть природа зла, и зло не может сказать истины, так как само оно есть отрицание истины, да и что может зло сказать против пути правды, кроме неправды?

Так зло клеветало даже на Божия Сына, Чистейшего чистых, в Котором не было и тени греха.

*142* ...Он [Христос] молчал и не отвечал ничего (Мк. 14, 61).

Чем отвечать подвижнику добра на ухищрения зла? – Молчанием, терпением. Его опора – Бог, и в Божие Царство он идет. Если мир ненавидит его, то это знак, что он на верном пути. Если бы он был от мира, то мир любил бы свое (см.: Ин. 15, 19). Мир, клеветая на правду, сам свидетельствует о себе,

что дела его злы. И что отвечать Ему? Оправдываться и говорить о правде? Но ведь открывать миру правду – не значит ли показывать миру, что его истина есть ложь? И не вызовет ли разоблачение зла еще большее озлобление мира-зла? Потому и Христос молчал и не отвечал ничего.

*143* Они же [члены синедриона] все признали Его повинным смерти. И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам (Мк. 14, 64–65).

Вслед за идейным оружием – клеветой мир направит на подвижника и свое внешнее оружие – физическое насилие в разных его формах. Действовать им проще, чем защищать мнимую истину: «закрыли лицо». Ударами бича покажи, что ты прав, потому что у тебя сила. И вот, «слуги» мира-зла, т. е. рабы его, усердствуют во внешнем торжестве над правдой.

Так начинается путь физических страданий первого Крестоносца – Господа.

«Заушенный за род человеческий и не прогневавшийся, свободи от истления живот наш, Господи, и спаси нас» (Великий Четверток, тропарь пророчества на 1-м часе).

*144* Но первосвященники возбудили народ просить, чтобы [Пилат] отпустил им лучше Варавву (Мк. 15, 11).

И оправдалось Господне слово: «мир возлюбил свое». Мир предпочел разбойника и убийцу безгрешному Страдальцу...

Преступник – ближе... Преступник – «свой»... И мир все простит преступнику: измены, предательства, убийства... словом, все преступления. Мир не прощает одного – его отрицания и его непризнания, потому что в отрицании мира – свидетельство, что «дела его злы» и, следовательно, сам он – зло, так как дерево познается по его плодам.

Так мир покрывает всякое преступление, а подвижник креста обрекается на отвержение миром.

«Волею нас ради претерпевый, Господи, слава Тебе» (Великий Пяток, вечерняя стихира на «Господи, воззвах»).

*145* Тогда Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие (Мк. 15, 15).

Приговор мира над подвижником выносится не по суду правды, а по суду «лести». Это приговор подделки под вкусы распоясавшегося мира зла, не выносящего укоризны Правды и Света. Он выносится приспособительно к уровню зла, которое будет рукоплескать этому приговору. А потому понятно, что это будет односторонний приговор только зла.

Подвижник креста не может ждать для себя ничего иного.

Господь приговаривается к смерти: «Распи Его...». «Убей правду, и мы будем спокойны».

«Пострадавый и сострадавый человеком, Господи, слава Тебе» (Великий Пяток, 4-й антифон на утрени).

*146* ...[Воины] одели Его [Христа] в багряницу, и, сплели терновый венец, возложили на Него; и начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский! И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему. Когда же насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и повели Его, чтобы распять Его (Мк. 15, 17–20).

Когда для мира окончательно определится, на чьей же стороне подвижник креста, и когда ему будет вынесен приговор «лести», тогда мир ответит подвижнику последней расплатой – «расплатой страданий».

Он кругом обовьет подвижника одеждой крови (багряница), вонзится в него шипами зла (терновый венец), все бичи направит на него самыми унижительными формами издевательства (оплевание).

И так как преследование подвижника будет борьбой идей, борьбой взаимно исключаящих друг друга миров, то мир зла не удовольствуется внешним преследованием, а злобно пронзит его издевательством и циничной насмешкой («приветствовали Его», «кланялись Ему»...).

А успокоится мир зла лишь тогда, когда он истребит носителя истины. Как будто подвижник, как живая совесть, мешает ему жить. И зло в преследовании Правды не остановится на полдороге. Оно будет жаждать полного внешнего истребления Крестonosца.

Так «повели Его, чтобы распять Его».

«Вся пострадати изволи, спасти хотя ны от беззаконий наших Своею кровию, яко Человеколюбец» (Великий Пятток, 13-й антифон на утрени).

*147* Проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм, и в три дня созидающий! спаси Себя Самого и сойди со креста. Подобно и первосвященники с книжниками, насмехаясь, говорили друг другу: других спасал, а Себя не может спасти. Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем (Мк. 15, 29–32).

Зло не оставит в покое Правду, даже висящую на кресте. Вот как неистребима его ненависть к добру! И все это потому, что тут столкновение двух царств – Света и тьмы...

И хотя внешне тьма одерживает верх, но она сама чувствует, что распятая Правда все же остается выше ее...

И вот месть тьмы клокочет и на Голгофе... и обрушивается на Распятого, поверженного и уж, конечно, совсем обезвреженного противника.

И здесь, при Кресте, злодейство апеллирует для самооправдания к высшему авторитету Бога... Оно хочет чуда, чтобы ссылкой на отсутствие Божественного вмешательства и чуда прикрыть свое беззаконие...

Злодейство с насмешкой ссылается на отсутствие чуда... оно знает, что чуда не будет, потому что «не дается знамение роду лукавому и прелюбодейному»... И зло торжествует. Подвижник внешне гибнет... Христос остается на Кресте...

«Пострадавший за ны и от страстей свободивый нас... и вознесый нас, всесильне Спасе, помилуй нас» (Великий Пяток, утренняя стихира на хвалитех).

**148** *И распятые с Ним [Христом] поносили Его*  
(Мк. 15, 32).

Да, зло торжествует... Оно торжествует до того, что его приговору рукоплещут даже лица, пострадавшие от него и, казалось бы, уж по этому одному могшие бы сочувствовать страдальцу... И этого нет... От распятого Подвижника отвертывается вся земля... Даже преступники преступников, и те со злорадством будут поносить Его...

На земле мира нет места праведности... И Христос остался на Кресте...

«Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи, и мене древом крестным просвети, и спаси мя» (Великий Пяток, ексапостиларий на утрени).

**149** *В шестом же часу настала тьма по всей земле...* (Мк. 15, 33).

Когда правда подвижника распинается на кресте, тогда, очевидно, торжествует неправда, зло. А торжество неправды есть победа тьмы, и господство зла равносильно наступлению мрака, когда потеряна истина, потерян путь жизни и люди бродят в потемках обрывков истин, надуманных иллюзий и явных заблуждений, руководимые порочным сердцем и затемненным умом.

И объяла тьма грешную землю, когда угасала на Кресте жизнь Пречистого Тела и заходило Солнце Правды.

«Достойно есть величати Тя, Жизнодавца, на кресте руце простершаго и сокрушшаго державу вражию» (Великая Суббота, непорочны на утрени, 2-я статья).

**150** *В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма савахфани? – что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мк. 15, 34).*

Это выражение нестерпимой боли за поругание правды.

Подвижнику Креста человечески непереносим тот момент крестного пути, когда торжество зла на земле как будто рушит все дело правды. Дело правды разбито, подавлено, пригвождено ко кресту. Как будто напрасны были все усилия к преодолению зла и бесплоден весь подвиг во имя правды.

Неужели правда так бессильна среди зла? Зачем же такое поношение и унижение? Зачем ликование всецелой победы зла? Не тяжкое ли это искушение для малодушных? Зачем видимо только обнищание и поругание правды?

И идет вопль к Отцу... Вопль боли за поверженную и распятую правду. «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

«Величаем Тя, Иисусе Царю, и чтем погребение и страдания Твоя, имиже спасл еси нас от истления» (Великая Суббота, непорочны на утрени, 1-я статья).

**151** *И завеса в храме раздралась надвое, сверху до низу (Мк. 15, 38).*

Объятая ужасом пред распятой Правдой, содрогается святыня.

Святыня колеблется перед морем человеческого зла. Как будто она не выносит торжества злодеяний и свертывает свое лицо во мраке ночи беззаконий.

«Поклоняюся страсти, воспеваю погребение, величаю Твою державу, Человеколюбче, имиже свободихся страстей тлетворных» (Великая Суббота, непорочны на утрени, 1-я статья).

**152** *Сотник, стоявший напротив Его [Христа], увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий (Мк. 15, 39).*

Голос языческого сотника – это свидетельство даже земной непредубежденности, когда она, хоть поверхностно, соприкоснется с правдой подвижника. И вот, если она не втянута в борьбу с добром, если в ней не совершилось воцарение зла, вызывающее бешенство злобы при одном виде добра, то ее соприкосновение с подвигом Света вызывает и в ней невольное признание, что в Сыне Света – высшая Правда и Его путь – явление той же Правды.

Голос сотника – это объективное суждение о пути подвига и Креста естественного человеческого разума, когда он не является рабом зла.

Язычник-сотник, не знавший Христа, но не порабощенный злом иудейского преследования, смотрит на вещи спокойно и оценивает беспристрастно... И оценка беспристрастности знаменательна: «Истинно Человек Сей...Сын Божий».

«Плач священный, приидите, воспоим Христу умершему, яко древле жены мироносицы, да и радуйся услышим с ними» (Великая Суббота, непорочны на утрени, 2-я статья).

***153** Были тут [при кресте] и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим (Мк. 15, 40–41).*

В вихре зла, крутящемся на земле, когда идет поругание и распятие Подвижника Правды, когда от Него отвертывается вся земля, когда изменяют любимые и избранные, не колеблется только чистое сердце, полное беззаветной преданности и нераздумывающей любви.

Это было сердце женщин. Такое сердце поняло подвиг... преклонилось пред ним... и отдалось служению ему... И уж ничто внешнее: ни обстановка страданий, ни страх, ни действительная опасность – не остановили чистого и преданного сердца в служении подвигу правды.

Да будет же благословенно это сердце! Оно принимало вздохи страданий, и потому ему и дается первая радость (см.: Мф. 28, 5–10; Ин. 20, 17–18).

«Поклоняемся страstem Твоим, Христе! Поклоняемся страstem Твоим, Христе! Поклоняемся страstem Твоим, Христе! Покажи нам и славное Твое Воскресение!» (Великий Пяток, 5-й антифон на утрени).

*154 По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его (Мк. 16, 1).*

По прошествии трудовой недели и по прошествии субботы – дня, посвященного Господу, когда ты поработаешь ради Него, запасись ароматами добродетелей и тогда пойд навстречу Христу, чтобы увидеть и осязать Его своей душой, и принять Его в свое сердце, и дальше идти уже вместе с Ним и под Его милующей рукой.

«Величит душа моя воскресшаго тридневно от гроба Христа Жизнодавца» (припев 9-й песни пасхального канона).

*155 И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца... (Мк. 16, 2).*

Позаботься пойти ко Христу «весьма рано»... Идти к Нему предпочти всякому другому делу твоей жизни...

Или «с восходом солнца», когда бодра душа, крепки силы тела, когда рассеялся мрак иллюзий и заблуждений и спрятались ночные тени греха...

Пойди ко Христу прежде всякого другого дела твоей жизни, пойд, когда душа в солнечном свете, и ты обретешь воскресшего Господа и сам станешь участником Воскресения.

«Магдалина Мария притече ко гробу и, Христа видевши, яко вертоградаря вопрошаше» (припев 9-й песни пасхального канона).

*156 ...И говорят между собою [жены-мироносицы, пришедшие ко гробу]: кто отвалит нам камень*

*от двери гроба? И, взглянув, видят, что камень отвален; а он был весьма велик (Мк. 16, 3–4).*

Свет Воскресения засиял в пещере... Иудеи отгородились от него земным камнем... Так и в душе камень земного мешает проникновению Божественного Света... И большой, большой камень земли привален к душе, камень забав, увлеченный и всякой неправды... Камень, как глухая стена, отгородившая душу и закрывшая от нее все возвышенное и святое. Но бессильно земное пред Небесной рукой. И Божественная сила отвалит камень земли от твоей души, и падет нагромождение мира, а в душу проникнет Божественный Свет Воскресения.

Лишь будь достоин... Сам иди... ищи Света... рвись к нему... Накопи «ароматы» души... понеси их Христу, как мироносицы несли ароматы помазания... И спадет пелена земного, и облистает тебя Свет Восстания, и с ним ты духовно со вступишь Христу... выйдешь из пещеры гроба и обновишься для бессмертия и вечности.

«Величит душа моя волею страдавша, и погребенна и воскресшаго тридневно от гроба» (припев 9-й песни пасхального канона).

**157** *И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес... (Мк. 16, 5–6).*

Явление Воскресшего Господа предваряет явление Ангела... Так благодатная Божественная Сила предваряет восстание души.

Эта Сила дает первый свет душе, и она, запертая в пещере греха и смерти, как бы разбужденная облистанием манящего Божественного Света, ужаснется необычайности зренья и ужаснется своей темноты...

А зовущий Ангел Божий скажет душе: «Этот свет еще не Бог... Бога нет в пещере смерти... Он воскрес... Восстань и ты... выйди из пещеры и встретишь Воскресшего».

«Ангел облистаяй женам вопияше: престаните от слез, яко Христос воскрес» (припев 9-й песни пасхального канона).

**158** *Но идите, скажите ученикам Его [Христа] и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам (Мк. 16, 7).*

Петр отвергся Христа, но и он не забыт... Он выделен из учеников и поставлен как бы вне апостольского лика: «Идите, скажите ученикам и Петру».

Величайшее снисхождение! Беспредельная любовь! Пусть даже отвергшийся, но проливший слезы самоосуждения приобщается первой радости Воскресения.

Воскресением все зовутся – души чистые и падшие, здоровые и больные, трудившиеся и ленивые... Всю нечистоту тления выжжет Свет Воскресения и вечности...

Выйди из пещеры смерти, осияйся Божественным Светом и вкусишь блаженного бессмертия... И к тебе обращен евангельский зов: «Душа! Христос предваряет тебя в Галилее». Христос будет ждать тебя... Он будет ждать и непременно встретит... Не медли... Ты была с Петром, но Он «предварит» и тебя!

Господь будет ждать тебя не в Иудее подзаконного рабства, не как наемника, подъявшего невольное иго, а Он встретит тебя в Галилее «на горе» (см.: Мф. 28, 16), где соберутся все свободно «бегущие» дети Божия Царства, свободные сыны благодати (см.: Ин. 20, 4).

«Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Христос воскрес и ад пленися» (припев 9-й песни пасхального канона).

**159** *И, выйдя, побежали [мироносицы] от гроба; их объял трепет и ужас... (Мк. 16, 8).*

Это «трепет и ужас» необычности. Так же трепещет душа, прикоснувшаяся Божественному Свету. Он настолько ярко осветит человеческую природу и изничтожит человеческое, что душу охватит трепет... Не в таком ли трепете говорил Апостол Христу: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк. 5, 8)?

Но есть в этом трепете возвышающее чувство плененности, при котором душа уже не оторвется от Христа.

Значит, в этом трепете две стороны: на одной – ужас за себя, за старое, от которого нужно только содрогнуться, скрыться, бежать, и на другой – радость зова, прощения, возрождения во свете и всей ласки любви и всыновления.

Святой евангелист Матфей и отмечает обе стороны душевного состояния мироносиц. «И, выйдя поспешно из гроба, – рассказывает он, – они со страхом и радостью великою побежали...» (Мф. 28, 8).

И ты встрепенись от зовущего Божественного Света, ужаснись своей отчужденности от него и темноты, и кинься без рассуждения, с великой радостью кинься на другой путь, на котором Он ждет тебя и найдет тебя.

«Христос новая Пасха, Жертва живая, Агнец Божий, возмем-ляй грехи мира» (припев 9-й песни пасхального канона).

***160** Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов (Мк. 16, 9).*

Так вознаграждается любовь! Ей дарится первая радость... Мироносицы при жизни Христа, и во время Его страданий, и после самой смерти Христа обнаружили так много самоотверженной любви к Господу, любви, превосходящей самую любовь избранных Апостолов, что Господь по Своем Воскресении является им первым, предпочтительно пред всеми учениками.

Так близки Христу и так любимы Им преданные Ему души! Счастлива Мария! Блаженны последующие ей!

«Радуйся, Дево, радуйся! Радуйся, Благословенная! Радуйся, Препрославленная! Твой бо Сын воскрес, тридневен от гроба» (припев 9-й песни пасхального канона).

***161** Она [Мария Магдалина] пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, – не поверили.*

*После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили. Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили (Мк. 16, 10–14).*

Этот упрек Господа обращен и к тебе, неразумная душа! И тебе разве не был явлен Воскресший Господь? Одинокая и бессильная в жизненной пустыне, ты плакала и рыдала в своей безысходности, и когда тебе говорили о Нем, живом и Воскресшем, видевшие Его, почему ты не поверила? И когда тебе свидетельствовали о Нем те, кому Он являлся на пути жизни, почему же ты не поверила?

И, наконец, не являлся ли Господь тебе самой? В разных обстоятельствах жизни, когда ты искала Его, и даже когда, малодушествуя, ты унывала, разве не осязала Его промыслительной и любящей руки? Почему же ты не поверила, неверная и жестокосердная?

А если поверила, почему не идешь за Воскресшим к своему воскресению, которое Он принес тебе?

«Ангел вопияше Благодатней: Чистая Дево, радуйся! и паки реку: радуйся! Твой Сын воскрес тридневен от гроба, и мертвья воздвигнувый, людие, веселитесь» (припев 9-й песни пасхального канона).

**162** *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы (Мк. 16, 17–18).*

Вера есть сила, и верой-силой человек вдвигается в новую сферу жизни по Боге, в жизнь Духа и Бога.

В верующем сеется «семя Божие», и он становится «рожденным от Бога», и «Бог в нем пребывает» (см.: 1 Ин. 3, 9; 4, 12).

А «что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаём из того, что Он дал нам от Духа Своего» (1 Ин. 4, 13).

Когда же верующий носит в себе от Духа Божия, тогда, конечно, он выше мира и его условных порядков, выше законов земли, «ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире» (1 Ин. 4, 4). Вот почему «рожденный от Бога побеждает мир» (1 Ин. 5, 4).

При этой победе рожденного от Бога над миром зла совершенно естественны «знамения», сопровождающие жизнь истинно верующего. И чем живее и глубже вера, чем решительнее вдвинут человек в стихию Духа, тем обязательнее «знамения», сопровождающие его жизнь.

Так жизнь праведника идет в бесконечном кольце этих «знамений».

«О Пасха велия и священнейшая, Христе! О мудросте, и Слове Божий, и сило! Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего» (тропарь 9-й песни пасхального канона).

**163** *И так Господь, после беседования с ними [учениками], вознесся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями. Аминь* (Мк. 16, 19–20).

Вознесение Господа на небо не есть уход Бога, оставление Им земли. Нет, нет!

Напротив, оно есть движение в земное Божественной природы и поднятие человека до Бога. Ведь последней задачей искупления было совершенное истребление человеческого «тления» и усвоение человеческой природе бессмертия и вечности. Господь, возносящийся на небо с преображенным по Воскресении человеческим телом, это и делает. Как «новый Адам», Он возносит в Своем Лице человеческую природу на небо и тем вдвигает ее, обновленную, в Царство Отца, т. е. в Царство бессмертия и вечности.

Вознесение Господа есть, таким образом, завершение искупительного пути. Оно замкнуло кольцо восстановления падшего человека и осталось на вечные времена величайшим знаменем того, что и всякий верующий, вслед за своим Искупителем, призывается к своему вознесению, всыновлению Отцу и седению одесную Его. Вот почему сказано: «...Приду... и возьму вас [верующих] к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Ин. 14, 3).

Актом вознесения обновленной и обоженной человеческой природы замыкается искупление человека. Но этот акт не поглощает земное, не заменяет его небесным. Он соединяет небо с землей, поднимает земное в обожение неба, низводя небесное на землю ради восстановления земли. Вот почему в Вознесении не разрывность, а замыкание круга.

И в Вознесении же сила, образовавшая неразрывность круга неба – земли и делающая этот круг живым в каждой точке и устремленным к главной завершительной точке – обожению человека. Это – сила Животворящего Божия Духа.

Дух животворит, и жизнь неустанно движется к завершению, к вечности.

Об этой животворящей силе Духа говорит Сам Христос: «...Если Я не пойду [к Отцу], Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам... Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину... [Он] пребудет с вами вовек» (Ин. 16, 7, 13; 14, 16).

Вот эта сила Духа, посланного по Вознесении, и сцепила небо и землю в один круг, и она же одухотворяет каждую точку круга, или, иначе, каждую точку спасительного пути. Это – сила святой благодати. Без нее немислимо восстание от тления, движение вперед и возрождение души.

Об этой совершающей силе Святого Духа и говорит в последних словах своего повествования святой Евангелист.

Это она, совершительная сила Святого Духа, в «Господнем содействии», и она во всех бесконечных «последующих знаменях», сопутствующих на земле Божью делу.

Следовательно, и то и другое – и «Господне содействие», и «знамения» – обеспечены верующему. Они – неразрывное звено спасительного круга, они – сила, сцепляющая землю с небом.

Разве в этом не величайшая утеха верующей душе?! «Не оставлю вас сиротами...» (Ин. 14, 18). Дыханием Божественного Духа Спаситель наших душ с нами в каждом шаге жизни, в каждом дыхании уст.

Ему, даже до страсти, креста и смерти возлюбившему нас, Ему, освятившему нас в Светлом Воскресении и Великом Вознесении, вместе с милосердным Отцом, от века зовущим нас к Себе, и Совершителем нашего обожения – Святым Духом да будет слава, честь и поклонение от нас грешных, но любимых и призываемых, ныне и присно и в бесконечные веки. Аминь. Истинно.

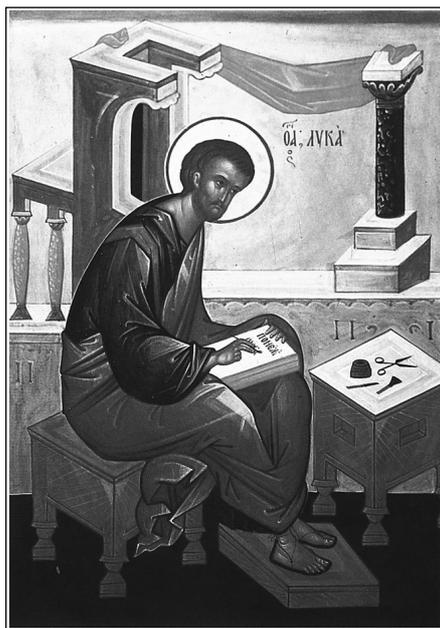
«О Божественного, о любезного, о сладчайшаго Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе! Егоже, вернии, утверждение надежды имуще, радуемся!» (тропарь 9-й песни пасхального канона).





# «ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ»

(Дневник размышлений  
над Евангелием от Луки)







*1 ...Рассудилось и мне... по порядку описать тебе,  
...чтобы ты узнал твердое основание того уче-  
ния, в котором был наставлен (Лк. 1, 3–4).*

Узнай твердое основание своей веры во Христа. Ведь вера должна быть твоей новой жизнью. Как же ей быть без основания? Как же быть жизни без основания?

Благовестие веры преподано в Божественном слове Евангелия. Подклони же свой ум и сердце Господним «глаголам»! И познай, что слушание и чтение Божественного слова – это только начало принятия основания веры.

А за ними должно идти усвоение веры. Оно совершается не по обычным законам усвоения человеческих истин. Благовестие веры – «не в премудрости слова» (1 Кор. 1, 17) и «не в убедительных словах человеческой мудрости» (1 Кор. 2, 4). Вот почему слово о вере не принимается «еллинами», так как «Еллины ищут мудрости» (1 Кор. 1, 22), а в проповеди о Христе нет земной мудрости, и для человеческого мудрования она была и остается «юродством» (неразумием) (1 Кор. 1, 18).

Благовестие веры есть «премудрость Божия, тайная, сокровенная, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1 Кор. 2, 7). Премудрость Божию открывает Бог Духом Своим, «ибо Дух все пронизает, и глубины Божии» (1 Кор. 2, 10).

И верующему, чтобы ему открылось основание веры, надо принять «Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога» (1 Кор. 2, 12). Оставаясь земным и душевным, человек «не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает

это безумием» (1 Кор. 2, 14). И у душевного человека остается ослепленным ум и остается покрывало на сердце, когда он читает или слышит Божественное слово (см.: 2 Кор. 3, 14–15).

А вот когда души «обращаются к Господу», а «Господь есть Дух», и души, входя в единение с Господом, принимают от Духа Его, тогда покрывало снимается с сердца их (см.: 2 Кор. 3, 16–17), и они начинают «видеть глазами своими» и «слышать ушами своими» (глазами и ушами души), т. е. по наитию Духа в них открываются высшие, духовные стороны, и только ими душа воспринимает от Духа премудрость Божию, тайную и сокровенную. «Духовное (что́ от Духа) духовным востязуется» (принимается). И чем больше душа ушла в Дух, тем больше ей открывается то, что́ от Духа, и она глубже постигает и крепче захватывается сокровенной мудростью Божией.

Итак, молись, чтобы покрывало плотности было снято с твоей души Христом (см.: 2 Кор. 3, 14), а сам, по завету Апостола, «открытым лицом [души], как в зеркале [Божественного слова], взирая на славу Господню», преображайся «в тот же образ [по Господу] от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3, 18).

Вот на каком основании должна покоиться твоя вера во Христа. Не только слушание Божия слова, не только теоретическое научение Божию закону дадут тебе постижение христианства как «Божией премудрости», а жизнь по Богу, преобразование себя «от славы в славу», принятие в себя Божия Духа, чтобы наитием Духа постигнуть «премудрость от Духа». «Духовное духовным востязуется».

*2* Оба они [Захария и Елисавета] были праведны перед Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно (Лк. 1, 6).

Какой простой рецепт праведности, т. е. жизни по правде и вместе оправдания жизни! Поступай «по заповедям и уставам Господним» – и оправдаешься. Исполни Господне слово

и уставы жизни, основанные на нем, и будешь жить по правде, будешь праведен пред Богом. Ведь Божие слово ничего другого и не открывает, как правду о жизни и о человеке.

А чтобы указать, что в понимание и исполнение Божия слова не надо вкладывать ничего самостоятельного, по своему вкусу и своим склонностям, Евангелист добавляет, что надо поступать по заповедям и уставам Господним «беспорочно». Это значит, что не должно быть фальшивости в следовании Божью закону, когда при наружном и формальном следовании ему человек оправдывает в своей жизни все кривые пути и живет хуже язычника. Следовательно, Божий закон надо исполнять во всей нелицемерности, по суду разума, просвещаемого Господом, и чистой совести, направляемой Тем же Господом.

*3 Ангел же сказал ему [Захарии]: ...услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие... он будет велик пред Господом... и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей; и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; и предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный (Лк. 1, 13–17).*

Иоанн – это совесть. Она в человеке как пророк, как голос Бога в пустыне жизни. И потому даже естественная весть, т. е. не просвещенная христианством, если она не повреждена грехом, всегда влечет к Богу; она, как бы «исполненная Духа Святаго», от дня рождения своего обращена к Богу, и зовет к Нему, и подсказывает исполнение Божия закона.

Вот почему, когда в душе возрождается заглушенный голос совести, тогда наступает «радость и веселие», потому что душе открывается путь к Богу.

И как Иоанн Предтеча своим явлением и проповедью «предтек» пред Господом и приготовил душу к принятию Господа, так возрожденный голос совести предшествует явлению душе Бога. Этот голос совести «обратит [душу] ко Господу Богу» ее; он «предъидет [пред Господом] в духе и силе Илии», как неподкупный и суровый обличитель неправды души... И он же выправит кривые пути жизни, когда призывает «непокоривым образ мыслей праведников», и умиротворит жизнь, вернув «сердца отцов детям».

Так возрожденная совесть, как строгий голос пророка, обличает душу человека, выправляет ее кривизну, расчищает терния греха и порока, чтобы освободить путь Господу и представить Ему душу, как «народ приготовленный».

4

[.....]

5

*И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога...* (Лк. 1, 30).

Блаженное состояние непоколебимости, когда с душой пребывает Господь!

Не бойся, душа! Не поддавайся ветру угнетающих влияний, нападений, всякого рода озлоблений, соблазнов, болезни тела и всяких лишений бедности. Не допускай, чтобы твои силы ослаблялись несчастьями жизни.

Ведь на душе, пребывающей с Господом, положена печать Господа – это Его святая благодать. И не надо стирать печать Господа, малодушествуя и подпадая хоть и чувствительным, но всё же ничтожным лишениям земли. Ведь при выборе между Божиим запечатлением или изменой Богу не будем же мы колебаться и не откажемся же от Господа?

Так пусть душа пребудет с Божией благодатью и бережет ее... И пусть будет мужественна и непоколебима, отдаваясь Божией силе. Господь и Его сила всегда останутся утверждением и одним оправданием и успокоением жизни.

Не бойся же, душа! Обрети благодать от Господа и утвердишься на ней, как на нерушимой скале.

**6** Он [Иисус] будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца (Лк. 1, 32–33).

Особенно откликнись этому Божию слову! Ведь Божие обетование распространяется и на тебя!

Не ради тебя ли является «Сын Всевышнего» и не под тобой ли воздвигается престол Его?

Войди же в Его Царство!.. Будь сыном Его!.. И пусть Господь царствует в душе твоей вовеки, и пусть «Царству Его» над тобой «не будет конца»!

Велико обетование! Счастливы принявшие его – сыны Господнего Царства.

**7** ...У Бога не останется бессильным никакое слово (Лк. 1, 37).

Эти ангельские слова (сказанные Архангелом Гавриилом Деве Марии) должны быть запечатленными в каждой верующей душе. Они как якорь непоколебимости среди жизненных бурь, рытвин и ям, падений и засасывающей низины уныния.

Человек в своей вере в Бога и в своей жизни по этой вере всегда хочет и ищет опереться на силу Бога. При очень глубокой вере и духовности души человек находит эту опору в себе самом, и Божия сила открывается ему чрез Царство Божие, которое «внутри есть» души. А когда в человеке мало веры и духовность души низка, тогда человек ищет Божию силу как опору для себя вне себя, в событиях и явлениях окружающего. Тогда человек хочет, чтобы Бог наглядно являл ему Свое присутствие и свою великость постоянными знаменами и чудесами, которые и подкрепляли бы убежденность человека в том, что Бог есть, что Он всемогущ, всегда защитит правое дело и правого человека и оправдает истину Своих заповедей.

Если же таких наглядных знамений Божией силы нет, то человек ослабевает в своей уверенности и снижается в своем настроении... Да еще и направляет упрек по адресу Бога: «Господи! Да что же Ты молчишь? Где же Ты?»

И вот слова Ангела о том, что «у Бога не останется бессильным никакое слово», и парализуют настроение маловерия. Ангел предсказывает Деве Марии необычайное событие. Он предрекает рождение от Нее, как Девы, «Сына Всевышнего» и подкрепляет свое проречение указанием на Божественное всемогущество, при котором действительно всякое Божие слово.

Значит, душа должна утверждаться на непоколебимой уверенности, что при Божественном всемогуществе всякое Божие слово и каждое Божие обетование безоговорочно действительны и непреложно исполнятся. И если человек в данный момент своей жизни не видит исполнения Божия слова, то пусть он не малодушничает и не требует непрерывного чуда. Не может же Бог ради человеческой немощности обратить жизнь, протекающую по законам, Им же благословленным, в сплошное море чудесностей, совершаемых ради разнообразнейших требований человеческого малодушия, и тем отменить все законы ограниченного человеческого существования.

Душа, если она пришла ко Христу верой в Него, пусть и ходит «по вере». Апостол Павел хождение по вере считает показателем правильного христианского пути. «Мы ходим верою, – пишет он, – а не видением» (2 Кор. 5, 7). Зачем же снижать значение веры и пытаться подменить ее практически-жизненным обоснованием? Неужели обоснование, которое ограниченный ум созидает на условном, ограниченном знании, выше безусловной Божественной правды, хотя бы в данный момент нами непостижимой?

Следовательно, если желаешь ходить в вере Божией, то смиренно отдайся этой вере и прими все Божии обетования как самую очевидную реальность. И живи ими, и вдохновляйся ими как самыми убедительнейшими очевидностями, которые никогда не обманут, потому что они не продукт че-

ловеческой ограниченности, не человеческая фантазия, самообман, не измышление кривых путей, а Божие Откровение. «У Бога же не останется бессильным никакое слово».

Если же ты в смиренном хождении путем веры захотел бы научиться судьбам правды Божией (см.: Пс. 118, 7) и помянуть судьбы Господни от века (см.: Пс. 118, 52), то можешь «испытать» Господне откровенное слово, на котором покоится все христианское упование.

И вот, поучаясь в Божием слове ради утешения и укрепления своей христианской уверенности, приведи себе на память следующее.

Первое: разве ты найдешь в Божием Откровении (возьми Новый Завет) хотя бы одно слово неправды, обмана, фальшивости... слово, не отвечающее жизни или направляющее ее по кривым путям? В Божием слове, как строго ни критикуй его, не одна ли высшая правда о жизни? И если в нем правда о настоящем, то не колеблись ни мгновения – в нем такая же Божественная неизменная правда и о будущем: о суде (см.: Евр. 9, 27), мздовоздаянии, блаженстве, мучениях.

Второе: разве ты найдешь в Божием Откровении хотя бы одно обетование неоправдавшееся (если время исполнения таких обетований уже миновало)? Припомни слова Господа об Иерусалимском храме (см.: Мф. 24, 2), о предательстве Иуды, о судьбе Его последователей и др.

И, наконец, третье: разве не справедливо Божие Откровение даже в тех местах, где оно предрекает будущее? Разве уже теперь частично не исполняются евангельские и апостольские пророчества? Разве не исполняется предсказание Господа о проповеди Евангелия во всей вселенной (см.: Мф. 24, 14), о моральном банкротстве мира (см.: Лк. 18, 8), о появлении людей, отвергающих Божественный Промысл (см.: 2 Пет. 2, 3–4), лжеучителей, искажающих «путь истины» (см.: 2 Пет. 2, 1–3), о разложении самого христианского мира, когда в нем возобладает эгоизм, совершится истребление любви и с ней истребление «силы благочестия» и останется только «вид», видимость благочестия, и, наконец,

предсказание о развитии последнего «отступления» (см.: 2 Фес. 2, 3)?

Разве все это не предречено и разве все это не исполняется в жизни?

А если Божие слово уже дает наглядные доказательства своей силы, то откинь душевную вялость, укрепись в верности, вооружись мужеством, зная, что Исполнивший часть Своих обетований всемогущ и верен исполнить всё. Потому – иди крепко, не поступайся истиной Бога, воодушевляйся обетованиями Бога. Помни, что «праведный верою жив будет; а если *кто* поколеблется, не благоволит к тому душа Моя», сказал Господь (Евр. 10, 38). И еще: «...ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона...» (Мф. 5, 18).

«У Бога не останется бессильным никакое слово».

«Потерпи Господа и сохрани путь Его, и вознесет тя» (Пс. 36, 34).

**8** *Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему* (Лк. 1, 38).

Вот слова предания себя в Божию волю, не может быть полнее их и выразительнее их.

В них прежде всего утверждение своего послушания Богу: «я Раба Господня». Тут и признание своей преданности Богу и, значит, отдачи всей своей жизни в Его полное распоряжение. Рабом распоряжается господин.

А после исповедания безраздельной отдачи Богу высказывается следствие такой отдачи: сознательный, смиренный отказ от своих целей, своих путей и даже своих желаний и мыслей, если они идут вразрез с Божиим господством. Если Бог – Господин и любящий Промыслитель моей жизни, то пусть Он и господствует, пусть Он и промыслит ее...

Что же мне, не знающему Господней правды и путей ее, что же мне мешать Господу в Его промыслительном попечении о моей жизни? Своим вмешательством я или совсем пойду в противность Божией воле и отвергну ее устройство моей жизни, или, в лучшем случае, я своими самочинными

путями и своими ошибками буду замедлять исполнение в своей жизни Божиих предназначений.

И, значит, при признании своей подчиненности Господу и при желании быть в единстве с Ним, отдайся Господу всей жизнью и предоставь Ему творить благо для тебя. А слова Святой Девы напиши и в сердце, и всюду пред своими глазами: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему».

**9** *Встав же Мария во дни сии [после явления Ангела], с поспешностью пошла в нагорную страну... [«Иде в горняя». – славянская редакция] (Лк. 1, 39).*

Так душа, закрепляя в себе Божию поддержку, явленную в какой бы то ни было форме, должна немедленно обнаруживать свою активность на пути к Богу. Душа не остается только в сладостном переживании Божия посещения, а должна личным подвигом устремиться ко Христу исполнением Его заповедей. И пусть она устремится без промедления, чтобы не допустить снижения настроенности, дарованной Господом. Мария с поспешностью пошла «в горняя».

Конечно, душа устремляется «в горняя», к небу, к Богу... устремляется по восходящей ввысь дороге к Небесному Иерусалиму, потому и сама она поднимается над грехом и землей, ибо дыхание Духа ее «восперяет, возвращает, устрояет горé» (воскресный антифон 6-го гласа).

**10** *И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? (Лк. 1, 43).*

Благодатное посещение – всегда радость и всегда неожиданность! Оно переживается как незаслуженная Божия милость. «Господи! откуда это мне?»

**11** *И блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа (Лк. 1, 45).*

Счастлива душа, поверившая Господу и отдавшаяся Ему! Ведь совершится все, сказанное ей от Господа: совершится

ее очищение, совершится ее освящение, и войдет она в благодатное Царство Господа своего как своя, как присная Богу!  
«Блаженна душа уверовавшая».

***12** И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей... что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его; и милость Его в роды родов к боящимся Его (Лк. 1, 46–50).*

Молитва благодарного хваления Господа душой обретшего Его.

«Душа моя величает Господа! Дух мой возрадовался о Боге, Спасителе моем! Ведь милость Господа к боящимся и чтущим Его в роды родов. И на мне – милость Его!.. И когда я открыл путь Господу, устранив свою греховную самость, и смиренно поклонился Божией воле, Он призрел на смирение рабы Своей и пришел и возвел меня на высоту Своего сыновства. Сотворил мне величие Сильный...»

Восхвали же, душа моя, Господа, спасающего тебя!

Да будет «свято имя Его»!

***13** Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что... явил силу мышцы Своей; рассеял надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с престолов, и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, и богатящихся отпустил ни с чем; воспринял Израиля, отрока Своего, вспомянув милость, как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века (Лк. 1, 46–47, 51–55).*

Та же молитва Господу.

Господь оправдал обетование Свое и явил силу руки Своей! Смиренный, предоставивший себя воле Господа – спасен. Гордый, утверждающий жизнь на греховной самости – погибнет... Гордый обосновывается на своих мыслях, а Господь «рассеивает надменных помышлениями сердца их».

Эгоистическое земное мудрование надменных порождает только неустройство, затемняет пути жизни и вместо объединения любви создает обособление эгоизмов, запутавшихся в самоизмышленных целях.

Гордый вздымается, кичится, хочет занять первое место, а Господь, обнажая неустройство жизни надменных, «низлагает их с престолов» властвования и возносит смиренных, идущих Его путем, потому что Божий путь прочен и идущий по нему возносится ввысь.

Гордый и самонадеянный собирает сокровища земли и надеется ими удовлетворить свою жажду первенства на земле... Но – тщетно! Господь насыщает только «алчущих правды»... Они насыщаются истинными «благами» и «в Бога богатеют»... И они блаженны... А самонадеянные гонятся за призрачным насыщением жизнью, за обманным богатством. Они даже не богатые, а «богатыющиеся», т. е. думающие, что они богатые. В действительности же они – последние нищие, потому что, гонясь за призрачным фундаментом жизни, они остаются в пустоте и сами пустые и обнаженные... Господь отпустил богатыщихся «ни с чем»...

Так смиренный, предавший себя Божию водительству и ставший на Божием пути жизни, утверждён, вознесён, насыщён, исполнен жизни; и все это потому, что «воспринял» Господь его, как «Израиля, отрока Своего», и распростёр над ним «милость Свою», обещанную «Аврааму и семени [потомкам] его до века».

Возвеличь же, душа моя, Господа, и радуйся, дух мой, о Боге, Спасителе моем!

**14** *И был страх на всех живущих вокруг них...* [вокруг Захарии и Елисаветы – после знамений, сопровождавших рождение Иоанна Предтечи] (Лк. 1, 65).

Божие вмешательство в человеческую жизнь, когда оно осознаётся людьми, вызывает трепет как результат соприкосновения с высочайшей могучей Силой, распоряжающейся жизнью. Это – трепет невольного признания этой силы

и неотвратимого подчинения Ей по Ее всемогуществу, перед которым человек – ничтожество.

Но Господь редко открывает Свое вмешательство наглядно и путем чрезвычайным, чтобы не влечь за Собой людей по чувству рабского страха. Постоянное же промыслительное руководство жизнью проходит без знамений, в сложившихся земных условиях жизни.

*15 И рука Господня была с ним (Лк. 1, 66).*

Таково блаженное состояние души, поставленной на Божием пути, – с ней рука Господня!.. С ней постоянное незримое руководство, поддержка и охрана Бога... Ей обеспечена полнота Божия покровительства!

Это не избранничество, не Божия любовь только к исключительным душам, выделенным и особо ласкаемым Господом... Это общее состояние всех душ, когда они предали себя водительству Бога...

Предъизбранничество же некоторых, как и предъизбрание Предтечи, покоится на Божественном предведении, провидящем верность пути души и ласкающем ее неизменно от первых дней ее земной жизни.

*16 И Захария, отец его [Предтечи]... пророчествовал, говоря: благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего, как возвестил... что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас... помянет святой завет Свой, клятву, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, не боязненно, по избавлении от руки врагов наших, служить Ему в святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей (Лк. 1, 67–75).*

Снова молитва благодарности Господу. В ней благодарение за самое призвание души и оправдание ее в служении Богу.

Благословен Господь, что Он сотворил милость, исполнил обетование Свое, посетил души людей Своих и дал им избавление, послав Христа, Отрока Своего, как рог спасения, воздвигнутый из дома Давидова.

Благословен Господь, спасающий нас Христом Своим... Благословен Господь, спасающий нас от врагов наших... Это прежде всего наши грехи, причиняющие нам наибольшее зло. А потом – люди, борющиеся нас. Господь спасет нас... «от руки всех ненавидящих нас»... потому что предречено, что «будете ненавидимы всеми за имя Мое».

Благословен Господь, призывающий нас, по избавлении от грехов и врагов наших, небоязненно «служить Ему в святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей».

В последних словах указана задачи жизни души. Господь призвал душу, посетил ее, освятил, и теперь задача призываемой со всем мужеством последовать за своим Спасителем и ходить пред Ним в правде Его пути и святости жизни по Его заповедям... Ходить без усталости, без уныния, в постоянстве обращенного к Нему сердца во все дни жизни.

*17 И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предъидешь пред лицом Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего... просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира (Лк. 1, 76–79).*

Снова слова о совести как пророке, предваряющем в душе Господа.

В пустыне жизни совесть звучит, как суровый пророк-обличитель... И зовет она к Богу... и как бы предъидет она пред лицом Господа, чтобы приготовить путь Ему, путь, облегчающий приход Господа к душе.

А уготовление пути одно – надо убрать с пути все препятствия: нагромождение самости, грязь порока, колеи страстей, рытвины падений... Надо сделать гладким в душе путь

Господа, убрав с него все препятствия греха... И тогда придет Господь... И тогда совершится чрез Господа спасение души.

Значит, голос совести без усталости внушает душе, что ее задача – освободиться от греха, потому что спасение души придет только чрез прощение грехов ее.

Но вместе пусть знает душа, что по ее греховной расслабленности она может освободиться от греха лишь «по благоутробному милосердию Бога нашего». Своих сил освободиться от греха и спастись у нее нет. Пусть ее собственные усилия только утвердят ее в мысли о своей полной ничтожности и необходимости ради спасения всецело отдаться Господу.

Господь же Своим приходом в душу устранил ее греховную немощь, приведет в порядок расстроенные душевные силы, и вместо греховного разброда их в душе водворятся мирность, слаженность в служении Богу всеми способностями души. И крепнут «ноги» человека, и утверждаются на мирном пути к Богу, на Божием пути жизни. Так завершается пророческое служение совести. Душа позвала Бога и отдалась Ему... Душа очищена Господом и утверждается на пути служения Ему...

**18** *Младенец же [Иоанн Предтеча] возрастал и укреплялся духом... (Лк. 1, 80).*

Две стороны развития ребенка: возрастание тела и укрепление духа. Обе законны и требуют удовлетворения, потому что двухсоставен человек и забота только об одной стороне его природы приносит ущерб правильности развития человека. Происходит одностороннее развитие природы, и закрепляется ограниченность человека. Одна сторона природы, односторонне развиваемая, поглощает другую, и так формируется уродство личности.

Что справедливо в отношении ребенка, то еще с большей справедливостью приложимо ко взрослому, потому что природа человека одна – что в ребенке, что в зрелом, а между

тем зрелому человеку, получившему одностороннее воспитание, приходится расплачиваться за ошибки прошлого и быть в невольном плену своего уродства. И надо очень, очень много усилий, чтобы избавиться от него.

Надо иметь хорошую голову, много знаний, развитую волю и неиспорченную совесть.

Не игнорируй же духа... Дай ему жить и развиваться. И, развивая тело, крепи и дух, чтобы формировался в тебе полный человек, способный к полной, а не к однобокой жизни.

19 ...[Иоанн, возрастая,] *был в пустынях...* (Лк. 1, 80).

Пустыня, одиночество – лучшая школа души. Одиночество невольно приучает силы души сосредоточиваться в самих себе. А это способствует углублению душевных способностей, их всестороннему развитию и, значит, способствует росту души.

Напротив, жизнь души в быстрой смене впечатлений рождает поверхностность и дает только внешний налет непрочных знаний и неглубоких, быстроскользящих настроений. Это – иллюзорное развитие. Тут знание хуже невежества, и тут отклик чувства вреднее бесчувствия.

Не бойся же оставить душу во внешнем одиночестве. Потеря внешних впечатлений – и нищета, и преддверие богатства. Нищета в обманном натаскивании на себя мнимого развития. И она сказывается, когда человек почему-либо лишается притока внешних рассеивающих впечатлений и остается один на один с самим собой... Тогда человек, не имея никакой своей внутренней ценности, повисает в пустоте, и тоскующая душа, чтобы ей не смотреться каждую минуту на свое нищенство, стремится вытолкнуться на других людей, на улицу, на поток поверхностных впечатлений, чтобы в чем-то найти себя, свое лицо и этим почувствовать какое-то утверждение себя в жизни.

И напротив, когда в душе имеется свое богатство внутреннего мира, она даже избегает рассеивающей пустоты

внешнего, потому что она (пустота) несет с собой если не истребление, то бесплодие для душевного богатства самособранной души.

Значит, богатство души – в ее внутренних силах, и одиночество, эта внутренняя пустыня – лучший сторож богатства и вместе лучшая гарантия его развития и роста души. Ведь для роста души прежде всего и нужно, чтобы душа была в себе самой, в сосредоточенности, а не в разброде своих внутренних сил. Тогда она входит в соприкосновение с источником своей силы – Богом, и таким образом совершается нарастание ее крепости, расширение и углубление ее внутреннего мира.

Так не бойся же одиночества... Полюби его, как пустыню любит пророк и отшельник... И скоро обретешь там Бога... И с Ним укрепится и будет возрастать твоя душа, расширяясь в богатстве единения с источником силы и жизни – твоим Господом.

**20** *...Некоторые из книжников сказали: Учитель! Ты хорошо сказал. И уже не смели спрашивать Его ни о чем. Он же сказал им: как говорят, что Христос есть Сын Давидов, а сам Давид говорит в книге псалмов: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня... Итак, Давид Господом называет Его; как же Он Сын ему? ...И множество народа слушало Его с услаждением (Лк. 20, 39–44; Мк. 12, 37).*

Во все века «книжники» ставили вопрос о Христе и разрешали его в духе иерусалимских книжников. Во все века маленькая мысль маленьких «книжников» всё добивалась «разумно», критически подойти ко Христу и раскрыть, разоблачить до конца «загадку» о Христе. Во все века человеческий умик изошрялся сделать новенькое карточное построение, которое бы в корень изничтожило почитание Христа.

Каждая эпоха и всякий представитель ее из «книжников» подходил к задаче разрушения Христа, как Бога, со своей

меркой. Это была условная, крайне ограниченная мерка данного отрезка времени: мерка господствующих взглядов и даже настроений, мерка направления науки, философии, и во всех случаях это была «кривая» мерка личного морального уровня «книжника».

Христос же несокрушимо стоит у мира, вечно бессмертный Источник одной правды и света. Он стоит у мира как Источник всякой жизни, как зовущий и любящий Отец и вместе как нелицеприятный Судия.

И доньше верно слово: «слушали Его с услаждением». Доньше и вечно чистые души будут тянуться к Нему... Они льнут к Нему в радости и горе, потому что земля не может вместить большей радости и утешить горя. А Он дает успокоение душе и счастье... Христос стоит и будет стоять вечно – бессмертный, влекущий.





# ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Епископа Григория  
(Лебедева)





## Жизнеописание

Епископ Григорий (в миру Александр Алексеевич Лебедев), пятый ребенок в семье священника Алексея Михайловича Лебедева, родился 12 (24) ноября 1878 года в г. Коломне<sup>1</sup> Московской губернии. Его отец, протоиерей Алексей Михайлович Лебедев (1843–1914), после окончания семинарии в 1867 году до своей кончины служил в Коломенском Успенском Брусенском женском монастыре. Мать, Мария Феодоровна (1850–1885), дочь местного священника Феодора Остроумова, была, по воспоминаниям родных, очень верующей и благочестивой. Семья Лебедевых была большая – пятеро сыновей и три дочери. Их с детства воспитывали добрыми христианами, в вере Христовой и благочестии. В возрасте тридцати пяти лет матушка умерла от воспаления легких. Младшему ребенку Елене было всего полтора года. Дальнейшее воспитание детей легло на плечи отца Алексея, помогала ему старшая дочка, шестнадцатилетняя Анна.

Много времени и сил отец Алексей отдавал пастырскому служению, и ему часто приходилось брать с собой младших детей в монастырь, где они находились под присмотром инокинь. Семилетний Александр мало интересовался детскими играми и забавами, с ранних лет он проявлял

---

<sup>1</sup> *Коломна* – старинный русский город, родина митрополита Московского Филарета (Дроздова; 1782–1867). Святитель Филарет оказал большое влияние на местное духовенство, воспитал целую школу истинных пастырей, к числу которых принадлежал и отец будущего епископа Григория.

особую любовь к молитве. Путь будущего Владыки был предсказан ему еще в детстве: одна из монахинь, видя, с какой радостью ребенок посещает длинные монастырские службы, говорила о нем: «Этот будет архиереем».

Начальное образование Александр получил в Коломенском Духовном училище, после окончания которого поступил в местную Духовную семинарию. Одаренный блестящими способностями, он ежегодно получал награды за отличную учебу и примерное поведение. Ректор семинарии, видя серьезное отношение студента к делу, назначил его уставщиком и канонистом на семинарских богослужениях, и эти обязанности он выполнял до самого конца обучения. Александр отличался некоторой замкнутостью, он любил уединение, но вместе с тем всегда был приветлив и доброжелателен с товарищами, и те отвечали ему любовью и уважением. Ежегодно во время летних каникул он совершал паломничества: в Голутвин монастырь, расположенный в двух верстах от города, в Свято-Троицкую Лавру и Спасскую обитель в Рязани. Дома он выпросил у отца нежилое помещение и собственноручно оборудовал его под келью, в которой любил уединяться для молитвы. В воскресные дни Александр посещал богослужения в родном Брусенском монастыре. Все свободное время юноша отдавал чтению духовных книг.

После окончания семинарии в 1898 году Александр стал готовиться к поступлению в Московскую Духовную Академию. Только лучшие студенты имели право на дальнейшую учебу, в каждом выпуске их было всего по два-три человека. Александр был в их числе. Для лучшей подготовки к экзаменам по благословению отца он поступил послушником в Богородице-Рождественский Бобринев мужской монастырь, расположенный в версте от города. Летом монастырская братия была занята на сельскохозяйственных работах, и для совершения служб оставались лишь престарелые и больные иноки. Молодой человек был определен им в помощь и с радостью принялся за порученное дело: он нес послушание на клиросе, а в свободное время готовился к экзаменам.

Вступительные экзамены в Академию начались с письменной работы. Александр выполнил ее успешно, но, считая себя недостаточно подготовленным, не стал сдавать остальные экзамены и вернулся домой в Коломну. Рядом не нашлось никого, кто смог бы успокоить и поддержать юношу, а сам он находился в душевном смятении и был излишне требователен к себе. Но сомнений в выборе дальнейшего жизненного пути у него не было – с детства он знал, что пойдет по семейным стопам<sup>2</sup>. Когда Александр успокоился, он отправился в Казань и поступил послушником в Спасо-Преображенский монастырь, одновременно он был принят вольнослушателем в Казанскую Духовную Академию. В 1899 году Александр успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен в студенты.

С 1895 года Казанскую Духовную Академию возглавлял архимандрит Антоний (Храповицкий) – творческая личность, блестящий педагог, во многом определивший духовный и интеллектуальный расцвет Академии в эти годы. Полный сил и энергии, он всецело посвятил себя делу подготовки священнослужителей и особенно монашествующих. Владыка ректор<sup>3</sup> внимательно относился к талантливому студенту, направляя его на монашеский путь, но всего лишь год

<sup>2</sup> Старший из братьев *Виктор* (1871–1943) был священником в храме Святителя Николая в Хамовниках. *Николай* (1875–1936) служил священником в Петропавловской кладбищенской церкви в Коломне, в годы репрессий был арестован и казнен. *Сергий* (1876–1946) окончил Московскую Духовную семинарию, а затем служил в храме на Грузинской улице в Москве. *Константин* (1882–1966) в 1903 г. окончил Московскую Духовную семинарию, в 1912–1917 гг. служил в церкви в женской гимназии в Нижнем Новгороде, с 1918-го до своего ареста в 1930 г. – в Москве. После трех лет ссылки на Севере до 1945 г. был вынужден работать пчеловодом в деревне. Вернувшись в Москву, он был священником в Подмосковье, а затем служил в московских храмах. К концу своей жизни он получил сан митрофорного протоиерея и все церковные награды. Он оставил воспоминания о брате «Памяти епископа». Священником был и дядя по материнской линии *Илья Феодорович Остроумов*, а его сын, двоюродный брат Александра, тезка *Александр Ильич Остроумов* (1884–1957) стал архиепископом Молотовским и Соликамским *Товией*. Духовное образование получили и все три сестры Александра: они закончили епархиальные училища в Москве. *Анна* (1869–1965), *Вера* (1880–1972) и *Елена* (1884–1948). Две из них были замужем за священниками. Муж Веры, протоиерей, был расстрелян в 1937 г.; муж Елены, Василий Иванович Мансветов, служил после войны в единоверческом храме в Москве.

<sup>3</sup> Антоний (Храповицкий) был возведен в сан епископа в 1897 г.

находился Александр Лебедев под непосредственным руководством Владыки – 4 июля 1900 года епископ Антоний был переведен на новое место служения. Но и при новом ректоре, епископе Алексии (Молчанове)<sup>4</sup>, в Академии сохранялась монашеская атмосфера. Многие соученики Александра Лебедева – Виктор Ряшенцев<sup>5</sup>, Петр Кедров<sup>6</sup>, Михаил Холмогоров<sup>7</sup> уже в студенческие годы избрали для себя монашество, но для него, видимо, еще не пришло время выбора иноческого пути. В Академии Александр Лебедев впервые встретился со своим тезкой Александром Поздеевским, будущим архиепископом Волоколамским Феодором<sup>8</sup>, сыгравшим через двадцать лет значительную роль в его судьбе.

В 1903 году Александр Лебедев закончил Академию по первому разряду и был назначен преподавателем гомилетики (наука о теории и практике проповеди) и литургики в Симбирскую Духовную семинарию. Молодой преподаватель быстро завоевал любовь воспитанников. Общение с се-

<sup>4</sup> *Алексий (Алексей Васильевич Молчанов), епископ Чистопольский.* Род. в 1853 г. Окончил Вятскую Духовную семинарию в 1876 г., Казанскую Духовную Академию в 1887 г., а с 1900-го по 1905-й был ее ректором. С 1905 г. – епископ Таврический и Симферопольский, с 1910 г. – епископ Псковский и Порховский, с 1913 г. – архиепископ, Экзарх Грузии и член Святейшего Синода. Умер 20 мая 1914 г.

<sup>5</sup> *Виктор Ряшенцев, в будущем архиепископ Пермский Варлаам.* Род. в 1878 г., окончил Академию в 1901 г., тогда же пострижен. Был репрессирован, умер в 1942 г. в тюрьме в Вологде.

<sup>6</sup> *Петр Кедров, в будущем архиепископ Черниговский Пахомий.* Род. в 1876 г., поступил в Академию в 1896 г., пострижен в монашество в 1898 г. Был репрессирован, умер в 1937 г. в г. Котельнич Вятской обл. при пересылке в Сибирь.

<sup>7</sup> *Михаил Холмогоров, в будущем архимандрит Симеон, в схиме Даниил.* Род. в 1874 г. В 1899 г. поступил в Казанскую Духовную Академию, еще в годы учебы принял постриг. В 1906 г. был назначен ректором Тамбовской Духовной семинарии. В 1907 г. был тяжело ранен семинаристом-революционером и на всю жизнь остался парализованным. Был репрессирован, расстрелян во Владимирской тюрьме 9 сентября 1937 г.

<sup>8</sup> *Феодор (Александр Васильевич Поздеевский), архиепископ Волоколамский.* Род. 21 марта 1876 г. в с. Макарьевском Ветлужского уезда Костромской губ. в семье священника. В 1900 г. окончил Казанскую Духовную Академию и в том же году принял монашеский постриг. В 1901 г. оставлен в качестве профессорского стипендиата при кафедре патрологии. С 1904 г. по 1906 г. – ректор Тамбовской Духовной семинарии. С 1906 г. по 1909 г. – ректор Московской Духовной семинарии. С 1909 г. по 1917 г. – ректор Московской Духовной Академии. С 1917 г. по 1930 г. – настоятель Московского Данилова монастыря. С 1924 г. почти непрерывно находился в тюрьмах и ссылках. Расстрелян в тюрьме г. Иваново 23 октября 1937 г.

минаристами не ограничивалось учебными занятиями. При нем в семинарии были образованы проповеднические кружки, где студенты учились не только составлять планы и конспекты проповедей, но и произносить проповеди-импровизации. Духовный наставник стремился воспитать своих учеников верными чадами Святой Церкви, при этом он советовал им читать не только святых отцов, но и русскую классическую литературу, считая эти знания необходимыми для церковного проповедника. В Симбирске он трудился четыре года, готовя юношей к пастырскому служению, но почувствовал необходимость в углублении своих знаний, для чего принял решение переехать в Москву.

В столице продолжилась его педагогическая деятельность. Он преподавал сначала в Кадетском корпусе и в 3-й военной гимназии, а позже был инспектором в Николаевском Сиротском институте. Революционные события Октября не могли не отразиться на судьбе Александра Лебедева. В 1918 году Сиротский институт был преобразован в 165-ю трудовую школу, которую Александр Алексеевич возглавлял непродолжительное время.

В январе 1918 года был принят декрет об отделении Церкви от государства, ставивший верующих вне закона. В стране начались гонения на Церковь, невиданные за все время существования Православия в России. В 1919 году Александр Алексеевич был вынужден переменить работу. Оставив педагогическую деятельность, он поступил на должность начальника почтового сектора в Лесном управлении. Но мирская жизнь все более и более тяготила его. Глубокая религиозная настроенность, приобретенная им еще с малых лет, повлияла на его новый жизненный выбор. «Рождением, образованием, воспитанием и настроением»<sup>9</sup> он был готов к новому служению. И в 43 года Александр Лебедев выбирает самую тяжелую в эти годы судьбу – монашество, что сулило многие страдания, а часто

<sup>9</sup> Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Проповеди. «Благовестие святого евангелиста Марка» (Духовные размышления). Письма к духовным чадам. М., 1996 г. С. 20.

и мученическую кончину. В этом он сейчас видел свой долг служения Богу и Церкви. И решение это было хорошо продумано, это был не юношеский порыв, а тщательно взвешенный поступок уже немолодого человека, прекрасно отдающего себе отчет во всех последствиях.

Декрет 1918 года об отделении Церкви от государства стал юридическим основанием для закрытия монастырей. Некоторые общины пытались спасти свои обители, регистрируясь как сельскохозяйственные коммуны. Благодаря этим мерам они смогли просуществовать еще некоторое время. В один из таких монастырей отправился Александр: в Смоленскую Зосимову пустынь, расположенную в лесах Александровского уезда Владимирской губернии, неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры. «В конце 1920 года Зосимову пустынь превратили в сельскохозяйственную трудовую артель, и монахи выполняли уже не послушания, а ходили на работу. Но и под новым названием <...> пустынь продолжала свое святое делание: строго соблюдался устав, так же благоговейно велось богослужение»<sup>10</sup>. В 1921 году, Рождественским постом, незадолго до праздника, здесь, в пустыни, Александр Лебедев принял монашеский постриг с именем Григорий, в честь и память святителя Григория, епископа Неокесарийского (память 17/30 ноября). Восприемником его был епископ Варфоломей<sup>11</sup> (Ремов). Первые месяцы послушания прошли под руководством опытного старца игумена Митрофана<sup>12</sup>.

Вскоре инок Григорий продолжил свое монашеское делание в Московском Даниловом монастыре под руководством известного ему по Казанской Академии архиепископа Фео-

---

<sup>10</sup> *Илья Четверухин, протоиерей. Евгения Четверухина.* Преподобный Алексей, старец-затворник Смоленской Зосимовой пустыни. М., 2003. С. 141.

<sup>11</sup> *Варфоломей (Николай Федорович Ремов), архиепископ.* Род. в 1888 г. в семье московского священника. В 1911 г. студент Московской Духовной Академии был пострижен в Зосимовой пустыни епископом Феодором (Поздеевским). В 1921 г. хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. В 1932 г. возведен в сан архиепископа. В 1935 г. расстрелян в Бутырской тюрьме.

<sup>12</sup> *Митрофан (Тихонов), игумен.* Род. ок. 1860 г. Один из старейших насельников Свято-Смоленской Зосимовой пустыни, после ее закрытия – старец Московского Высоко-Петровского монастыря. В ходе разгрома петровской общины выслан в Каширу, арестован в 1941 г., погиб в тюрьме.

дора (Поздеевского). Под управлением владыки Феодора монастырь в эти годы переживал расцвет духовной жизни, став хранителем и блюстителем чистоты веры. Вместе с епископом Феодором сюда пришли многие его друзья и единомышленники по Московской Духовной Академии. Под его руководством была открыта Высшая богословская школа, так называемая Даниловская Академия, в которой сам владыка Феодор преподавал аскетику. «Когда архиепископ Феодор стал настоятелем Данилова монастыря, он привлек сюда единомысленную с ним ученую братию, воодушевленную идеями христианского подвига, и в силу этого – подлинных защитников Православия и хранителей церковного предания. По этим признакам и собиралась братия Данилова монастыря. В этом смысле Данилов монастырь значительно отличался от других монастырей того времени <...> Владыка Феодор и вся даниловская братия оказали неоценимую услугу Церкви. Они сделали очень ясный, абсолютно бескомпромиссный выбор. Стоя на канонических церковных основах и имея духовный опыт, они сумели найти истинную церковную позицию; эта позиция не допускала никакого диалога с обновленцами как с людьми, которые сами собственной волей отпали от Церкви, делала этот диалог невозможным. И довольно скоро даниловцам удалось объяснить это многим архиереям, приезжавшим к ним в растерянности, не зная, как поступать, – вести ли диалог с обновленцами дальше, согласиться ли на формальное подчинение им или разорвать с ними отношения. Многие из таких архиереев, лишённые советской властью кафедр, жили тогда в Даниловом монастыре. И когда они получили возможность вернуться в свои епархии, то уезжали отсюда как люди знавшие и не сомневавшиеся, что нужно выбирать и чего держаться, понимая, что недопустимо рассматривать возможность иного возглавления Русской Православной Церкви, кроме Патриарха Тихона. Так на архиепископе Феодоре исполнилось пророчество, что он будет одним из столпов Православия в двадцатом веке. Благодаря его помощи и духовным

наставлениям многие потом при наступлении еще горших и лютейших гонений стали безкомпромиссными исповедниками»<sup>13</sup>. В Даниловом монастыре инок Григорий был рукоположен в иеродиакона и менее чем за три года прошел путь до архимандрита (видимо, поэтому некоторые авторы указывают, что он постриженник Данилова монастыря). Годы, проведенные в Даниловом, были наилучшей подготовкой к архипастырскому служению, и 2 декабря 1923 года Святейший Патриарх Тихон хиротонисал Григория (Лебедева) во епископа Шлиссельбургского и Лодейнопольского, викария Петербургской епархии.

Вскоре Преосвященный Владыка отправился к месту нового служения. С приездом епископа Григория заметно оживилась духовная жизнь города. Верующие по достоинству оценили труды нового архипастыря, храмы города вновь стали заполняться людьми. Благоговейные службы, блестящие проповеди, в которых отразился его духовный опыт, снискали Владыке любовь паствы. В 20-е годы в городе закрылись все церковные издательства, журналы, богословские общества, оставалась лишь церковная проповедь, она в эти годы была пока относительно свободной. Епископ Григорий был блестящим проповедником-импровизатором, он с юности любил искусство живого слова. Из воспоминаний современника: «В нем все imponировало. Стоит он передо мной как живой и сейчас: пенсне, высокий рост, каштановые волосы... Он служил эмоционально, с порывом, четко и ясно произносил молитвы <...> проповеди его были необычайно смелы. Помню, например, его проповедь на тему “Поддельный рай”. Он произнес ее в Прощеное воскресенье, в лаврском соборе, в 1926 г. “Люди всегда стремятся к раю, к единению с Богом, к блаженству. Это свойство, заложенное в них Творцом, – это и есть Образ и Подобие Божие. Но настоящего рая достигнуть трудно; для этого нужна непрерывная рабо-

---

<sup>13</sup> *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. В огненном испытании. Архиепископ Феодор, Данилов монастырь и судьба Русской Православной Церкви в XX столетии // «Даниловский благовестник». 1996. Выпуск 8. С. 45.

та над собой, надо очищать себя от грехов, от пороков, надо бороться с греховными мыслями, с чувствами. И вот – уловка сатаны: этот рай можно, оказывается, достичь легко и просто: надо лишь несколько иначе распределить доходы, сделать всех сытыми – и наступит земной рай. Это попытка заменить трудное легким, духовное плотским, подлинное бутафорским. Но, как всякое картонное сооружение, бутафорский рай рассыпается от малейшего толчка, разлетается от порыва ветра. Таким порывом ветра является человеческая злоба, страсти, честолюбие. При одном их порыве все рассыплется в прах, рухнут картонные стены, и останется одна лишь тьма. Будем же искать истинный, подлинный рай, и для этого очистим сейчас, в наступающем посту, наши сердца и чувства, да узрим Христа, воскресшего из мертвых. Аминь”»<sup>14</sup>. Владыка «отличался глубоким молитвенным настроением. Во время богослужения лик его хранил неземное бесстрашие. И в то же время владыка буквально пламенел в своей молитве, восходя умом на непостижимую горную высоту...»<sup>15</sup> Прихожане прямо в храмах записывали, а затем расшифровывали и перепечатывали на пишущей машинке его выступления, которые передавали друг другу для чтения. В них он говорил о вере и покаянии, заповедях любви и важности молитвы, поясняя, что «молитва всегда остается подвигом, который совершается с великим трудом и только с помощью Божией»<sup>16</sup>; о сущности поста и о борьбе с грехом; о Промысле Божиим; рассказывал о святых и нравственной стороне праздников, о цели и смысле жизни: «Каждому человеку нужно сознать цель жизни, найти какую-то правду. Надо оправдать свою жизнь. Это всем необходимо: монаху, священнику, торговцу, служащему, матери семейства, старику, молодому мужчине, женщине – всем нужно оправдать свою жизнь. Это сознание правды жизни и есть путь Креста,

<sup>14</sup> *Краснов-Левитин Анатолий*. Лихие годы: 1925–1941. Париж. «УМСА-Press». 1977 г. С. 89.

<sup>15</sup> *Филимонов В.П.* Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб., 1999. С. 75.

<sup>16</sup> *Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский*. Указ. соч. С. 61.

путь страдания. А мы гоним Крест из своей жизни. И что же, нашли счастье, обрели спокойствие духа? Путем компромиссов получили удовлетворение? Я не знаю счастливых. Покажите мне их. Перед нами путь страданий. Крест – это стержень, на котором все держится, вся жизнь. Возьмите Его – и все земное, суетное рассыплется. Жизнь предстанет перед вами как цепь ненужных отношений друг с другом, как ряд пустых встреч и разговоров и чисто механических действий. Что же такое тогда жизнь? Это нагромождение в нашем сознании скуки, разочарования, усталость от жизни и желание забыться – вот что значит жизнь без Креста. Третьего пути я не знаю. Его нет! Остается один путь – Креста. Если ты христианин, то не думай – бери и неси. И не бойся страданий на этом пути. Они будут, они должны быть. Но будем помнить слова апостола Павла: “С Ним пострадаешь, с Ним и прославишься” [см.: Рим. 8, 17] »<sup>17</sup>. Исполненные высокого пастырского вдохновения проповеди снискали ему среди верующих многочисленных приверженцев.

Отправляя Владыку в северную столицу, Святейший Патриарх Тихон возложил на него также обязанности наместника Александро-Невской Лавры. Годы, проведенные в Даниловом монастыре под руководством владыки Феодора, способствовали духовному возрастанию епископа Григория, и сейчас на новом месте он уже сам как наместник Лавры должен был заботиться о вверенной ему братии, об устроении их внутренней жизни. В эти годы он сближается с одним из насельников Лавры – иеромонахом Варнавой (впоследствии преподобный Серафим Вырицкий)<sup>18</sup>. «Наряду с покоями в Лавре, епископу Григорию была выделена квартира в одном из лаврских домов на площади имени Александра

---

<sup>17</sup> Там же. С. 24–25.

<sup>18</sup> *Варнава (Василий Николаевич Муравьев), иеромонах*. Род. в 1866 г. Успешный предприниматель, занимавшийся пушной торговлей как в России, так и за границей, закрывает свое дело и в 1920 г. принимает монашеский постриг. На рубеже 1926–1927 гг. был пострижен в великую схиму с именем Серафим. С 1930 г. и до своей кончины в 1949 г. жил в Вырице. На Архиерейском Соборе в августе 2000 г. Серафим Вырицкий прославлен в лике святых.

Невского. Здесь за чашкой чая он часто встречался с <...> иеромонахом Варнавой. О многом говорили тогда: обсуждали вопросы повседневной жизни обители; пути сохранения Православной Церкви во враждебном ей богоборческом мире; беседовали и о тайнах живого общения Бога и человека, начинающегося на земле и продолжающегося в Вечности. Бывали в доме владыки Григория известные петроградские ученые-богословы <...> со временем общение между епископом Григорием и отцом Варнавой (Муравьевым) переросло в настоящую духовную дружбу»<sup>19</sup>.

Горячий прием, оказанный паствой своему архипастырю, огромное число почитателей, подъем духовной жизни в городе – все это, конечно, не могли не заметить местные власти – и меры были приняты. Согласно данным архива ФСБ, в Ленинграде епископа Григория арестовывали дважды. Первый раз 6 декабря 1924 года как наместника Лавры «за неплату налогов» и «продажу лаврской ризницы»<sup>20</sup>. На суде он вел себя очень мужественно, смело отвечая на вопросы. Он получил небольшой условный срок и 17 апреля 1925 года был освобожден. Через два года, 31 марта 1927 года, Владыка был арестован по новому обвинению – групповому делу Пастырского училища. Теперь по печально известной статье 58-10 ему ставили в вину создание «кружка “Ревнителю истинного Православия”, члены которого якобы должны были организовывать протесты при закрытии властями церквей»<sup>21</sup>. Владыка сидел в тюрьме на Шпалерной. «Шпалерка», или ДПЗ (дом предварительного заключения) был местом пребывания подследственных до вынесения приговора. Отсюда одни отправлялись в лагеря и ссылки, жизнь других мученически заканчивалась в подвалах тюрьмы. Редко кому удавалось выйти на свободу. Но и в этот раз для Владыки все закончилось счастливым образом. Было принято

<sup>19</sup> Филимонов В.П. Указ. соч. С. 75.

<sup>20</sup> Антонов В.В. Материалы к биографии // Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Указ. соч. С. 9.

<sup>21</sup> Там же. С. 10.

решение «за недостаточностью компрометирующего материала следственное дело прекратить и сдать в архив». По тем временам это было чудом, великой милостью Божией. Епископ Григорий вышел на свободу 19 ноября 1927 года.

Это был, быть может, один из самых сложных периодов в истории Русской Православной Церкви, который до сих пор вызывает немало споров. Ситуация осложнялась еще и тем, что 29 июля 1927 года недавно освобожденный из заключения митрополит Сергей (Страгородский), Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, надеясь смягчить репрессии против Церкви, опубликовал послание, призывающее верующих к лояльности советской власти. Послание, получившее позднее название «Декларации», а также ряд последовавших за ней Указов, были негативно восприняты многими священниками и мирянами. Ярче всего это недовольство проявилось в Ленинграде, который стал центром оппозиции митрополиту Сергию. Возглавил ее митрополит Иосиф (Петровых)<sup>22</sup>. Епископ Григорий в этом вопросе занимал двойственную позицию: Декларации он не принял, но и открыто к иосифлянам не присоединился, хотя и поддерживал довольно активно. Владыка считал, что в сложившихся условиях предпочтителен церковный плюрализм, или децентрализация церковной власти. Рассредоточенная Церковь, состоящая из автокефальных епархий, лучше сможет противостоять натиску безбожной власти, хотя бы потому, что «приручить» несколько сот епископов гораздо труднее, чем одного, стоящего во главе Церкви. Эту теорию епископ очень умело применял на практике: пользуясь древним правом ставропигии, которую имели лавры, Владыка никому не подчинялся и за богослужением поминал лишь сосланного Ме-

---

<sup>22</sup> *Иосиф (Петровых Иван Семенович), митрополит Ленинградский.* Род. в 1872 г., в 1899 г. окончил Московскую Духовную Академию первым магистрантом. 1901 г. – пострижен в монашество, 1909 г. – хиротонисан в епископа Угличского, викария Ярославской епархии. 1926 г. – митрополит Ленинградский. В 1928 г. подписал акт отхода от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. С именем митрополита Иосифа связано возникновение движения сопротивления компромиссному курсу соглашений части церковного руководства с правительством. Жил в ссылке в Казахстане. Арестован и расстрелян 20 ноября 1937 г. в Чимкенте.

стоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Крутицкого Петра<sup>23</sup>. При этом с митрополитом Сергием епископ Григорий стремился сохранять отношения. Его «предусмотрительная» (а по некоторым оценкам, «двойственная») политика вводила некоторых в смущение. В январе 1928 года епископу Григорию было предписано Синодом возносить за богослужением имя митрополита Сергия, его также предупредили, что в случае невыполнения распоряжения Синод будет иметь о нем «особое суждение». 12 марта 1928 года епископ Григорий встретился с митрополитом Сергием, и тот потребовал от него безоговорочного подчинения и осуждения не поминающих его архиереев, на что владыка Григорий ответил, что это породит еще большее смятение. Глубоко скорбя обо всех этих церковных нестроениях, на следующий день епископ Григорий написал митрополиту Сергию письмо, в котором объяснял свою позицию: «...Так как линия моего церковного поведения и руководства в направлении укрепления единства Церкви вне ориентировки по личности учитывается Вами как ошибочная, а я считаю ее в условиях данного момента здешней церковной жизни единственно мудрой, и так как результаты этой линии расцениваются Вами как углубление смуты, между тем как я считал таковые локализацию смущения, то единственным выходом для меня остается удаление от дальнейшего руководства церковной жизнью. <...> Наш вчерашний разговор был предметом моего тщательного продумывания, и я пришел к одному решению: настоящим я повергаю перед Вами просьбу освободить меня от несения обязанностей Вашего заместника по Св. Троицкой Александро-Невской Лавре и снять с меня руководство Шлиссельбургским и Детскосельским

<sup>23</sup> *Петр (Полянский Петр Федорович), митрополит Крутицкий, Местоблюститель Патриаршего Престола.* Род. в 1863 г. В 1892 г. окончил Московскую Духовную Академию. Много лет занимал разные посты в Учебном Комитете и Училищном Совете при Святейшем Синоде. 1920 г. – епископ Подольский; 1923 г. – архиепископ; 1924 г. – митрополит Крутицкий. Один из ближайших помощников Патриарха Тихона, после смерти которого в 1925 г. собором 37 русских иерархов был утвержден Местоблюстителем Патриаршего Престола. В декабре 1925 г. был арестован, осужден и сослан в Сибирь. Расстрелян 10 октября 1937 г.

викариатством с увольнением на покой. Четыре с половиной года пребывания на служении здесь, четыре с половиной года почти сплошных страданий, выучили меня ходить и определяться только состоянием по совести перед Лицом Божиим. И теперь моя совесть спокойна. Пусть меня судит Господь. Конечно, не скрою: мое больное сердце рвется от новой непосильной боли. Я вижу, что ухожу от своей паствы в горький час церковной жизни. Я покидаю Лавру, которой отдал свою душу, где было пролито столько слез, пережито столько горя, но где вместе с тем осязалась невидимая милосердная рука Божия, где молитвы были от сердца, где обвевало веянием нарастающего единения и любви и где я отдышал душой, сливаясь в молитве с сердцами своей паствы, так любившей Лавру. Я покидаю горячо любимый мною клир, всегда воздававший мне не по заслугам – своею преданностью, любовью и послушанием. <...> Пусть все простят меня, я буду молить их об этом. Пусть все поймут, что я бессилён сделать что-либо другое. Вот почему покойна моя совесть. Пусть меня судит Господь. <...> Дни мои идут к закату, и надо утвердиться в одном деле: быть в Боге и с Богом»<sup>24</sup>.

Указа об увольнении епископа Григория не последовало, и он продолжал служить, поминая за богослужением только Местоблюстителя митрополита Петра. В мае 1928 года владыка Григорий был назначен епископом Феодосийским, викарием Таврической епархии. Владыке было ясно, что за этим перемещением кроется своего рода ссылка, желание избавиться от него. Дважды уполномоченные двадцаток Александро-Невской Лавры обращались к митрополиту Сергию с просьбой оставить епископа Григория на кафедре, указывая на его заслуги, и дважды получали отказ. 28 августа 1928 года епископ Григорий был вынужден уволиться на покой. В «Прощальном слове к петроградской пастве» он сказал,

---

<sup>24</sup> Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 581–582.

что все пребывание его на кафедре представляло собой «длинную, мрачную, тяжелую цепь страданий, почти без просвета» и только вы, «возлюбленные братия <...> были моими утешителями, моею радостью, моим оправданием пред Богом, моим блистающим венцом»<sup>25</sup>. Простившись с близкой его сердцу паствой, отслужив в последний раз литургии в Лавре и приходах, где его лично знали, преподав пастве прощальное благословение, Владыка уехал в родную Коломну.

Осенью 1931 года он переезжает к родственникам в Москву, а затем ради безопасности решает перебраться в подмосковный поселок Жаворонки. Но здесь ему удалось прожить лишь несколько месяцев конца 1932-го и начала 1933 года. Под нажимом властей хозяйка дома отказала ему в жилье. Владыка принимает решение переехать подальше от Москвы и весной 1933 года поселяется в старинном городке Кашине, районном центре Тверской (с 1931-го до 1990 года – Калининской) области. Город издревле считался одним из центров Православия в России.

После «увольнения на покой» Владыка ведет полузатворнический образ жизни, избегая лишних встреч, приезжают лишь его духовные дети из Ленинграда. С ними Владыка ведет регулярную переписку, стараясь утешить, поддержать, не упустить ничего полезного для их духовного роста, предупредить о подстерегающих их опасностях. В переписке приходилось обдумывать каждое слово, так как письма могли попасть к властям. Владыка просил, чтобы о нем не велось никаких разговоров с посторонними и адрес его никому не передавался. В этих письмах проявился его талант не только пастыря, но и педагога. Это любящий, заботливый, мудрый наставник, духовный отец. «Уверьтесь... в том, что Ваше спасение и Ваша жизнь мне дороги и будут дороги всегда. И я всегда буду болеть Вашими скорбями и радоваться вместе с Вами! И всеми силами души я хотел бы облегчить

<sup>25</sup> Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Указ. соч. С. 213–214.

Ваш путь. В том и мой долг, и мое счастье, и мой венец у Христа»<sup>26</sup>. «Мне так хотелось приласкать Вас как хорошего ребенка, которого не хотят понять большие и у которого своя большая боль и некому рассказать о себе! Зачем Вы волнуете себя? Ведь Вы уже знаете, что моя душа вся открыта Вам, и я всегда сумею понять Вас и, с Божьим благословением, рассказать Вам о Божьей воле»<sup>27</sup>. Он готовит своих чад к испытаниям: «Господни страдания сделайте близкими, близкими своему сердцу, чтобы в Господе иметь свою силу. И с любовью пройдите с Ним весь путь от Вифании»<sup>28</sup>. «Земная жизнь есть борьба, подвиг, и христианство сулит не смех и улыбки, а скорбь и очистительные слезы. <...> Путь за Христом есть крест, есть непрерывный подвиг, есть безжалостное насилие над собой. Сделай отсюда вывод для своей жизни. Вывод будет один: не ищи от жизни роз, покоя, благодушного довольства и наслаждения. Христианство – подвиг, подвиг и в твоём пути, пока он добрый путь ко Христу; всегда будет труд, напряжённое принуждение себя, слезы и вздыхания. <...> А потому полюби спасительную скорбь. Она – неизбежный путь к Богу, через нее – очищение»<sup>29</sup>. Он просит своих пасомых присылать ему вопросы, которые требуют объяснения: «Прошу Вас написать мне, что для Вас представляется неясным в вопросе о Божественном Промысле? Пришлите мне все вопросы, какие требуют выяснения»<sup>30</sup>. Советует ежедневно читать по одной главе Евангелия и не смущаться наличием непонятных мест, быть уверенными, что Господь откроет непонятное. «Вы интересовались смыслом некоторых евангельских текстов. Пишу пояснение»<sup>31</sup>. Эти «Духовные размышления» вышли в свет уже после смерти автора<sup>32</sup>. Они очень интересны и близки современному

<sup>26</sup> Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Указ. соч. С. 415.

<sup>27</sup> Там же. С. 414.

<sup>28</sup> Там же. С. 407.

<sup>29</sup> Там же. С. 425.

<sup>30</sup> Там же. С. 414.

<sup>31</sup> Там же. С. 421.

<sup>32</sup> Впервые они были опубликованы в журнале «Богословские труды», сб. № 16, 1976 г.; сб. № 17, 1977 г.

читателю, ведь адресованы они были в первую очередь его духовным чадам. «И еще Вас хочу порадовать. Я как будто угадал движения Вашего сердца и Ваши мысли относительно Евангелия. С Божьей помощью, в отдельные благоприятные моменты пишу о евангельских образах. Беру их из святого Евангелия Марка»<sup>33</sup>.

Владыку мучают ревматизм и боль в бедре (порой он вынужден писать письма лежа в постели), но, несмотря на недомогания, он много читает, продолжает собирать воедино свои проповеди, работает над размышлениями о Евангелии, пишет толкование молитвы преподобного Ефрема Сирина. «Я забываюсь только за своими занятиями... А работается, милостью Божией, легко и охотно!» «Я не знаю ни скуки, ни тоскливого безделья с придумыванием, куда бы убить время»<sup>34</sup>.

Вынужденный «уйти на покой» Владыка не хотел возвращаться к церковной деятельности. Посещал он Воскресенский кафедральный собор (закрытый в 1936 году), где до 1930 года покоились мощи святой благоверной Анны Кашинской, но служил, по-видимому, тайно у себя дома. Жил он на средства старшего брата Виктора, по хозяйству ему помогала преданная келейница Нина Александровна Слепушкина. Такая относительно спокойная жизнь продолжалась несколько лет, пока в стране не начались новые массовые репрессии. Лишь немногим архиереям Русской Православной Церкви удалось пережить время «великого террора» — 1937 и 1938 годы<sup>35</sup>. Не обошли стороной репрессии и Кашин. Здесь в это время жило много священников и монахов,

<sup>33</sup> Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Указ. соч. С. 417.

<sup>34</sup> Антонов В.В. Материалы к биографии // Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Указ. соч. С. 13.

<sup>35</sup> В 1937–1938 гг. «интенсивность гонений на иерархов примерно равна интенсивности гонений на всех верующих. При этом следует отметить, что репрессии по отношению к иерархам по своему характеру более жестоки <...> Если же сравнивать количество расстрелов в 1937–1938 гг., то среди всех репрессированных верующих расстрелян каждый второй, а среди иерархов — четверо из пяти». Емельянов Н.Е. 420 иерархов среди сотен тысяч пострадавших за Христа в 1917–1957 гг. // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 2005 г. С. 237.

высланных из столицы и других городов и монастырей, в том числе и из Данилова. В начале 1937 года власти сфабриковали несколько дел, по которым привлекались бывшие насельники Данилова монастыря, объявленные теперь контрреволюционной организацией. Епископ Григорий был лично знаком с даниловскими насельниками: архимандритом Поликарпом (Соловьевым)<sup>36</sup>, архимандритом Стефаном (Сафоновым)<sup>37</sup>, иеромонахом Исаакием (Бабиковым)<sup>38</sup>, но близкого общения в эти годы между ними не было, учитывая полузатворнический образ жизни епископа Григория. В городе начались массовые аресты среди священников и мирян. 16 апреля 1937 года пришли и за Владыкой. Епископ Григорий был арестован третий раз, и вновь по пресловутой статье 58-10/11 (теперь в нее был еще добавлен пункт 11-й – «участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений», предусмотренного этой статьей), и отправлен в Калининскую тюрьму. С ним вместе была арестована его келейница, которая вела себя очень мужественно на допросе, отказавшись подписать протокол.

---

<sup>36</sup> *Поликарп (Соловьев Дмитрий Андреевич), архимандрит.* Род. в 1892 г. в семье священника. Учился в МДА с 1912-го по 1917 г. (в годы ректорства владыки Феодора). Монашеский постриг принял в 1916 г. В 1919 г. пришел в Данилов монастырь. Выделялся особой молчаливостью, сосредоточенностью, смирением. Его духовные дарования сочетались с блестящей богословской образованностью. Настоятелем монастыря владыкой Феодором назначен наместником монастыря с 1924-го по 1927 г. Так же, как и владыка Феодор, неоднократно арестовывался, приговаривался к тюрьме и ссылке. С 1936 г. жил в Кашине, был арестован, затем переведен в Ивановскую тюрьму, расстрелян 27 октября 1937 г. по «делу иноческого братства князя Даниила».

<sup>37</sup> *Стефан (Сафонов Сергей Александрович), архимандрит.* Род. в 1892 г. в Саратове. В 1917 г. закончил Казанскую Духовную Академию и в том же году поступил в Данилов монастырь. В 1922 г. был арестован за «укрывательство имущества монастыря», освобожден из Бутырки по амнистии. С 1927-го по 1929 г. архиепископом Феодором (Поздеевским), находившимся в заключении, назначен наместником Данилова монастыря (1927–1929). В 1929 г. был вновь арестован за «сопротивление закрытию одной из церквей Данилова монастыря». После трех лет ссылки в Казахстане сменил несколько мест жительства. 23 марта 1937 г. был вновь арестован. Расстрелян 17 сентября 1937 г. по одному делу с владыкой Григорием.

<sup>38</sup> *Исаакий (Бабиков Иван Алексеевич), иеромонах.* Род. в 1879 г., принял монашеский постриг в 1912 г. С 1923 г. в Даниловом монастыре. В феврале 1931 г. рукоположен в иеромонаха, служил в церкви Воскресения Словущего. 14 апреля 1931 г. был арестован, сидел в Бутырской тюрьме. После выхода на свободу жил в Кашине, проходил по групповому «делу епископа Григория (Лебедева) и “фашистско-монархической организации” г. Кашина». Расстрелян 17 сентября 1937 г.

От Владыки требовали признания, что он возглавлял контрреволюционную группу и у себя в квартире проводил нелегальные собрания, то есть домашние богослужения (при аресте было изъято облачение и большое количество свечей).

Следствие интересовалось прежде всего его связями. В течение апреля–мая его трижды допрашивали (последний допрос был 10 мая). На вопрос следователя о том, кто и с какой целью посещал его квартиру, Владыка отвечал спокойно и осторожно, что врачи посещали его для оказания медицинской помощи; монахини, чтобы помочь по хозяйству и поздравить с праздником; священники по церковным вопросам, имеющим частное богословское значение. На допросах епископ Григорий категорически отвергал все обвинения в причастности к «фашистско-монархической» организации и не признал себя виновным ни в одном из этих вымышленных, сфальсифицированных преступлений. Он также не дал никаких показаний, которые могли бы повредить другим обвиняемым. Ответы Владыки были продуманы и осторожны и не давали следователю никаких поводов для обвинения, но для следствия это не имело никакого значения.

31 августа 1937 года следствие о «контрреволюционной монархической организации» на территории Калининской области было закончено. 13 сентября 1937 года тройка НКВД объявила приговор. По этому делу проходили пятьдесят человек, и все, кроме одного несовершеннолетнего, были приговорены к расстрелу. Через четыре дня, 17 сентября в час ночи, епископа Григория казнили. Погребен он был в общей безвестной могиле.

16 июля 2005 года в заседании Священного Синода под председательством Патриарха Алексия постановили включить в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века от Санкт-Петербургской и Тверской епархий имя епископа Шлиссельбургского Григория (Лебедева).

*Память священномученика Григория, епископа  
Шлиссельбургского, совершается в день его  
мученической кончины 4 (17) сентября.*

Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 30 января 1991 года на основании решения Поместного Собора 1917–1918 годов установлено поминовение всех усопших, пострадавших в годину гонений за веру Христову, в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских – 25 января (7 февраля), если этот день совпадает с воскресным днем, а если не совпадает, то в ближайшее воскресенье после 25 января (7 февраля).



---

Литература:

*Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский.* Проповеди. «Благовестие святого евангелиста Марка» (Духовные размышления). Письма к духовным чадам. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Издательство «Отчий дом». М., 1996 г.

Богословские труды. Сборник № 16, 1976 г.; № 17, 1977 г.; № 21, 1980 г. Издание Московской Патриархии. Москва.

*Лебедев Константин, протоиерей.* Памяти епископа // *Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский.* Указ. соч.

*Антонов В.В.* Материалы к биографии // *Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский.* Указ. соч.

*Голубцов Сергей (протодиакон).* Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999 г.

*Дамаскин (Орловский), игумен.* Житие священномученика Григория (Лебедева), епископа Шлиссельбургского // *Ретов Православный.* № 4 (6) ноябрь 2004 г.

## Содержание

### «БЛАГОВЕСТИЕ СВЯТОГО ЕВАНГЕЛИСТА МАРКА» (Духовные размышления)

Глава 1 .....	7–12
Глава 2 .....	12–15
Глава 3 .....	15–16
Глава 4 .....	16–31
Глава 5 .....	31–48
Глава 6 .....	49–59
Глава 7 .....	60–66
Глава 8 .....	66–94
Глава 9 .....	94–114
Глава 10 .....	114–142
Глава 11 .....	142–163
Глава 12 .....	163–186
Глава 13 .....	186–188
Глава 14 .....	188–204
Глава 15 .....	204–210
Глава 16 .....	210–217

### «ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ»

(Дневник размышлений над Евангелием от Луки) .....	219
Глава 1 .....	221–236
Глава 20 .....	236–237

### ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Епископа Григория (Лебедева) .....	239
------------------------------------	-----

ЕПИСКОП ГРИГОРИЙ (ЛЕБЕДЕВ)

# ТОЛКОВАНИЕ

НА ЕВАНГЕЛИЕ

(ОТ МАРКА И ЛУКИ)

Цензор *игумен Петр (Мещеринов)*

Директор Издательства *Сергей Дубинкин*

Главный редактор Издательства *Владимир Малягин*

Редактор *Наталья Шапошникова*

Художник *Александр Григорьев*

Компьютерная верстка *Ольга Кулагина*

Компьютерный набор *Татиана Божевольнова*

Корректор *Анна Ключикова*

Допечатная подготовка *Димитрий Клыгин*

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.

Подписано в печать 30 октября 2006 г.

Формат 60x90<sup>1/16</sup>. Печ. л. 16,5. Тираж 10 000 экз.

Заказ № .

Издательство «ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК»

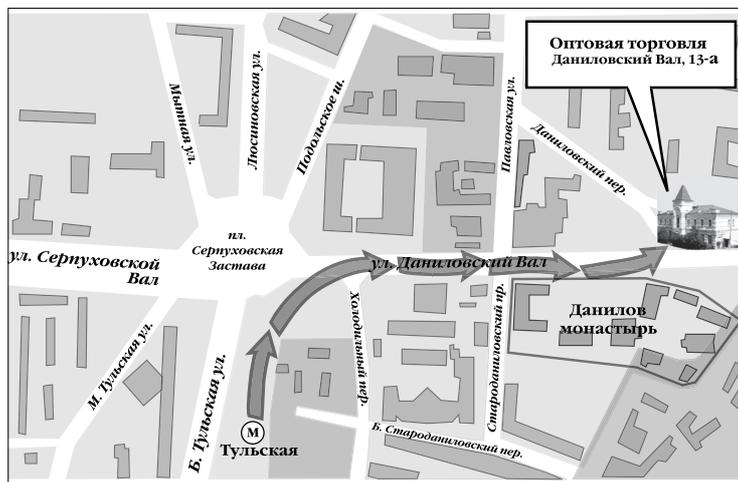
115191, Москва, Даниловский вал, 20

Отпечатано в «ОАО ИПК

«УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

при участии ПФ «Сашко»



## ОПТОВАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

### Данилова монастыря предлагает

Более 1200 наименований книг православных издательств, в том числе книги издательства Данилова монастыря «Даниловский благовестник», богослужебную литературу, календари, подарочные издания, аудио- и видеокассеты.

Также в продаже свечи, лампадное масло и другие товары *по предельно низким оптовым ценам.*

У нас вы можете сделать предварительный заказ на любые необходимые вам книги по телефону или факсу.

*Крупнооптовым покупателям высылаем полный каталог по факсу или почтой.*

При необходимости обеспечиваем доставку книг железнодорожными контейнерами, автотранспортом, бесплатную доставку на любой ж/д вокзал г. Москвы.

Часы работы: 9.00 – 18.30, кроме воскресных дней и праздников.

Адрес оптовой торговли: Даниловский вал, 13-а, двухэтажное желтое здание напротив Святых врат монастыря.

Адрес розничной торговли: Даниловский вал, 22, в стене монастыря, в храме преподобного Серафима Саровского.

Телефон: 952-72-89 Факс: 952-34-08

E-mail: opt@msdm.ru [Http://www.saintdaniel.ru](http://www.saintdaniel.ru)

Проезд: ст. м. «Тульская», 7 мин. пешком или трамв. 3, 35, 38, 39, А до остановки «Данилов монастырь».